

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

1. ГАМЛЕТЪ ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ

2. ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ

МОСКВА. 1880

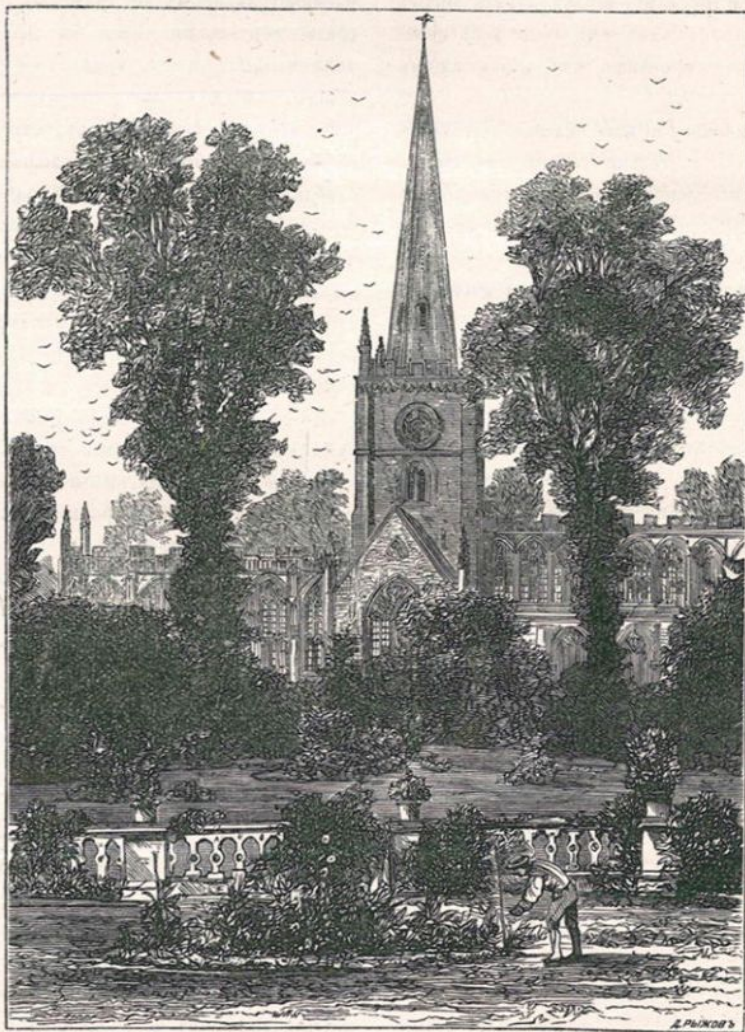
ТИПОГРАФІЯ А. ГАТЦУКА, НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ, ВЪ Д. ТОРЛЕЦКАГО.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ШЕКСПИРѢ

Немного болѣе трехсотъ лѣтъ прошло съ той поры, какъ почти въ самомъ центрѣ Англіи появился на свѣтъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ, а, между тѣмъ, о частной его жизни, въ особенности же о его юности, мы можемъ сказать теперь весьма немного и намъ приходится только сожалѣть, что никому изъ современниковъ Шекспира не пришло въ голову оставить потомству его біографію,—точно они, восхищаясь произведеніями великаго поэта и интересуясь ими, не интересовались его собственной личностью или, по крайней мѣрѣ, не предполагали, чтобы въ послѣдующихъ поколѣніяхъ нашелся кто нибудь, кто бы пожелалъ узнать о немъ по подробнѣе.

О многихъ личностяхъ, жившихъ въ одно время съ Шекспиромъ, ничего не сдѣлавшихъ для человѣчества, успѣвшихъ только достигнуть какого нибудь замѣтнаго общественнаго положенія, благодаря своему происхожденію, или въ силу счастливыхъ обстоятельствъ, собраны мельчайшія подробности; ихъ жизнь мы можемъ прослѣдить чуть не изо дня въ день, а о геніальномъ человѣкѣ, произведенія котораго никогда не потеряютъ своей красоты и значенія, имѣются только кое какія скудныя отрывочныя свѣдѣнія,—если не считать нѣсколькихъ анекдотовъ, болѣе ча-

Церковь въ Стратфордѣ, гдѣ погребенъ В. Шекспиръ.

стью скандальныхъ, возбуждающихъ вообще крайнее недовѣріе и быть можетъ пущенныхъ въ ходъ веселыми людьми ради краснаго словца, или изобрѣтенныхъ недоброжелателями поэта.

Не слѣдуетъ забывать однако того, что далеко не все современное Шекспиру общество одинаково смотрѣло на него и на его дѣятельность, и, если коронованныя особы были его покровителями, если онъ имѣлъ друзей между знатію, если вельможи охотно посѣщали его театръ и среди его знакомыхъ и почитателей мы видимъ цвѣтъ тогдашней интеллигенціи, то, съ другой стороны, среднее сословіе [зажиточные горожане и торговый классъ], въ средѣ котораго было уже много пуританъ, относилось къ нему совсѣмъ иначе. Извѣ-

стно, что городское управленіе Лондона, съ лордъ-мэромъ во главѣ, дѣлало все отъ него зависящее, чтобы уничтожить ненавистное ему „грѣховное служеніе діаволу“ — театръ, или по крайней мѣрѣ хотя отдалить сколь возможно отъ черты лондонскаго Сити „этотъ вертепъ всякаго безчестія“.

Судьба произведеній Шекспира тоже крайне замѣчательна. Ими восхищались при жизни автора; но прошло какихъ нибудь два десятка лѣтъ послѣ его смерти и ихъ, какъ и его самого, стали забывать. Затѣмъ наступило мрачное время

властичества пуританъ, театры были уничтожены, театральныя произведенія заброшены и забыты.

Время это миновало, театральныя представленія вновь начались, но вкусы общества были уже иные и Шекспиру и его твореніямъ еще долго суждено было оставаться въ полномъ забвеніи: во весь періодъ преобладанія французскаго же-классицизма общество было далеко отъ пониманія ихъ.

Послѣ попытки сдѣланной Роу [1707 г.] написать біографію Шекспира *), даже послѣ того, какъ Гарриксъ вновь показали его съ подмостковъ театра, его еще продолжали считать варваромъ, произведенія котораго, хотя и блестящія по мѣстамъ гениальными частностями, нельзя давать передъ образованной публикой такими какъ онѣ есть, безъ передѣлокъ, такъ сказать, не отшлифовавши ихъ надлежащимъ образомъ.

Изученіе Шекспира возникло, можно сказать, только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и, только теперь, онъ занялъ свое надлежащее мѣсто въ сознаніи человѣчества, только теперь онъ какъ бы воскресъ во всемъ своемъ блескѣ и величіи.

Въ книгахъ приходской церкви города Стратфорда на Авоиѣ мы находимъ, что Вильямъ Шекспиръ былъ крещенъ въ этой церкви 26-го апрѣля [или 6 мая по новому стилю] 1564 г. въ среду, а надпись на его памятникѣ гласитъ, что онъ умеръ апрѣля 23 числа 1616 г. **) [въ одинъ день съ знаменитымъ творцомъ Донъ Кихота, Михаиломъ Сервантесомъ де Сааведра]. 23-е апрѣля [день Св. Георга, патрона Англіи], вообще принять какъ день рожденія Шекспира.

Его родители — Джонъ и Марія Шекспиръ — принадлежали къ различнымъ сословіямъ общества: первый былъ сынъ фермера, не имѣвшаго собственной земли, и сдѣлался потомъ торговцемъ, послѣдняя, Марія, была младшей дочерью Роберта Вильмота изъ древняго рода Арденовъ, предки котораго занимали высокое положеніе, какъ правители графствъ и какъ придворные.

Дѣтей отъ этого брака было восьмеро [четыре сына и четыре дочери] изъ которыхъ старшія, Іоанна и Маргерита, умерли въ дѣтствѣ, за ними слѣдовалъ нашъ поэтъ. Послѣ Вильяма родился Гильбертъ, время кончины котораго неизвѣстно. Третья дочь и шестая по порядку рожденія, такъ же, какъ и ея первая сестра, названная Іоанною,

*) Роу не имѣлъ и возможности написать настоящую біографію. Его сочиненіе есть не болѣе какъ собраніе анекдотовъ о великомъ драматургѣ.

**) Вотъ текстъ надписи на памятникѣ: —

«Ivdico Pylium, genio Socratem, arte Maronem,
Terra tegit, populus meret, Olympvs habet.

Stay, passenger, why goest thou by so fast?
Read, if thou canst, whom envies Death hath plast
Within this monument, Shakspeare with whome
Quick nature dide; whose name doth deck ye tombe
Far more then cost; sich all ye he hath writt
Leaves living art but page to serve his witt.

Obiit An^o Doⁱ 1616,

Ætatis 53, die 23 Apr.

вышла замужъ за шляпника и оставалась жить въ своемъ родномъ городѣ. Эдмундъ, самый младшій въ семействѣ, вѣроятно увлеченный примѣромъ своего гениальнаго брата, тоже сдѣлался актеромъ на театрѣ „Глобусъ“, жилъ постоянно въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ 28 лѣтъ. Объ остальныхъ, Аннѣ и Ричардѣ, мы знаемъ только то, что Анна умерла въ дѣтствѣ, а Ричардъ 39 лѣтъ.

Нѣкоторые изъ біографовъ Шекспира утверждаютъ, что отецъ его принадлежалъ къ Римско-католической церкви и торговалъ шерстью, другіе сомнѣваются въ первомъ и говорятъ, что онъ занимался выдѣлкой кожи, промысломъ весьма распространенномъ въ графствѣ Варвикскомъ, и велъ торговлю перчатками. Какъ бы то ни было, отецъ Шекспира долженъ былъ имѣть порядочное состояніе [извѣстно, что у него было нѣсколько домовъ въ Стратфордѣ] и конечно ужъ не могъ исповѣдовать католическую вѣру, ибо его выбирали на общественныя должности — присяжнаго, констабля, альдермана, а въ 1563 году онъ былъ мэромъ Стратфорда. Въ послѣдніе годы жизни Джона Шекспира состояніе его вѣроятно значительно уменьшилось; по крайней мѣрѣ, онъ уже не присутствуетъ въ думѣ, гдѣ онъ ранѣе председательствовалъ. Онъ умеръ въ 1601 году, когда сынъ его уже сдѣлался знаменитымъ. Мать Шекспира пережила мужа семью годами.

Когда еще великій поэтъ лежалъ въ колыбели, страшная чума постигла его родной городъ и унесла болѣе седьмой части всего населенія, но не переступила порога дома, въ которомъ любимецъ природы дышалъ здоровьемъ среди зараженной атмосферы.

Вильямъ оставался въ родительскомъ домѣ до того возраста, когда уже можно было отдать его въ школу, или, правильнѣе, въ гимназію [Grammar-school], гдѣ онъ получилъ общее образованіе, того времени.

Полагаютъ, что Шекспиръ провелъ семь или восемь лѣтъ на школьной скамьѣ; но мы не знаемъ каковы были успѣхи его въ наукахъ.

Хотя его болѣе ученый другъ, Бентъ-Джонсонъ, и говоритъ, что „онъ зналъ мало латыни и еще менѣе греческаго“ [„Little Latin and less Greek“] все таки, по тогдашней системѣ преподаванія, онъ необходимо долженъ былъ приобрести значительную степень знакомства съ латинскимъ языкомъ и литературою, прежде чѣмъ перейти на греческій.

Общее мнѣніе его современниковъ было таково, что ученостію Шекспиръ не отличался; но невозможно согласиться, чтобы мальчикъ, обладай онъ даже самыми обыкновенными способностями, могъ провести семь или восемь лѣтъ въ тогдашней гимназій, и не унесъ бы оттуда порядочнаго запаса свѣдѣній по классической литературѣ.

Правда, онъ обращался къ Норту [North] за толкованіемъ Плутарха; но несомнѣнно, Шекспиръ могъ читать произведенія латинскихъ писателей, и можно смѣло сказать, что, хотя Шекспиръ, по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ взятъ изъ школы, когда ему было около 16 лѣтъ и долженъ былъ помогать родителямъ въ ихъ трудахъ по торговлѣ, — словомъ, лишенъ былъ возможности продолжатъ правильный

курсъ ученія, все же имѣлъ достаточно свободнаго времени въ своемъ распоряженіи для научныхъ занятій; а онъ былъ не таковъ, чтобъ не желать расширить по возможности своихъ познаній. Наконецъ, самыя его произведенія обличаютъ въ немъ большую начитанность, многостороннія, по тогдашнему, знанія и близкое знакомство съ языками французскимъ и итальянскимъ, съ которыми онъ, быть можетъ, первоначально ознакомился въ конторѣ отца.

Изъ біографовъ Шекспира, Малонъ [Malone] полагаетъ, что, по оставленіи школы и до своей женитьбы, Шекспиръ проводилъ время въ занятіяхъ юриспруденціей; Обрѣ [Aubrey] говоритъ, что онъ былъ учителемъ въ сельской школѣ; но всего вѣроятнѣе, что таже самая причина, по которой ему пришлось прервать свое школьное образованіе — именно, необходимость помогать отцу въ его торговлѣ, удерживала Шекспира въ родительскомъ домѣ до той поры когда, сдѣлавшись главой семейства, онъ былъ поставленъ въ необходимость искать другаго для себя жилища и, быть можетъ, другаго, болѣе прибыльнаго занятія, такъ какъ женитьба, повидимому, принесла Шекспиру только безпокойство и заботы, не улучшивъ его матеріальнаго положенія.

Шекспиръ, не достигши еще 19 лѣтъ, женился на Аннѣ Готуэ [Anna Hathaway, которая, была одна изъ дочерей Ричарда Готуэ, домовладѣльца въ небольшой деревушкѣ, недалеко отъ Стратфорда], женщиной восемью годами старше его, съ которой, какъ кажется, ему не пришлось узнать большаго счастья — о чемъ можно догадываться ужъ, хотя бы потому, что во все продолженіе его долговременнаго пребыванія въ Лондонѣ, жена его оставалась въ Стратфордѣ.

Шекспиръ женился вѣроятно въ 1582 году; но мы не знаемъ когда именно и гдѣ, извѣстно только по церковнымъ книгамъ, что его первый ребенокъ, дочь Сусанна крещена въ Стратфордѣ 26-го мая 1583 года. Затѣмъ родилось еще двое — близнецы: Гамнетъ [Hamnet] и Юдиѣ, которыхъ крестили 2-го февраля 1585 г., — и мы уже не слышимъ далѣе о женѣ Шекспира, кромѣ того, что она упомянута въ его духовномъ завѣщаніи, что пережила мужа семью годами, умерла 67 лѣтъ и похоронена 8-го августа 1623 года.

Наше желаніе узнать что либо объ образѣ жизни Шекспира или, по крайней мѣрѣ о тѣхъ занятіяхъ, которыми онъ содержалъ себя и свое семейство до поѣздки въ Лондонъ, останется навсегда неудовлетвореннымъ. Его жизнь покрыта мракомъ до той поры, пока не случилось то, что заставило его покинуть родной городъ и было причиной его славной литературной дѣятельности.

Многіе изъ біографовъ Шекспира держатся того мнѣнія, что причиною переселенія его въ Лондонъ были его браконьерскіе подвиги и многочисленныя долги. Легко, однако, убѣдиться, что такое предположеніе не имѣетъ солиднаго основанія, такъ какъ скрываться въ Лондонѣ отъ уголовныхъ и гражданскихъ преслѣдованій, да еще являясь на театральной сценѣ подъ своимъ именемъ, представляется неудобнымъ дѣломъ. Намъ кажется гораздо естественнѣе объяснять эту поѣздку влеченіемъ къ сценѣ и сценической

дѣятельности, которое въ это время могло пробудиться въ Шекспирѣ по той или другой причинѣ, и Шекспиръ тѣмъ легче могъ рѣшиться покинуть домашній очагъ, мало, какъ мы уже ранѣе сказали, согрѣвавшій его, что отъ этого переселенія онъ ждалъ, быть можетъ, не одного удовлетворенія собственныхъ наклонностей, но и разсчитывалъ на увеличеніе матеріальныхъ средствъ. Переселяясь въ Лондонъ, Шекспиръ не пускался на неизвѣстное. Театръ былъ ему знакомъ еще въ родномъ его городѣ: мы знаемъ, что отецъ бралъ его еще ребенкомъ съ собою въ думу, когда тамъ довали представленія заѣзжіе актеры, а съ Бербаджемъ и Гемингомъ онъ могъ познакомиться еще въ Стратфордѣ, такъ какъ они были оттуда родомъ.

Такъ или иначе, но въ 1592 году мы видимъ уже Шекспира въ Лондонѣ, дольщикомъ въ труппѣ графа Лестера, правильнѣе „Королевиной“, — такъ какъ отъ королевы Елизаветы она получила въ 1574 году привилегію, въ силу которой этой труппѣ предоставлялось давать свои представленія повсюду, за исключеніемъ Лондонскаго Сити, бывшаго вѣдѣ королевской власти. Товарищами Шекспира по театру были: Гемингъ [Hemminge] и знаменитый Ричардъ Бербаджъ [R. Burbage]. Представленія лѣтомъ давались въ театрѣ „Глобусъ“ *) подъ открытымъ небомъ. — Зимомъ въ закрытомъ театрѣ, устроенномъ въ упраздненномъ монастырѣ „Черныхъ братьевъ“ [Blackfriars], находившемся у самой черты Лондонскаго Сити у моста, носящаго тоже названіе. Для этихъ-то театровъ и были писаны Шекспиромъ его пьесы. Неизвѣстно, какое въ началѣ Шекспиръ занималъ мѣсто въ труппѣ. Говорятъ, будто бы его обязанностию было звать публику на представленія, а во время спектакля, присматривать за верховыми лошадьми тѣхъ кавалеровъ, которые приѣзжали въ театръ. Это невѣроятно, во первыхъ потому, что такое положеніе не соответствуетъ способностямъ Шекспира, а во вторыхъ, его родственники были не на столько бѣдны и незначительны, чтобы допустить его изъ за куска хлѣба приняться за такое дѣло. Впрочемъ вопросъ о первоначальныхъ занятіяхъ Шекспира намъ представляется не важнымъ, такъ какъ уже въ 1592 году, — стало быть по прошествіи четырехъ — пяти лѣтъ по прибытіи Шекспира въ столицу, — мы его видимъ въ такомъ положеніи, что онъ приобретаетъ врага и завистника въ лицѣ знаменитаго въ то время писателя и актера, Роберта Грина [Robert Greene.]. Гринъ въ своемъ памфлетѣ „Groatsworth of Wit [изданномъ Четтлемъ [Chettle] послѣ смерти автора], обращаясь къ своимъ товарищамъ, Марло, Пилу и Нану говоритъ: „существуетъ выскочка, ворона, украшенная нашими перьями, которая съ сердцемъ тигра, покрытымъ шкурою актера, думаетъ, что можетъ декламировать бѣдный стихъ, какъ лучшій изъ васъ и, будучи настоящимъ „Iohannes Fac-totum“ воображаетъ себя единственнымъ у насъ человекомъ, потрясающимъ сцену“.

*) Надъ входомъ въ этотъ театръ былъ изображенъ Геркулесъ, поддерживающій земной шаръ.

Вслѣдъ за появленіемъ этого произведенія Грина, въ томъ же году вышелъ въ свѣтъ „*Kindharts Dreame*“, принадлежащій перу Четтля. Въ предисловіи къ этому сочиненію Четтль высказываетъ сожалѣніе о томъ, что издалъ отзывъ о Шекспирѣ, который могъ огорчить его; что хотя онъ и не зналъ лично Шекспира, но его добрая слава до него, Четтля, достигла, и заключаетъ; „his facetious grace in writing, that approves his Art?“ его непринужденная прелесть въ творчествѣ—доказываетъ его талантъ].

Мы теперь пришли къ тому періоду жизни великаго поэта, когда онъ уже показалъ силу своего генія и привлекъ къ себѣ вниманіе великихъ міра сего. Въ числѣ прочихъ вельможъ, обратившихъ вниманіе на Шекспира, былъ и щедрый графъ Саутамтонъ, дружбой котораго Шекспиръ пользовался въ продолженіе всей остальной своей жизни, и покровительство котораго способствовало улучшенію матеріальнаго положенія великаго поэта. Говорятъ, что этотъ вельможа однажды подарилъ своему любимцу тысячу фунтовъ стерлинговъ,—что по тогдашнему времени составляло весьма солидную сумму. Поэма „Венера и Адонисъ“ была посвящена Саутамтону.

Вліятельные графы Пемброкъ и Мангомери такъ же оказывали Шекспиру свое покровительство, хотя неизвѣстно до какой степени; но вниманіе и благосклонность къ нему королевы Елизаветы и короля Іакова I-го побудило многихъ изъ знати сдѣлаться его почитателями.

Королева Елизавета, женщина замѣчательнаго ума, оказывавшая наклонность къ литературѣ и очень любившая театральныя представленія, не могла не цѣнить человѣка, который былъ величайшимъ украшеніемъ ея времени. Приемникъ Елизаветы, не могущій во многомъ идти съ ней въ сравненіе, сходился съ ней въ любви своей къ наукамъ и искусствамъ. Іаковъ ранѣе своего восшествія на престолъ написалъ собственноручно письмо Шекспиру, выражая благодарность за комплименты, высказанные ему въ Макбетѣ, и какъ только сдѣлался королемъ, далъ Шекспиру привилегію. Но, кромѣ почестей, Шекспиру немного досталось отъ щедротъ двухъ царственныхъ особъ: Елизавета была слишкомъ разсчитлива, а Іаковъ своею расточительностью на удовольствія и любимцевъ скоро дошелъ до того, что не могъ вознаграждать таланты и ученость.

Было бы весьма желательно имѣть возможность опредѣлить: какія именно драматическія произведенія Шекспиръ написалъ до 1592 года? Нѣтъ вѣрныхъ указаній; но предполагаютъ, что еще до этого времени были написаны: *Потерянный трудъ любви* [*Love's Labor's Lost*], *Комедія Ошибокъ* [*The Comedy of Errors*], *Сонъ въ Лѣтнюю ночь* [*A Midsummer night's Dream*], *Два Веронца* [*The two Gentlemen of Verona*], *Ромео и Джульета* и нѣкоторыя части Тита Андроника и Генриха VI-го; но Фернивалъ [F. I. Furnivall], знаменитый знатокъ Шекспира, говоритъ, что „представленіе на сценѣ трагедіи „Ромео и Джульета“ и изданіе поэмъ „Венера и Адонисъ“ и „Лукреція“, впервые прославили Шекспира“ *).

*] *The Leopold Shakspeare*, предисловіе Фернивалъ'a, Лондонъ 1877 г.

Тотъ же авторитетъ раздѣляетъ жизнь и дѣятельность Шекспира на четыре періода. *Первый*, отъ рожденія [1564 г.] до ухода изъ Стратфорда [1586, 7 г.], онъ называетъ *періодомъ домашней жизни*; *второй* отъ 1586—7 до 1599-го, — когда Шекспиръ былъ компаньономъ товарищества театра „Глобусъ“ [Globe Theater Company] — *періодомъ борьбы*; *третій* отъ 1599—до того времени, когда Шекспиръ покинулъ столицу, т. е. около 1609 г. — *періодомъ обезпеченнаго успѣха*, и *четвертый*, — *періодомъ возобновленія его семейной жизни близъ его роднаго города*, окончившійся смертью поэта, т. е. 1616 годомъ.

Чтобы узнать что либо о дѣятельности Шекспира, мы должны прежде всего обратиться къ регистрамъ *общества книго-издателей* [Registers of the Company of Stationers], основаннаго королевой Анной.

Нѣкто Робертъ Фильдъ первый печаталъ произведенія Шекспира, который повелъ съ нимъ дѣла съ 1593 года, когда поэма „Венера и Адонисъ“ была записана въ регистръ и напечатана; за симъ слѣдовали: „Лукреція“, въ 1594 г. „Первая часть Генриха VI“ 1597—8, „Много шума изъ ничего“ и „Какъ вамъ угодно“ 1600, „Гамлетъ“ 1602, 3 и 4. „Юри“ 1607—8. „Перикль“ 1608—9.

Для опредѣленія времени написанія нѣкоторыхъ твореній Шекспира, намъ приходится довольствоваться тѣми немногими ссылками, какія находятся въ современныхъ ему книгахъ, частныхъ дневникахъ, письмахъ и т. п.

Напримѣръ *Уиверъ*, въ своемъ „Зеркалѣ мучениковъ“ [Weever's Mirror of Martyrs], напечатанномъ въ 1601 году, намекаетъ на трагедію „Юлій Цезарь“; Манингамъ, въ 1601—2 году, говоритъ въ своемъ дневникѣ о „Двѣнадцатой ночи“; Др. Форманъ, въ 1611-мъ о „Зимней Сказкѣ“ и Локринъ, въ письмѣ отъ 30-го іюня 1613 года, пишетъ, что театръ „Глобусъ“ сгорѣлъ вчера во время представленія „Генриха VIII“ актерами Бербаджа.

Въ иныхъ драмахъ мы находимъ указанія на обстоятельства, не задолго совершившіяся или современные имъ. Такихъ образомъ мы знаемъ, что „Ромео и Джульета“ появилась около 1593 года, а „Генрихъ V“ въ 1599 году.

Есть и такія изъ пьесъ Шекспира [всѣхъ, признанныхъ, 37, изъ этого числа было напечатано при его жизни только 18, а остальные появились въ свѣтъ уже тогда, когда ихъ автора не было въ живыхъ], которыя лишь по измѣненіямъ въ нихъ стили и приѣмовъ, можемъ мы гадательно относить къ тому или другому времени.

Въ концѣ нашей статьи мы помѣщаемъ хронологическій порядокъ твореній Шекспира, установленный профессоромъ Бонскаго университета Делиусомъ [см. изданіе соч. Шекспира, носящее названіе „The Leopold Shakspeare“].

Съ удивительнымъ равнодушіемъ къ своей будущей литературной славѣ, Шекспиръ оставляетъ рукописи многихъ изъ своихъ драматическихъ произведеній въ пыли театральнаго архива, на произволъ всякихъ случайностей, и какъ бы забываетъ о нихъ. Чѣмъ объяснить это? Легкостью ли, съ какою онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, писалъ ихъ или чрезвычайная скромность, какую склонны видѣть въ немъ другіе,

не допускала его думать, чтобы онѣ могли имѣть значеніе для послѣдующихъ поколѣній и была причиной тому, что творецъ „Гамлета“ относился, повидимому, къ своимъ драмамъ только какъ къ средству для достиженія успѣха въ настоящемъ и успѣха, по преимуществу, матеріальнаго?

Намъ кажется слѣдующее объясненіе болѣе подходящимъ къ дѣлу.

Шекспиръ — дольщикъ театральной компаніи „Глобуса“ связанный съ нею своими личными матеріальными интересами, естественно долженъ былъ, главнымъ образомъ, заботиться, чтобы дѣла компаніи шли возможно лучше. Театровъ въ то время въ Лондонѣ было много и, кромѣ театровъ компаніи [т. е. „Глобуса“ и „Черныхъ Братьевъ“], въ 1600 году ихъ насчитываютъ до одиннадцати, а потомъ они еще умножились. Являлась необходимость въ конкуренціи, необходимость привлечь къ себѣ публику, занять, заинтересовать ее, — это было вопросомъ первой необходимости, вопросомъ о существованіи. Понадобились новыя пьесы, много новыхъ пьесъ, и вотъ Шекспиръ пишетъ ихъ одну за другою, чутко слѣдитъ затѣмъ, что въ данную минуту нравится публикѣ, заботится, чтобы его пьесы имѣли на сценѣ возможно болѣе успѣхъ, чтобы ихъ лучше приняли его современники... О потомствѣ тутъ уже нечего думать!

Когда начали вновь интересоваться Шекспиромъ и принялись издавать собранія его сочиненій *), пришлось употребить громадный трудъ, понадобилось много знанія и терпѣнія, чтобы возстановить ихъ во всей красотѣ, такъ какъ многія изъ нихъ были изуродованы прежними издателями, которые ихъ *передѣлывали и поправляли*; много оказалось искаженій въ текстѣ, сдѣланныхъ переписчиками, по невниманію или по невѣжеству, — а по необходимости нужно было довольствоваться списками: ибо подлинники не все сохранились. Притомъ же, недобросовѣстные люди, уже вскорѣ послѣ смерти великаго поэта, или украшали его именемъ свои писанія, или безцеремонно выдавали его произведенія за свои, а на нѣкоторыхъ изъ раннихъ изданій его драмъ просто опускалось имя автора, — какъ на примѣръ, на изданіи „Макбета“ 1674 года.

Много разъ говорилось о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ Шекспиръ черпалъ содержаніе своихъ драматическихъ произведеній. Знакомство съ этими источниками и интересно только въ томъ отношеніи, что оно даетъ намъ понятіе, какъ умѣлъ онъ пользоваться матеріаломъ, часто очень неуклюжимъ и не поэтическимъ. Иногда довольно ему было неяснаго намека для созданія великаго, оригинальнаго, полнаго жизни и правды произведенія. Каждое лицо, выводимое въ Шекспировскихъ пьесахъ обладаетъ плотію и кровью; каждое живетъ своею разумною жизнью, является и дѣйствуетъ въ силу логическихъ обстоятельствъ, а не по одной прихоти автора. Разница между ними такая же, какая существуетъ въ самой жизни между живыми людьми: одному на долю выпадаетъ болѣе важная и замѣтная роль, другому менѣе, сообразно съ ихъ личными качествами, съ ихъ ха-

ктеромъ и степенью развитія, или съ ихъ общественнымъ положеніемъ и вліяніемъ на судьбы другихъ. Лицо, по ходу пьесы являющееся только на короткое время, является такимъ же живымъ, какъ и то, развитіе судьбы котораго занимаетъ главное мѣсто въ драмѣ. Обладая истинно гениальною, безиримѣнною способностью сразу овладѣвать намѣченнымъ имъ характеромъ, Шекспиръ сразу воплощъ его исчерпываетъ и уже не повторяется; и если въ нѣкоторыхъ его герояхъ встрѣчаются сходныя черты, то это только сходныя черты въ совершенно различныхъ людяхъ. Разнообразность его поразительна. Предъ нами проходятъ *Макбетъ* и *Брутъ*, *Лиръ* и *Титъ Андроникъ*, *Ромео* и *Антоній*; въ одной и той же пьесѣ онъ намъ показываетъ и *Оттелло*, и *Яго*; *Дездемону*, *Имोजену*, *Порцію*, *Офелію* и *Корделію* у него чередуются съ *Леди Макбетъ*, *Королевой Маргаритой*, *Реганой* и *Гонерилей* и *Клеопатрой*; написавши *Джюльету*, онъ пишетъ *Крессида*; величавый образъ *Коріолана* слѣдуетъ тотчасъ же, какъ вышли изъ подъ его пера *Терситъ* и *Пандаръ* — безобразіе тѣлесное и душевное.

Шекспиръ не выводитъ на сцену пороки и добродѣтели, не казнитъ и не награждаетъ ихъ. Онъ относится къ своимъ героямъ совершенно объективно; и его герои, какъ мы уже сказали, живые люди, дѣйствующие и поступающие въ силу своихъ влеченій и наклонностей, убѣжденій и окружающей ихъ среды. Поэтому и судьба ихъ вызываетъ такое участіе къ нимъ въ зрителѣ, и зритель, по окончаніи пьесы, непременно остается удовлетвореннымъ, чувствуя, что онъ присутствовалъ при актѣ высшей справедливости.

Всегда истинный Англичанинъ, Шекспиръ въ тоже время такъ „общечеловѣченъ“ въ своихъ произведеніяхъ, что долженъ быть названъ мировымъ поэтомъ, въ полномъ значеніи этого слова: ибо его творенія, носящія на себѣ яркіе признаки національности ихъ автора, тѣмъ не менѣе одинаково близки всемъ цивилизованнымъ народамъ, и всякій, къ какой бы онъ національности ни принадлежалъ, можетъ по нимъ учиться великому познанію — познанію челоѣка.

„Торжествуй моя Британія“ говоритъ Бенъ Джонсонъ, въ своемъ стихотвореніи въ честь Шекспира, „ты можешь хвалиться челоѣкомъ, которому все сцены Европы обязаны воздать поклоненіе! Онъ принадлежитъ не одному нашему времени, но всемъ вѣкамъ“. [„To the Memory of my beloved Master, William Shakspeare, and what he hath left us 1623“].

Драматическое искусство въ Англіи въ эпоху дѣятельности Шекспира находилось въ высокой степени развитія. Талантливые писатели давали возможность проявиться и замѣчательнымъ сценическимъ дарованіямъ, а эти, въ свою очередь побуждали даровитыхъ людей писать для театра. Многіе совмѣщали въ себѣ и драматурговъ и актеровъ, таковы были: чрезвычайно талантливый *Марло*, трагедіи котораго „*Тамерланъ*“ и „*Фаустъ*“ хотя, и напыщенныя, поражаютъ свою величественною силою и широтою замысла; его трагедія „*Мальтійскій жидъ*“ повліяла на сочиненіе „*Венеціанскаго кунца*“ Шекспира; *Пилъ*, написавшій между прочимъ „*Испанскую трагедію*“, въ постройкѣ которой есть много общаго съ „*Гамлетомъ*“; знаменитый антагонистъ Шекспира, *Робертъ*

*] Въ эпоху такъ называемой *реставраціи Шекспира*.

Гринъ, авторъ „Полевого Викфильдскаго сторожа“ „Монаха Бэкона“ и проч.; ему приписываютъ сочиненіе „Генриха VI“ въ послѣдствіи передѣланнаго Шекспиромъ для своего театра; — *Лоджъ* и другіе.

Въ самой труппѣ театра „Глобусъ“ былъ тотъ *Ричардъ Бербаджъ*, котораго современники прозвали по имени великаго актера древняго Рима — Росціусъ Бербаджъ, и гениальной игръ котораго удивлялись. Для него-то и были написаны Шекспиромъ Ромео, Лиръ, Макбетъ, Коріоланъ, Ричардъ III и самый Гамлетъ, исполненіе котораго можетъ быть доступно исключительно, въ высшей степени тонкому артисту, такъ какъ эта роль заключаетъ въ себѣ удивительныя трудности. Шекспиру приходилось играть совмѣстно съ Бербаджемъ и вотъ почему, всего вѣроятнѣе, онъ и остается въ тѣни, какъ актеръ; но что онъ игралъ прекрасно, объ этомъ мы имѣемъ прямые свидѣтельства въ отзывѣхъ его современниковъ [Четтъль, Обрѣ], хотя онъ, какъ мы знаемъ изъ тѣхъ же источниковъ, игралъ исключительно небольшія роли [Тинъ — въ „Гамлетѣ“, Адамъ, въ „Какъ вамъ угодно“]. Да и не могъ, въ самомъ дѣлѣ, быть сценическою посредственностью тотъ, кто устами Гамлета, даетъ такое удивительное наставленіе актеру!

Около 1609 года Шекспиръ покинулъ Лондонъ — чтобы искать спокойствія и радости среди своего семейства, которое онъ уже ранѣе поселилъ въ маленькомъ имѣніи *Нью-Плассъ*, близъ Стратфорда, купленномъ имъ на его сбереженія.

Шекспиръ вѣроятно оставилъ профессію актера еще много ранѣе этого времени, такъ какъ имя его не значится въ спискѣ актеровъ, приложенномъ къ „Вальполю“ его друга Бенъ Джонсона, напечатанному въ 1605 году и въ томъ же году данномъ на сценѣ театра „Глобусъ“.

Пожалуй, можно сдѣлать заключеніе, что Шекспиръ противъ воли являлся на сценѣ, если основываться на его 111 сонетѣ, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что былъ вынужденъ позорить себя личнымъ появленіемъ предъ публикой; но вѣдь и Робертъ Гринъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ горько оплакивалъ свой грѣхъ — актерство и умолялъ своихъ друзей перестать грѣшить подобно ему и покаяться пока не поздно. Въ это время, правда, какъ мы уже и говорили, многіе презирали актеровъ и сценическую дѣятельность и смотрѣли на послѣднюю, какъ на нѣчто позорное. Но во всякомъ случаѣ мы мало ошибемся, если предположимъ, что какъ бы ни любилъ Шекспиръ театръ, онъ могъ устать, проведя на немъ столь значительное время, могъ пожелать отдохнуть отъ жизни, хотя и славной, но, тѣмъ не менѣе пренепосредственной такого множества безпокойствъ и непріятностей; наконецъ и здоровье могло разстроиться. Притомъ же его главное дѣло было сдѣлано: онъ имѣлъ достаточно для безбѣднаго существованія подлѣ старость. Его сынъ, Гамнетъ, умеръ еще за долго передъ тѣмъ въ 1596 году, десяти лѣтъ, а для самаго поэта и для его остальнаго семейства было довольно и того, что онъ имѣлъ въ то время. — Одинъ его биографъ [Гильдонъ] опредѣляетъ его состояніе тремястами фунтовъ дохода, другой [Малонъ] говоритъ, что онъ имѣлъ только двѣсти фунтовъ въ годъ; но какъ въ то время валюта денегъ была по крайней мѣрѣ въ четыре раза болѣе

тѣмъ нынѣ, то и меньшая изъ сказанныхъ суммъ должна была доставить поэту всѣ удобства въ его скромной провинціальной жизни, которую онъ проводилъ въ кругу своего семейства и немногихъ, избранныхъ друзей.

Въ мартѣ 1616 года Шекспиръ составилъ духовное завѣщаніе, по которому большую часть состоянія онъ назначилъ старшей дочери своей, Сусаннѣ, бывшей замужемъ за докторомъ Галл'омъ. Эта дочь, говорятъ, отличалась умомъ, благочестіемъ и христіанскою благотворительностью. Младшей же дочери, Юдиенъ, онъ оставилъ сумму въ триста фунтовъ и только, какъ бы мимоходомъ, упомянулъ о женѣ.

О причинахъ смерти Шекспира мы находимъ единственное указаніе въ дневникѣ Уорда [Ward], бывшаго въ 1662 г. викаріемъ въ Стратфордѣ. Онъ пишетъ, что „Шекспиръ, Дре-тонъ и Бенъ Джонсонъ устроили веселую пирушку и, кажется, много пили: ибо Шекспиръ умеръ отъ лихорадки, которую онъ тамъ могъ получить“.

Это было написано болѣе двадцати лѣтъ послѣ кончины Шекспира и насколько оно справедливо, мы не знаемъ. Д-ръ Галль, мужъ старшей дочери поэта, знаменитый врачъ того времени, лѣчилъ Шекспира въ послѣднюю его болѣзнь и велъ журналъ симптомамъ недуга; но онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о чемъ либо подобномъ.

25 Апрѣля 1616 г. Шекспиръ былъ похороненъ въ церкви Стратфорда на Авонѣ и ему тамъ былъ воздвигнутъ памятникъ, представляющій нѣчто въ родѣ окна, на стѣнѣ, въ которомъ изображенъ поэтъ облокотившійся на лежащую передъ нимъ подушку; въ одной рукѣ его перо, подъ другою лежитъ листъ бумаги; онъ, какъ бы только что дописавъ свою послѣднюю страницу и въ чертахъ его замѣтна задумчивость. Кѣмъ этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ, кто былъ его исполнителемъ, равно какъ и время его постановки — намъ неизвѣстно, неизвѣстно также насколько онъ имѣетъ сходства съ Шекспиромъ: онъ не похожъ ни на одинъ портретъ поэта изъ всѣхъ тѣхъ, какіе намъ случалось видѣть [всѣ они, впрочемъ, не схожи между собою], а также и на маску, будто бы снятую съ него послѣ кончины. Но если, быть можетъ, мы и не имѣемъ понятія о внѣшности великаго драматурга, то его нравственный образъ, — чудный и свѣтлый, ясно встаетъ передъ нами въ его произведеніяхъ.

Современники Шекспира: Четтъль и Бенъ Джонсонъ, свидѣтельствуютъ намъ о чистотѣ его сердца, мягкости обращенія и кротости характера. Эти-то качества привлекли къ нему Четтъля изъ рядовъ его недоброжелателей и были причиной тому, что Бенъ Джонсонъ теряетъ всю свою завистливость къ болѣе славному сопернику и говоритъ: „я любилъ человека и чту его память до обожанія, на сколько можетъ кто либо. Онъ былъ дѣйствительно честный, откровенный и добродушный по природѣ, имѣлъ необыкновенную силу фантазій, смѣлость убѣжденія и кротость выраженія и т. д.“

Герминдъжъ и Конделъ, издатели произведеній Шекспира, пишутъ въ своемъ посвященіи этого изданія графамъ Пемброку и Мантгомери: „единственная цѣль наша — прославить память такого достойнаго друга и человека, какимъ былъ нашъ Шекспиръ“.

Георгъ Инглсонъ.

Уильямъ - Шекспиръ

Вильямъ Шекспиръ.

Говорятъ, будто бы оригиналъ этого портрета писалъ Р. Бербаджемъ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРЯДОКЪ ТВОРЕНИЙ ШЕКСПИРА
ПО ДЕЛУСУ.

Титъ Андроникъ.	до 1591
Король Генрихъ VI-й, часть I-ая.	1591
Два Веронца	1591
Комедія Ошибокъ	1591
Венера и Адонисъ, поэма	1592
Король Генрихъ VI-й, часть II-ая	1592
Потерянный трудъ любви	1592
Ромео и Джульета	1592
Король Генрихъ VI-й, часть III-я	1593
Лукреція, поэма.	1593
Укрощеніе строптивой.	1594
Король Ричардъ III-й	1594
Венеціанскій купецъ	1595
Сонъ въ лѣтнюю ночь	1595
Король Джонъ.	1596
Король Ричардъ II-й	1596
Король Генрихъ IV-й, часть I-я	1597
Все хорошо, что хорошо кончится	до 1598
Король Генрихъ IV-й, часть II-я	1598
Много шума изъ ничего	1599
Король Генрихъ V-й	1599
Веселыя Виндзорскія женщины	1600
Двѣнадцатая ночь	1601
Какъ вамъ угодно	1601
Гамлетъ	1602
Юлій Цезарь	1603
Мѣра за мѣру.	1603
Отелло	1604
Король Лиръ	1604—5
Макбетъ.	1606
Тимонъ Аѳинскій.	1607
Антоній и Клеопатра.	1608
Периклъ.	1608
Троилъ и Крессида.	1609
Коріоланъ	1609
Зимняя Сказка	1610
Кимбелинъ	1610—11
Буря	1611
Король Генрихъ VIII-й	1613

Памятникъ Шекспира на стѣнѣ церкви въ Стратфордѣ.

ГАМЛЕТЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Клавдій, король Даніи.

Гамлетъ, сынъ его предшественника (Гамлета же) и племянникъ ему.

Полоній, старшій камергеръ.

Горацію, другъ Гамлета.

Лаэртъ, сынъ Полонія.

Вольтимандъ,

Корнелій,

Розенкранцъ,

Гильденстернъ,

Осрикъ, придворный.

Другой придворный.

Капелланъ.

Франциско, солдатъ.

Марцелло,

Бернардо,

Рейнальдо, служащій у Полонія

Капитанъ. Посолъ.

Духъ Гамлетова отца.

Фортинбрасъ, принцъ Норвежскій.

Гертруда, королева Даніи и мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

} Придворные.

} Офицеры.

Придворные кавалеры и дамы, офицеры, солдаты, актеры, могильщики, матросы, вѣстники и свита.

Дѣйствіе происходитъ въ Эльсинорѣ.

ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ

ДѢЙСТВІЕ I^е

СЦЕНА I-я. — Эспланада въ саду передъ замкомъ. — Ночь.
Франциско на стражѣ. — Входитъ Бернардо и приближается къ нему.

Берн. Стой! Ктѣ-идеть?

Фран. Нѣтъ, прежде дай мнѣ отзывъ, да скажи, Ты самъ-то кто?

Берн. „Да здравствуетъ король!“

Фран. Бернардо?

Берн. Онъ.

Фран. На очередь исправно Явились вы.

Берн. Двѣнадцать ужъ пробило:
Ступай, Франциско, спать.

Фран. Ну, и спасибо,
Что не замѣшкались. А холодъ — страшный!
Да и здоровье плохо.

Берн. А на стражѣ
Все обошлось спокойно?

Фран. Даже мышь
Не пробѣжала.

Берн. Вотъ и ладно. Съ Богомъ!
А встрѣтишь ты Гораціо съ Марцелломъ,
Моихъ состражниковъ, то чтобъ ко мнѣ
Придти поторопились.

Фран. Да не ихъ ли
Шаги я слышу?

Входятъ Гораціо и Марцелло.

Стой, ктѣ-идеть?

Гор. Друзья отечества.

Марц. И Дании вассалы.

Фран. Ну вотъ, — спокойной ночи!

Марц. Съ Богомъ, съ Богомъ,
Мой честный воинъ. Кто смѣнилъ тебя?

Фран. А вотъ, Бернардо. Доброй же вамъ ночи.

[Уходитъ.]

Марц. Бернардо! Здѣсь ты?

Берн. Я! Съ тобою чтоль
Гораціо?

Гор. Отчасти.

Берн. Ну такъ здравствуй
Гораціо! — Здорово, братъ Марцелло!

Марц. Чтѣ, птица-то ночная? Чтоль опять
Была здѣсь?

Берн. Нѣтъ. Я ничего не видѣлъ.

Марц. Гораціо толкуетъ, что все это
Одна фантазія, и отрицаетъ
Дѣйствительность явленія, хоть и дважды
Его мы видѣли; я и прошу,
Чтобъ онъ остался здѣсь: и еслибъ снова
Видѣнье повторилось, то впередъ
И намъ давалъ бы вѣру, да и кстати
Заговорилъ бы съ нимъ.

Гор. Да полно-жъ вамъ! —
Не явится.

Берн. Присядь-ка на минутку.
Дай хоть теперь вдолблю въ твой толстый черепъ
Закутанный отъ нашего разсказа,
Чтѣ мы, два раза, видѣли здѣсь сами!

Гор. Ну чтожъ? Вотъ, сядемте: я стану слушать.
Разсказывай, Бернардо.

Берн. Прошлой ночью,
Когда вонъ та звѣзда, что видишь ты
У полюса на западномъ крайкѣ,
Свершивъ свой путь, зажглась въ той части неба,
Гдѣ вотъ сейчасъ горитъ — я и Марцелло,
Какъ только колоколъ ударилъ...

Марц. Тише!

[Къ Гораціо.]

Смотри сюда: вотъ онъ опять идѣтъ!

Входитъ Духъ.

Бери. Ни дать, ни взять покойный нашъ король!

Мари. Ты латинистъ, Гораціо: попробуй

Съ нимъ говорить.

Бери. Не правда ли, что онъ
Напомнилъ короля? Всмотрись, всмотрись,
Гораціо!

Гор. Нѣтъ, это — самъ король!

Онъ — ужасъ на меня наводитъ.

Бери. Хочетъ

Чтобъ съ нимъ заговорили.

Мари. Говори,

Гораціо!

Гор. Кто ты, что время ночи,

И съ нимъ, воинственно-прекрасный образъ,

Въ который Давидъ величье облакалось,

Такъ дерзко похищаешь? Заклинаю

Тебя самымъ я небомъ — отвѣчай!

Мари. Обидѣлся!

Бери. Смотри, уходить.

Гор. Стой!

Отвѣтствуй! Говори! Я заклинаю

Тебя сказать!

[*Призракъ уходитъ.*]

Мари. Ушелъ, не давъ отвѣта!

Бери. Ну что, Гораціо? Дрожишь ты? Блѣденъ?

Иль это все фантазія у насъ?

Какъ думаешь?

Гор. Скажу, какъ передъ Богомъ:

Не будь свидѣтели мои глаза,

Никто не могъ бы въ томъ меня увѣрить!

Мари. Да схожъ ли онъ съ покойнымъ королемъ?

Гор. Какъ ты съ самымъ собой. Такой же
панцырь

На немъ я видѣлъ, какъ тогда съ надменнымъ

Норвежцемъ онъ вступилъ въ единоборство;

И также брови сдвинулъ, какъ однажды

Прогнѣвавшись на рѣчи поляка,

Его о ледъ онъ изъ саеи ударилъ.

Да, это странно...

Мари. Вотъ ужъ дважды

Въ глухую полночь, все съ такой же точно

Воинственной и гордою осанкой,

Прошелъ онъ, молча, возлѣ нашей стражи.

Гор. Что можетъ это значить — я не знаю,

Но думаю, что можетъ предвѣщать,

Какъ будто бы, бѣду для государства.

Мари. Да сядемте-жь, и растолкуй, кто знаетъ:

Къ чему, въ отягощеніе народа,

Вся эта бдительность и эти всѣ

Строжайшіе ночные караулы?

Зачѣмъ всѣ сряду дни у насъ проходятъ
Въ отливкѣ сильныхъ бронзовыхъ орудій?

И для чего на чужеземныхъ рынкахъ

Идетъ въ такихъ размѣрахъ заготовка

Запасовъ и оружья? Что такое

За сгонка плотниковъ и мастеровъ

На наши верфи, гдѣ ихъ тяжкій трудъ

Не отличаетъ праздниковъ отъ будней?

Чѣмъ вызвана такая торопливость,

Что даже ночь берутъ себѣ для дня

Въ помощницы? Кто объяснить мнѣ это?

Гор. Пожалуй, что и я, насколько могутъ

Быть вѣрны слухи. Нашъ король послѣдній,

Тотъ Гамлетъ, чей намъ образъ здѣсь являлся,

Былъ, какъ ты знаешь, гордецомъ тщеславнымъ,

Норвежскимъ принцемъ Фортинбрасомъ, вызванъ

На поединокъ. Доблестный нашъ Гамлетъ —

Какимъ въ средѣ извѣстнаго намъ міра

Вся наша сторона его признала —

Сломилъ въ единоборствѣ Фортинбраса,

И съ жизнью у него, по договору,

Скрѣпленному, какъ водится, печатьми.

И утвержденному путемъ закона

По правиламъ геральдики, принялъ

Себѣ въ наслѣдство всѣ его владѣнія.

Въ замѣнъ былъ Фортинбрасу предоставленъ

И нашимъ королемъ, участокъ равный

Его владѣніямъ, еслибъ не король,

А онъ былъ побѣдителемъ въ бою.

Теперь же вотъ и младшій Фортинбрасъ,

Неопытной отвагою увлекшись,

Набралъ себѣ отчаянныхъ бродягъ,

Готовыхъ изъ-за хлѣба и одежды

Все предпринять, гдѣ только есть пожива.

И это предприятие —

Какъ думаютъ у насъ — не что иное,

Какъ отчужденіе отъ насъ обратно,

Посредствомъ ловкаго набѣга и насилья,

Земель, что проигралъ его родитель.

И вотъ въ чемъ, кажется мнѣ, вся причина

Приготовленій нашихъ: вотъ источникъ

Всѣхъ этихъ стражъ и главный поводъ

Для суетливости и бѣготни,

Что стали замѣчаться въ государствѣ.

Бери. Я также думаю, что, кромѣ этой,

Другой тому причины не найдется.

Оно же согласуется съ явленіемъ

Зловѣщаго здѣсь призрака, что въ полночь

Вооруженный ходитъ и похожъ

На короля, который былъ и есть

Виновникомъ всѣхъ этихъ столкновений.

Гор. Соринка, да и та глазамъ души
 Порой мѣшаетъ видѣть. Вѣдь мы знаемъ,
 Что, предъ паденьемъ Цезаря, въ разгаръ
 Величья торжествующаго Рима,
 Какъ и теперь, могилы разверзались,
 И мертвецы, въ одеждахъ погребальныхъ,
 Со стопами и говоромъ невнятнымъ,
 Тогда по римскимъ улицамъ бродили;
 Являлись съ пламеннымъ хвостомъ кометы;
 Кровавый падалъ дождь и помрачалось солнце,
 Свѣтило влажное — чьему вліянію
 Подчинено Нептуново все царство —
 Обычнаго не издавало свѣта,
 Какъ будто бы уже и міръ кончался.
 Да и у насъ подобныя явленія,
 Здѣсь, въ этихъ мѣстностяхъ, уже не разъ
 Къ намъ посылались отъ земли и небѣ,
 Какъ знаменія событій роковыхъ,
 Какъ вѣстники и прологи несчастья, —
 Глашатаи судьбъ грядущихъ.

Снова является Духъ.

Тише!

Смотрите-ка! Вотъ онъ опять идетъ;
 Загорожу ему дорогу, хоть бы мнѣ
 Пришлось погибнуть. — Стой, видѣнье!
 И если звуки для тебя доступны
 И рѣчью нашею владѣть ты можешь,
 Такъ отвѣчай мнѣ!
 Коль должно мнѣ добро какое сдѣлать
 Тебѣ въ отраду, а себѣ на пользу,
 Повѣдай мнѣ!
 Судьба-ль отечества тебя тревожитъ
 И отвратить бѣду его ты можешь?
 О, говори!
 Иль ежели ты въ землю закопалъ
 Сокровище, что вымучилъ при жизни,
 За что, какъ говорятъ, вы, духи, часто
 Осуждены скитаться послѣ смерти, —
 Такъ-говори!

[За сценою слышно птіе пѣтуха].

— Стой! Сказывай! Марцелло,
 Останови его!

Мари. Ударить что-ли
 Его копьемъ?

Гор. Не остановится — ударь!

Бери. Вотъ онъ!

Гор. Вотъ онъ!

Мари. Уходить!

[Духъ удаляется].

Нѣтъ, не хорошо,

Что мы, противъ величественной Тѣни,
 Рѣшились выступить съ оружіемъ. Призракъ —
 Неузавимъ, какъ воздухъ; наши всѣ
 Безсильные удары больше схожи
 Съ нелѣпѣйшимъ кощунствомъ.

Бери. Онъ хотѣлъ

Заговорить, да закричалъ пѣтухъ; —

Гор. И онъ затрепеталъ, какъ осужденный
 Отъ страшнаго призыва. Я слыхалъ,
 Что вѣстникъ утренней зари, пѣтухъ
 Своимъ пронзительнымъ и бодрымъ крикомъ
 Имѣетъ свойство бога дня будить:
 И всякій духъ блуждающій и праздный,
 Гдѣбъ ни былъ онъ, въ огнѣ или въ водѣ,
 Поверхъ земли, или въ средѣ воздушной,
 Заслыша этотъ возгласъ, безъ оглядки
 Спѣшитъ скорѣй убраться во свояси.
 И коль ты хочешь, то сказанье это
 При насъ осуществилось.

Мари. Это правда:

Какъ только закричалъ пѣтухъ — онъ сгинулъ.
 Да говорятъ еще, что той порой,
 Когда мы чествуемъ Спасителя рождение,
 Пернатый этотъ провозвѣстникъ утра
 Поетъ почти безъ отдыха всѣ ночи:
 И ни одинъ тогда не смѣетъ духъ
 Блуждать въ пространствѣ; ночи не вредятъ,
 Вліянье злобное планетъ безсильно,
 Безсильны чары фей, и вѣдмъ заклятья
 Не дѣйствуютъ: такъ полно благодати
 И святости бываетъ это время!

Гор. Слыхалъ и я объ этомъ, да отчасти
 Готовъ тому и вѣрить.

Посмотри-ка,

Какъ утро, въ плащѣ багряный завернувшись,
 Сползааетъ внизъ съ росистаго холма —
 Тамъ, на востокѣ. Кончимте-ка стражу:
 И если вы повѣрите мнѣ хотите,
 То принцу Гамлету скорѣй сказать намъ должно
 О всемъ, что ночью видѣли. Ручаюсь
 Вамъ жизнью: Духъ, для насъ безмолвный,
 Съ нимъ станетъ говорить! Согласны-ль вы
 Сказать ему объ этомъ? И не правда-ль,
 Что такъ велятъ намъ долгъ нашъ и любовь?

Мари. Конечно, скажемъ. Я же, кстати, знаю,
 Гдѣ намъ его удобнѣе найти.

[Уходятъ].

СЦЕНА II-я. — *Парадный залъ въ Королевскомъ дворцѣ.*

Трубы. — Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ, Вольтимандъ, Корнелій, вельможи и свита.

Король [занимая тронъ]. Хотя память о кончинѣ ранней брата

Еще свѣжа въ насъ, и хотя бы сердцу
По немъ еще быть въ горѣ надлежало,
А государству скорбный видъ являть:
Но разсудительность, въ борьбѣ съ природой,
Смѣнила нашу скорбь воспоминаньемъ
И должною заботой о себѣ.
Вотъ отчего мы, прежнюю сестру,
Теперь же — нашу съ вами королеву,
Въ средѣ воинственныхъ предѣловъ нашихъ
Властительницу вдовьяго участка,
Такъ спѣшно нарекли своей супругой,
Сдержавъ порывы радости съ весельемъ
Въ одномъ глазу, въ другомъ — еще съ слезой:
У гроба — съ ликованьемъ, а на свадьбѣ —
Съ заупокойной пѣсню, сочетавъ
По равнымъ долямъ нашъ восторгъ и горе.
И васъ мы въ этомъ дѣлѣ не стѣсняли:
Но ваша мудрость съ нами согласилась,
И мы вамъ благодарны.

А теперь,
Вамъ нужно знать, что юный Фортинбрасъ,
Ужъ слишкомъ почитая насъ ничтожнымъ,
Возмнивъ, что государство наше, съ смертью
Возлюбленнаго брата, распаталось
И вышло изъ пазовъ, — мечтою лживой
О положеніи нашихъ дней увлекся,
И насъ себѣ позволилъ оскорбить,
Потребовавъ себѣ, черезъ посольство,
Возврата завоеванныхъ владѣній,
Чтѣ потерялъ отецъ его, войной,
А братъ нашъ приобрѣлъ своею кровью.
О томъ — довольно. Станемъ говорить
О насъ самихъ и цѣли совѣщанья.
Вотъ дѣло въ чемъ: мы дядѣ Фортинбраса,
Норвегій владыкѣ, старику,
Который не сходя уже съ постели
Отъ лѣтъ и немощей, про то не знаетъ,
Чтѣ дѣлаетъ его племянникъ, пишемъ,
Чтобы онъ замыслы его пресѣкъ:
Тѣмъ болѣе мы вправѣ это сдѣлать,
Что и наборъ солдатъ, и всѣ другія
Къ войнѣ противу насъ приготовления,
Идутъ въ его владѣніяхъ. Тебѣ,
Любезный нашъ Корнелій, и тебѣ,

Нашъ Вольтимандъ, мы поручаемъ старца
Державнаго привѣтствовать и съ нимъ,
Въ предѣлахъ, изложенныхъ здѣсь въ наказѣ,

[*Подаетъ имъ.*]

Отъ насъ вести переговоры. Путь
Вамъ добрый! Докажите намъ усердье
Поспѣшностью.

Корн. и Вол. Какъ въ этомъ, такъ и въ прочемъ
Мы доказать его всегда готовы.

Кор. Мы вѣримъ вамъ. Прощайте.

[*Корнелій и Вольтимандъ уходятъ.*]

А теперь,

Чтѣ скажешь ты, Лаэртъ? Есть у тебя,
Ты говорилъ, какая-то къ намъ просьба.
Какая просьба? Съ Датскимъ королемъ
Рѣчь дѣльная не можетъ быть бесплодна.
Чтѣ-жъ можетъ попросить у насъ Лаэртъ,
Чтѣ-бъ въ тоже время

Не сдѣлалось, не просьбой ужъ его,
А нашимъ предложеньемъ? Голова
Не ближе къ сердцу и рука ко рту,
Чѣмъ Даніи престолъ ко всякой службѣ
Для твоего отца. Чего-жъ, Лаэртъ,
Тебѣ хотѣлось бы?

Лаэртъ. Соизволенья

Отъ вашего величества, чтобъ мнѣ
Во Францію теперь же возвратиться,
Откуда я пріѣхалъ добровольно,
Считая для себя священнымъ долгомъ
Быть здѣсь въ день вашего коронованья.
Исполнивъ этотъ долгъ, рѣшусь признаться,
Что мысли и мечты мои опять
Влекутъ меня во Францію, и васъ
О милостивомъ снисхожденіи молятъ,
И отпусти къ туда.

Кор. А чтѣ отецъ?

Чтѣ скажетъ нашъ Полоній?

Полоній. Государь!

Онъ вынудилъ меня, присталъ ко мнѣ,
Невольно дать заставить позволенье,
И къ просьбѣ приложить печать согласья.
Прошу, дозволейте ѣхать.

Кор. Если такъ,

То пользуйся, Лаэртъ, своей удачей,
И время самъ, какъ знаешь, убивай.

А ты, нашъ добрый братъ и сынъ нашъ

Гамлетъ —

Гамлетъ [въ сторону]. Повыше брата и подальше сына.

Кор. Все омраченъ печали облаками?

Гам. Нѣтъ, государь, напротив! слишкомъ солнцемъ я озаренъ.

Королева. Да сбрось же, добрый Гамлетъ, Подобный ночи черный этотъ цвѣтъ, И дружески взгляни на короля.

Довольно ужъ отца тебѣ искать Въ землѣ, печально къ ней склоняя взоры. Ты знаешь — это участь наша: всѣмъ, Живущимъ здѣсь, придется умирать И въ вѣчность отъ земли переселяться.

Гам. Такъ, королева! это всѣхъ насъ участь.

Кор. А если такъ, то отчего же ты Такимъ убитымъ кажешься?

Гам. Кажусь?

Нѣтъ, такъ оно и есть! Казаться я Совсѣмъ не мастеръ. И ни черный плащъ — Повѣрьте, мать добрыйшая моя — Ни траура обычныя одежды, Ни вздохъ подавленный, ни слезъ потоки, Ни грустный видъ лица, со всѣми вмѣстѣ И знаками и видами печали, Вамъ вѣрнаго не могутъ дать понятія О мнѣ самомъ: все это, въ самомъ дѣлѣ Казаться можетъ, какъ и можетъ быть Поддѣлано. Во мнѣ же есть — что выше Показовъ этихъ: а они для скорби Не больше, какъ нарядъ или прикраса.

Король. Въ тебѣ прекрасно, Гамлетъ, и похвально,

Что скорби долгъ отцу ты отдаешь: Однако же, пора бы осмотрѣться, Что вѣдь и твой отецъ отца лишился, А этотъ — своего. По долгу сына, Оставшійся, положимъ, что обязанъ Отца оплакать; но грустить о немъ И долго такъ, и такъ упорно — признакъ Скорѣ нечестиваго упрямства. То — скорбь постыдная для мужа; то — сердце Нетвердое, нетерпѣливый духъ, Недоразвитый, слишкомъ слабый разумъ. Къ чему, скажи, изъ вздорнаго упрямства Беречь у сердца — что, мы знаемъ вѣрно, И быть должно, и столько же обычно, Какъ все, что каждый день мы видимъ? Пфу! То грѣхъ предъ Богомъ; предъ усопшимъ грѣхъ, И грѣхъ передъ природой; то — безумье Передъ разсудкомъ: онъ вопросъ всеневный О смерти предковъ ужъ давно рѣшилъ И искони, отъ первыхъ мертвецовъ До нынѣшнихъ умершихъ, въ назиданье Провозглашалъ всегда: «такъ должно быть».

Не сѣтуй же бесплодно и смотри На насъ, какъ на отца; и пусть все знаютъ, Что ты — ближайшій къ нашему престолу, И нами такъ любимъ, какъ только можетъ Любить отцово сердце. И твое желанье Покинуть насъ для Виттенбергской школы, Совсѣмъ несходно съ нашимъ: мы желаемъ Чтобъ ты былъ здѣсь для насъ, какъ братъ и сынъ, И первый между всѣми здѣсь придворный — На утѣшеніе намъ и радость.

Королева. Гамлетъ!

Не сдѣлай просьбъ и матери твоей Бесплодными. Прошу: останься съ нами! Не ѣзди въ Виттенбергъ.

Гамл. Вамъ, королева,

Повиноваться — мой священный долгъ.

Король. Отвѣтъ достойный и сердечный. Будь же Ты, Гамлетъ, въ Даніи какъ сами мы. Пойдемте, королева! Въ сердце нашемъ, Послѣ согласья Гамлета, что онъ Такъ высказалъ свободно и любезно, Цвѣтетъ улыбка радости: такъ — пусть же За кубками, что Даніи король Въ весельи нынче выпьетъ, громъ изъ пушекъ О томъ разкажетъ небу, а оно На королевскій тостъ — своимъ отвѣтомъ грянетъ, На громъ земной — откликнувшись громами!

[Уходятъ все, кромѣ Гамлета].

Гам. О, еслибъ это тѣло, слишкомъ, слишкомъ Уже крѣпкое, сумѣло бы растаять И улетѣть росой! Или когда-бы Предвѣчный насъ закономъ не связалъ Противъ самоубійства... Боже, Боже! Какъ гнусно, черство, пошло и бесплодно Въ моихъ глазахъ, что здѣсь творится въ мірѣ! Онъ гадокъ мнѣ... Да, гадокъ! Это — садъ Зброшенный, гдѣ все что мерзко, грубо, Обсѣменяясь въ немъ, пускаетъ корни, Пока его совсѣмъ не заглушить. Зачѣмъ дошло до этого? Вѣдь два, Два только мѣсяца... и даже меньше, Какъ умеръ онъ... И двухъ-то нѣтъ!... Король — Такое совершенство передъ этимъ, Какъ Апполонъ, поставленный съ Сатиромъ, Такъ мать мою любившій, что и вѣтру Не позволялъ къ лицу ея касаться... Земля и небо! И могу ль не помнить? Вѣдь и она къ нему такъ страстно лънула, Какъ будто бы любовь ея росла Отъ каждаго его прикосновенья! И только мѣсяцъ!.. Лучше ужъ о томъ

Совсѣмъ не вспоминать. «Безсиліе воли».
 Не больше мѣсяца!.. Не износила
 Еще и башмаковъ, въ которыхъ шла
 Она, какъ Ніобея, вся въ слезахъ
 За тѣломъ моего отца?... Зачѣмъ же
 Она... Да! Для чего она... О Боже!
 И звѣрь безсмысленный грустилъ бы дольше...
 Она — женой ужъ дядѣ моему,
 Женой — отцову брату, что походитъ
 На моего отца, едва ли не меньше,
 Чѣмъ я, на Геркулеса! Черезъ мѣсяць —
 И только. Раньше, чѣмъ отъ ѣдкой соли
 Ея притворныхъ слезъ, успѣли вспухнуть
 И покраснѣть у ней порядкомъ вѣки —
 Она ужъ замужемъ. О, двадцать разъ
 Преступная поспѣшность дать склонить
 Себя къ кровосмѣсительному ложу!..
 Не быть добру, да и не можетъ выйти
 Добра изъ этого... О, разрывайся жъ
 Мое ты сердце, если мнѣ ужъ надо
 Языкъ удерживать!

Входятъ Гораціо, Бернардо и Марцелло.

Гор. Привѣтъ нашъ принцу!

Гам. Какъ я радъ тебѣ!

Гораціо? иль самъ себя не помню?

Гор. Онъ самый, принцъ, и вѣчный вашъ слуга!

Гам. Да не слуга же, сударь, а мой добрый другъ! Только такимъ названіемъ соглашусь я обмѣняться съ тобою.

А ну, скажитка: что тебя

Изъ Виттенберга вызвало?

[*Обращаясь къ Марцелло.*]

Марцелло?

Мари. Мой добрый принцъ!...

Гам. Радъ видѣть и тебя!

Да ну же, здравствуй!

[*Къ Гораціо.*]

Что изъ Виттенберга

Сюда, Гораціо, тебя толкнуло?

Гор. Лѣнь.

Все лѣнь, любезный принцъ!

Гам. Вотъ это слышать

И отъ твоихъ враговъ мнѣ-бъ не хотѣлось;

И ты меня повѣрить не заставишь

Твоей же клеветѣ. Ты не лѣнивь,

Я знаю. Что за дѣло у тебя

Здѣсь въ Эльсинорѣ? Мы тебя, пожалуй,

Къ отъѣзду выучимъ мертвецки пить!

Гор. Я думалъ, принцъ, къ похоронамъ
 пріѣхать.

Гам. Не смѣйся надо мною такъ, товарищъ!
 Скажи, что къ свадьбѣ матери!

Гор. Да, принцъ!

За гробомъ вскорѣ же пришла и свадьба.

Гам. Расчетъ, расчетъ, Гораціо! Обѣдки
 Отъ похоронъ холодными пошли
 На ужинъ къ свадьбѣ. Да! Мнѣ легче-бъ было
 Лицомъ къ лицу съ врагомъ моимъ заклятымъ
 Тамъ, въ небѣ, встрѣтиться, чѣмъ до такого
 Мнѣ дня дожить! О, бѣдный мой отецъ!
 Гораціо! Мнѣ кажется — сейчасъ
 Его я вижу!

Гор. Гдѣ же, принцъ?

Гам. Въ глазахъ
 Моей души, Гораціо!

Гор. И я
 Видалъ его; онъ славный былъ «Король»!

Гам. Нѣтъ... Человѣкъ онъ былъ; былъ всѣмъ
 во всемъ;

И мнѣ теперь такого не видать!

Гор. А мнѣ сдается, что вчерашней ночью
 Его я видѣлъ.

Гам. Гдѣ? Кого?

Гор. Отца
 Я видѣлъ вашего.

Гам. Ты? Короля?
 Отца ты видѣлъ?

Гор. Приучите, принцъ,
 Вниманье ваше къ моему разсказу
 О чудѣ, подтвердить который могутъ
 И эти господа.

Гам. Да ради-жъ Бога
 Разсказывай!

Гор. Вотъ эти господа,
 Марцелло и Бернардо, бывши вмѣстѣ
 На стражѣ у дворца, двѣ ночи сряду
 Въ часъ мертвецовъ, среди глухой полночи,
 Одно и тоже видать. Передъ ними
 Появится вдругъ призракъ, страшно схожій
 Съ покойнымъ королемъ; закованъ весь
 Въ оружье, и торжественной походкой
 Проходитъ мимо — медленно и гордо.
 Предъ собственнымъ ихъ изумленнымъ глазомъ
 Проходитъ онъ три раза: и не дальше
 Какъ на длину жезла; они-жъ, отъ страха
 Застывшіе, стоятъ какъ бы нѣмые,
 И первыми заговорить боятся.
 Они мнѣ это выдали подъ тайной;
 Но въ третью ночь и я пришелъ на стражу.
 И все, что слышалъ я отъ нихъ ужъ прежде,
 И въ этотъ разъ до слова подтвердилось.

Въ тотъ самый часъ и въ томъ же видѣ призракъ
Опять явился. Вашего отца
Лицо мнѣ памятно, — вотъ эти руки
Не болѣе одна съ другою схожи!

Гам. Гдѣ-жъ это было?

Гор. На площадкѣ, принцъ,
Гдѣ мы держали стражу!

Гам. Вѣдь вы съ нимъ
Не говорили?

Гор. Въ этотъ разъ къ нему
Я обращался: онъ не отвѣчалъ,
А только поднималъ голову, какъ будто
Хотѣлъ заговорить: но въ ту-жъ минуту
Пропѣлъ пѣтухъ и, съ этимъ звукомъ, призракъ
Поспѣшно вдаль понесся и исчезъ.

Гам. Да, это странно!..

Гор. Но, и столько-жъ вѣрно,
Какъ я живу. И за священный долгъ
Признали мы, васъ извѣстить объ этомъ.

Гам. Такъ, господа! Все такъ!... Но это вовсе
Меня сбиваетъ съ толку... Вы пойдете
И въ эту ночь?

Всѣ. Да, принцъ, пойдѣмъ.

Гам. Онъ былъ вооруженъ, вы говорите?

Всѣ. Вооруженъ. —

Гам. Отъ головы до ногъ?

Всѣ. Отъ головы до пятокъ!

Гам. Стало, вы

Лица-то не видали?

Гор. Нѣтъ, лицо

Мы видѣли: забрало шлема было
Приподнято.

Гам. И онъ казался гнѣвнымъ?

Гор. Не столько гнѣвнымъ, сколько грустнымъ.

Гам. Былъ блѣденъ, или нѣтъ?

Гор. Да, очень блѣденъ!

Гам. А взглядъ его на васъ былъ обращенъ?

Гор. Все время.

Гам. О, за чѣмъ я не былъ съ вами!

Гор. Вы ужаснулись бы.

Гам. Да, да, конечно!

Онъ долго оставался?

Гор. Да не меньше
Того, что нужно, чтобы счесть неспѣшно
До сотни.

Всѣ. Дальше! Дальше!

Гор. Не тогда,
Какъ былъ я вмѣстѣ съ вами.

Гам. Борода
Почти сѣдая?

Гор. Какъ была при жизни —
Черна, но съ просьбою.

Гам. Къ вамъ въ эту ночь
Приду и я; быть можетъ, что опять
Онъ явится.

Гор. Я въ томъ готовъ ручаться.

Гам. И если вновь во образѣ отца,
Заговорю я съ нимъ, хотя-бъ весь адъ
Грозилъ мнѣ гибелью, хотѣлъ къ молчанью
Меня принудить. Васъ же, соблюдавшихъ
Видѣнье это въ тайнѣ, я прошу
Хранить о немъ глубокое молчанье
И впредь; и что бы въ эту ночь ни вышло,
Всему давайте толкъ, лишь языку
Не дайте воли. Дружбу вашу вспомню.
Прощайте же! Къ полуночи и я
Приду на эспланаду.

Всѣ. Просимъ, принцъ,
Принять отъ насъ никакое почтенье.

Гам. Да не почтенье-жъ, а любовь, такую
Какъ и моя! Прощайте!

[Горацію, Марцелло и Бернардо уходятъ].

Духъ отца

Является въ оружь? Не къ добру!
Мнѣ чудится какая-то тутъ подлость...
Пускай бы поскорѣе ночь настала.
Дождись ее, моя душа, въ безмолвьи,
И вѣрь, что въ часъ духовнаго прозрѣнья,
Раскроется вся тайна предъ тобой:
Преступныя дѣла изъ гроба сами встанутъ.
Не завалить тебѣ ихъ цѣлою землей!

[Уходитъ].

СЦЕНА III-я. — Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Лазръ и Офелія.

Лазръ. Весь мой багажъ на кораблѣ.
Теперь. Прощай!
Да съ первымъ же, сестра, попутнымъ вѣтромъ,
При первомъ случаѣ, не прозѣвай,
И тотчасъ напиши!

Офелія. Ну-какъ тебѣ
Не совѣстно во мнѣ такъ сомнѣваться?

Лазръ. А что до принца Гамлета, то все
Его къ тебѣ игривое вниманье —
Одна лишь свѣтская съ тобой любезность,
Иль шалость крови. Ну, фляка это,
Цвѣтокъ весны, хоть ранній, да не прочный,
Хоть привлекательный, за то недолговѣчный;

Благоуханіе и роскошь лишь минуты, —
Никакъ не больше!

Офел. Будто бы не больше?

Лазр. По крайней мѣрѣ «должно» думать, что
небольше.

Развитіе человѣческой природы
Не въ мясъ только, не въ однѣхъ лишь мышцахъ;
Но съ возрастаньемъ храма, настаетъ
Потребность внутренняго въ немъ служенья
Души и разума. Быть можетъ, онъ
Тебя и любить, и въ его желаньяхъ
Нѣтъ тѣни черныхъ пятенъ иль лукавства;
Но все же ты должна остерегаться,
Принявъ въ расчетъ его предназначенье,
И то, что онъ въ своей не властенъ воля.
Онъ — своего рожденія первый рабъ;
Не можетъ онъ, какъ мы, простые люди,
Соображать свой выборъ съ личнымъ вкусомъ,
Когда отъ выбора его зависятъ
Спокойствіе и благо Государства.
Поэтому онъ волей иль неволей,
А долженъ будетъ подчинить свой выборъ
Сочувствіямъ и нуждамъ организма,
Котораго поставленъ онъ главою.
Пусть онъ и говоритъ тебѣ, что любить,
Но собственный разсудокъ твой покажетъ,
Что можешь вѣрить ты ему лишь въ мѣрѣ
Въ какой ему и санъ его, и долгъ,
Позволять сочетать дѣла съ словами;
А мѣра эта — Даніи рѣшеніе.
Размысли-ка, каковъ уронъ для чести
Себѣ ты сдѣлаешь, коль станешь слушать
Съ слѣпымъ довѣріемъ его напѣвы,
Иль потерявши собственное сердце,
Его навязчивымъ искательствамъ откроешь
Сокровище дѣвичьей чистоты!
Страшися ихъ, *Офелія!* Страшися,
Сестра мнѣ дорогая! Дальше, дальше
Держи себя отъ проявленій страстныхъ,
Отъ выстрѣловъ внезапныхъ увлеченья!
Мудрѣйшая изъ дѣвъ неосторожна,
Коль даже мѣсяцу красы свои покажетъ.
Отъ клеветы спасенья не бываетъ
И добродѣтели; червякъ нерѣдко
Дѣтей весны подтачиваетъ корень,
Не давши и цвѣтамъ ихъ распуститься,
И ранней, влажною росой утра
Прилипчивость «повѣтрій» несомнѣнна.
Такъ-будь же осторожнѣй: страхъ тутъ будетъ
Вѣрнѣйшею охраной отъ бѣды.

Вѣдь молодость, и безъ причинъ стороннихъ,
Всегда съ собой въ борьбѣ.

Офел. Я смыслъ твоихъ прекрасныхъ наставленій
Поставлю стражемъ къ сердцу. Только ты,
Мой милый братъ, не вздумалъ бы и самъ
Похожимъ быть, на тѣхъ немилосердныхъ
Къ намъ проповѣдниковъ, что къ небу путь
Тернистый и крутой намъ пальцемъ кажутъ,
А сами-то, подобно безпечальнымъ
И вѣтренымъ повѣсамъ, преспокойно
Сторонками идутъ-себѣ, да ищутъ
Лѣсныхъ тропинокъ съ вѣшними цвѣтами;
Чему же насъ такъ строго поучали,
О томъ не думаютъ!

Лазртъ. Ну, за меня не бойся. Только я
Ужасно опоздалъ.

Входитъ Полоній.

Вотъ и отецъ!

Благословеніе вдвойнѣ — есть благо:
А случай подарилъ мнѣ съ вами
Еще прощанье.

Полоній. Какъ? Ты здѣсь, *Лазртъ*?
Сейчасъ же на корабль! Ну-какъ не стыдно
Давно ужъ вѣтеръ легъ на паруса,
И за тобой лишь дѣло.

[Положивъ руку на голову *Лазрту*].

Вотъ-тебѣ

Мое благословеніе. Да запомни
Себѣ вотъ эти правила potvrждаю:
Не все болтай, что въ головѣ забродитъ;
Не дѣлай то, чего ты не обдумалъ;
Будь обходителемъ, но избѣгай
Короткости; испытанныхъ друзей
Прикуй къ душѣ стальными обручами,
Но не мозоль руки при встрѣчѣ съ каждымъ
Вчера состряпаннымъ, пустымъ знакомцемъ.
Остерегайся ссоры: но если разъ
Ужъ ты поссорился, то такъ держись,
Чтобы противникъ твой тебя боялся.
Чужимъ рѣчамъ оказывай вниманье,
Но говори съ немногими. Совѣтъ
Выслушивай отъ cadaго, но мнѣнье
Свое имѣй. Въ одеждѣ не скупись
Насколько денегъ хватитъ, но рядись
Безъ вычуръ: богато, но не броско.
По платью разглядать и человѣка;
Во Франціи же, знатъ къ такому дѣлу
Относятся разборчиво и тонко.
Не занимай и не давай займы:
Давалецъ съ ссудою теряетъ часто

И друга, а охотникъ занимать
Какъ разъ запутаешь свои дѣлишки.
А главное: будь вѣренъ самъ себѣ, —
И вѣрно такъ, какъ день идетъ за ночью
Что будешь искрененъ тогда съ другими.
Прощай! И пусть мое благословеніе
Въ твоей душѣ все это укрѣпитъ.

Лаэр. Почтительно вамъ кланяюсь. Прощайте.

Пол. Тебя торопитъ время, — поспѣшай;
Прислуга ждетъ.

Лаэр. Офелія, прощай,
Да не забудь, о чемъ мы говорили.

Офел. Твои слова я заключила въ сердце,
А ключъ отъ нихъ, пусть будетъ у тебя.
Прощай же. [Уходитъ].

Пол. О чемъ-такомъ онъ толковалъ съ тобой
Офелія?

Офел. Будь не во гнѣвъ для васъ —
Кой-что о принцѣ Гамлетѣ.

Пол. Ого!
Вотъ ловко вздумано! Да вѣдь и мнѣ
Сейчасъ-вотъ говорили, что частенько
Къ тебѣ онъ жалуетъ въ свои досуги,
И что сама ты что-то слишкомъ долго
И либерально съ нимъ ведешь бесѣды.
И если это такъ [меня предупредили
Изъ осторожности], то я обязанъ
Сказать тебѣ, что ты не понимаешь
Себя настолько ясно, сколько нужно
Для чести дѣвушки и — дочери моей.
Что было между вами? Говори
Всю правду.

Офел. Онъ въ послѣднія свиданья
Мнѣ предлагалъ... принять его любовь.

Пол. Любовь? Вотъ дичь! Смотри, ты говоришь
Какъ сущая дѣвчонка, что Аза
Въ такихъ погибельныхъ дѣлахъ не смыслить!
Ты вѣришь что ль... какъ назвала ты ихъ —
Всѣмъ этимъ «предложеньямъ»?

Офел. Да я, отецъ, совсѣмъ не знаю, что
О нихъ должна и думать.

Пол. Ой не знаешь?
Я жъ объясню тебѣ. Ты такъ и знай,
Что не умѣй груднаго ты ребенка,
Коль приняла за звонкую монету
То, что не золото. Цѣни себя дороже!
Не то — не придавая точный смыслъ
Неточному и глупому сравненію —
Ты и меня посадишь въ дураки!

Офел. Отецъ мой! Онъ просилъ моей любви
Приличнымъ образомъ.

Пол. Ну-такъ! Каковъ?
Приличнымъ образомъ! Поди, поди!

Офел. Онъ въ подтвержденіе правды словъ
своихъ

Клялся мнѣ всѣмъ священнымъ...

Пол. Все пустое!

Силки на куликовъ! Охъ, знаю я,
Какъ изощрятся языкъ на клятвы
Когда въ насъ кровь кипитъ! Ты, дочка, эти
вспышки,

Въ которыхъ больше блеска чѣмъ тепла, —
Что оба гаснутъ прежде, чѣмъ обѣты
Придутъ къ осуществленію — не считай
За пламя. Будь отнынѣ бережливѣй
На дѣвичьи бесѣды, и цѣни повыше
Свое присутствіе, чѣмъ приглашеніемъ
На болтовню. О Гамлетѣ жъ ты можешь
Такъ понимать, что принцъ-моль молодъ,
И болѣе въ своихъ поступкахъ воленъ
Чѣмъ ты. Короче: этимъ обѣщаньямъ,
Офелія, ты вѣрить не должна:
Они всѣ — сводчики; да и не тѣ,
Что прямо говорятъ, чего имъ нужно,
А тѣ, что цѣли грѣшныя свои,
Въ благочестивыя одежды облакаютъ,
Чтобъ лучше обмануть. — Разъ-навсегда
Я требую, безъ всякихъ оговорокъ,
Чтобъ съ принцемъ Гамлетомъ у васъ отнынѣ,
Обмѣнъ взаимныхъ клятвъ и обѣщаній
Въ досужіе часы, не повторялся.
Ты слышала? Я требую! И можешь
Теперь идти.

Офел. Отецъ... я повинуюсь.

[Уходитъ].

СЦЕНА IV. — Эспланада въ Королевскомъ саду, передъ замкомъ.

Входитъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

Гам. Какъ стало холодно; почти-морозъ.

Гор. Да, воздухъ очень холоденъ и рѣзокъ.

Гам. Который часъ?

Гор. Я думаю что нѣтъ
Двѣнадцати.

Мар. Двѣнадцать ужъ пробило.

Гор. Да? Въ самомъ дѣлѣ? Не слыхалъ я.
Такъ-вотъ и призраку пора являться.

[Вдали шра на трубахъ и пушечный стрѣлъ].

Принцъ, что это?

Гам. Ночная это стража —
Бессонница у короля. Всю ночь

Онъ будетъ бражничать. Теперь, навѣрно,
Хвастливый выскочка ужъ зашатался,
А трубы все еще провозглашаютъ
При каждомъ новомъ Рейнскаго глоткѣ,
Его побѣды надъ отвѣтнымъ кубкомъ.

Гор. Обычай здѣсь таковъ

Гам. Да, чортъ возьми, обычай!

Но я скажу, — хоть здѣсь я и родился
И къ этому обычаю привыкъ, —
Что-было бы честнѣй совсѣмъ оставить
Порядки эти, чѣмъ ихъ соблюдать.
За нашу страсть къ подобнымъ безобразьямъ
Мы сдѣлались посмѣшищемъ народовъ:
Они считаютъ насъ за горькихъ пьяницъ,
И грязными позорятъ именами.
И въ самомъ дѣлѣ, это безобразить
Въ поступкахъ нашихъ все, что въ нихъ
нашлось бы

Дѣйствительно хорошаго. Вотъ тожъ
Случается порою наблюдать
Въ отдѣльныхъ личностяхъ, когда въ нихъ есть
Какойнибудь природный недостатокъ —
Врожденное развитіе, напримѣръ,
Чрезмѣрнаго къ чемунибудь влеченія,
Что иногда такъ бѣшено ломаетъ
Крѣпчайшіе опоры у разсудка
(Въ чемъ не виновны мы, затѣмъ что выборъ
Природныхъ свойствъ, зависитъ не отъ насъ),
Иль-тамъ привычка, что ужъ слишкомъ ломить
Условленныя формы общежитія.
Я говорю: въ подобномъ человѣкѣ,
Отмѣченномъ — врожденнымъ или случайнымъ —
Какимънибудь однимъ лишь недостаткомъ,
Всѣ добродѣтели, хоть будь онъ такъ свѣтлы
Какъ благодать, велики — сколько могутъ
Вмѣститься въ смертнаго, должны поблѣкнуть
Передъ судомъ общественнаго мнѣнія,
Отъ одного лишь частнаго порока.
Грань подлости клеймить своимъ позоромъ
Всю сущность благородства.

[Является Духъ].

Гор. Принцъ, смотрите:
Вотъ-онъ идетъ!

Гам. О Ангелы святые!
Вы, Силы Неба, защитите насъ!
Духъ мира ты или проклятый демонъ?
Несешь ли ты небесъ намъ дуновение
Иль вихри адскіе? Погубель намъ,
Или добро замыслилъ? Только ты
Въ такомъ заманчивомъ приходишь видѣ,

Что долженъ я съ тобою говорить.
Зову тебя, о Гамлетъ, о Король!
О мой отецъ и царственный Датчанинъ!
Да, отвѣчай же мнѣ! Не допусти,
Чтобъ отъ невѣдѣнья растреснулъ мой черепъ!
Скажи, какъ это случилось, что твои
Въ смерть заключенныя святые кости
Покровъ свой разорвали? Что гробница,
Гдѣ ты, мы видѣли, такъ спалъ спокойно,
Раскрыла надъ тобой тяжелый мраморъ,
Чтобы тебя извергнуть? Что намъ думать
О томъ, что ты, мертвецъ, лишенный жизни,
Подъ блескомъ мѣсяца вновь оживаешь,
И въ сталь закованный, въ часъ тихой ночи
Вселяешь ужасы, и насъ, безумцовъ,
Что родились такими, недоступнымъ
Для разумѣнія приводишь въ трепеть?
Открой намъ: что-это? зачѣмъ? и что
Намъ дѣлать?

Гор. Онъ даетъ вамъ знакъ,
Чтобъ отошли вы въ сторону: какъ будто
О чемъ-то вамъ желаетъ сообщить.

Мар. Смотрите, какъ привѣтливо онъ манитъ
Чтобъ васъ отвлечь куданибудь подальше.
Вы не ходите, принцъ. —

Гор. Ни подъ какимъ
Предлогомъ!

Гам. Здѣсь онъ говорить не хочетъ, —
Такъ я пойду.

Гор. Нѣтъ, не ходите, принцъ. —

Гам. Зачѣмъ же нѣтъ? Чего мнѣ тутъ бояться?
За жизнь мою не дамъ я и булавки;
Ну, а душѣ, чѣмъ повредить онъ можетъ,
Коли она и въ самомъ дѣлѣ, сущность
Безсмертная, какъ онъ? Манитъ опять...
Пойду.

Гор. А если онъ да заведетъ
Васъ къ морю, принцъ, подъ быстроту прилива?
Или на верхъ утеса, что надъ моремъ
Повисъ на воздухѣ и тамъ, явившись
Въ ужасномъ, новомъ видѣ, васъ лишитъ
Владѣнія разсудкомъ? вовлечетъ
Въ безуміе? Подумайте о томъ!
Такія мѣстности уже и сами,
Безъ новыхъ поводовъ, имѣютъ свойство
При взглядѣ вглубь черняющей пучины,
При ревѣ волнъ внизу, располагать
Мозги къ безумію.

Гам. Онъ все манитъ!
Иди впередъ — я слѣдую!

Гор. Останьтесь,
Мой добрый принцъ!

Гам. Вы... руки прочь!

Гор. Послушайтесь! Мы васъ не пустимъ.

Гам. Судьба зоветъ меня — и въ каждой мышцѣ
Я чувствую могучесть львиной силы...

[Духъ манитъ].

Опять, опять манить? Пустите, господа!

[Вырываясь у нихъ].

Клянусь — я въ духа обращаю, кто станетъ
Меня держать. Я говорю вамъ — прочь!
Иди! я за тобой.

[Духъ и Гамлетъ уходятъ].

Гор. О, какъ опасно
Въ немъ можетъ заиграть воображеніе!

Мар. Пойдемъ за нимъ: его, въ подобномъ дѣлѣ,
Нельзя же слушаться. —

Гор. Да, да, пойдѣмъ.
И чѣмъ у насъ все это разрышится?

Мар. А вотъ-чѣмъ: въ Даніи у насъ неладно.

Гор. Господь управитъ.

Мар. Побѣдимъ скорѣе.

[Уходятъ].

СЦЕНА V-я. — Отдаленная часть сада.

Входятъ Духъ и Гамлетъ.

Гам. Куда ведешь ты? говори! Я дальше —
Ни шагу за тобою!

Духъ. Слушай!

Гам. Жду.

Духъ. Мой часъ ужъ недалекъ, когда я долженъ
Вернуться въ страшный, сѣрный пламень.

Гам. О бѣдный Духъ!

Духъ. Нѣтъ, не жалѣй, а слушай
Внимательно, что долженъ я сказать.

Гам. Я слушаю: внимать тебѣ — мой долгъ;

Духъ. И долгъ твой — отомстить, когда
услышишь.

Гам. Что отомстить? Кому?

Духъ. Передъ тобой
Духъ твоего отца, который долженъ
До времени скитаться по ночамъ,
А днемъ, горѣть въ огнѣ неугасимомъ,
Пока не выгорятъ и не исчезнуть
Земной природы дѣти — преступленья
Его постыдныя. Не будь запрета
Мнѣ говорить тебѣ о страшныхъ тайнахъ
Моей темницы, я-бъ повелъ разсказать,

Въ которомъ и малѣйшее бы слово
Тебѣ пронзило душу; молодую кровь
Въ тебѣ бы заморозило; твои
Глаза, какъ звѣзды, унесло-бъ изъ орбитъ;
Разбило-бъ врознь приглаженные кудри,
И каждый волосъ въ нихъ поднялся-бъ дыбомъ,
Какъ у испуганнаго дикобраза
Его колючки. Но законовъ вѣчныхъ —
Скрижалей, не понять земному слуху.
Внимай, внимай мнѣ сынъ мой!.. О, внимай!
И если ты когда любилъ отца....

Гам. О Боже!

Духъ. -- Отомсти его убійство
Безчеловѣчное и гнусное!

Гам. Убійство?

Духъ. Гнуснѣйшее; но изъ среды подобныхъ
Еще гнуснѣй, неслыханнѣй, лукавѣй!

Гам. Спѣши разскажемъ, чтобъ я могъ летѣть
Быстрѣй чѣмъ мысль, чѣмъ вздохъ любви, къ
отмщенью!

Духъ. Ты это сдѣлаешь. Ты былъ бы самъ
Безчувственнѣе плевель разжирѣвшихъ,
Чтб въ мертвенномъ покоѣ догниваютъ
Свой вѣкъ, на склонахъ Леты, еслибъ этимъ
Не возмутился дѣломъ. Слушай, Гамлетъ:
Былъ пущенъ слухъ, что я, заснувъ въ саду,
Ужаленъ былъ змѣей, и этимъ слухомъ
О мнимомъ образѣ моей кончины,
Обманута вся Данія. Но знай,
Мой благородный юноша, что змѣй,
Меня ужалившій, вѣнецъ мой носить.

Гам. О ты, предчувствіе! Мой дядя?

Духъ. Онъ!

Кровосмѣсительный, безстыдный этотъ звѣрь
Умомъ чарующимъ, природныхъ дарованій
Предательскою силой [будь онъ проклятъ,
Тотъ умъ и тѣ дары, что могутъ
Такъ развращать] — позорнымъ увлеченьямъ
Желанья подчинилъ и королевы,
Чтб скромности казалась образцомъ.
О Гамлетъ! Это ль было не паденье?
Послѣ меня, котораго любовь —
Вся благородство — постоянно шла,
Рука съ рукой съ моимъ обѣтомъ брачнымъ —
Упасть въ объятія этого мерзавца,
Рожденнаго, въ сравненіи со мной,
Столь нравственно убогимъ?
Конечно, добродѣтель ни за что
Разврату не отдастся, хоть явился
Онъ въ видѣ ангела; за то развратъ,
Хотя-бъ и съ ангеломъ соединился,

И райскихъ сладостейъ вкусилъ, всегда
 Готовъ опять въ грязи своей валяться.
 Довольно. На меня пахнуло утро:
 Я сокращу рассказъ мой. Въ часъ обычный,
 Когда послѣ полудня я въ саду
 Предался отдыху, въ минуту сна,
 Твой дядя, съ сокомъ облененъ проклятой
 Ко мнѣ подкрался, и въ отверстіе уха
 Мнѣ влилъ изъ стклянки страшный этотъ ядъ,
 Губительный для крови человѣка,—
 Тотъ страшный ядъ, что въ поры и каналы
 Взойди, какъ ртуть, и заразивъ все тѣло,
 Въ мгновеніе сѣдаться заставляетъ
 Здоровую, текучую въ насъ кровь —
 Подобно молоку, когда въ него
 Прибавятъ кислаго. Такъ сѣлась и моя:
 И тѣло чистое мое проказа,
 Какъ тѣло Лазаря, покрыла вдругъ
 Нечистой, отвратительной корою.
 И вотъ, въ минуту сна, рукою братней,
 Лишень я жизни, царства, королевы;
 Подъ корень срѣзанъ былъ въ цвѣту грѣха;
 Безпомощно застигнуть быль врасплохъ;
 Безъ таинствъ, безъ напутствій, безъ молитвы,
 Потребованъ къ неожиданному отчету —
 Когда съ самимъ собой еще не счелся
 Въ безчисленныхъ грѣхахъ, на мнѣ лежавшихъ!
 О ужасъ! ужасъ! невѣстимый ужасъ!...
 И если есть въ тебѣ хоть искра чувства,
 Не можешь такъ ты этого оставить
 И допустить, чтобъ царственное ложе
 Служило въ Даніи, гнѣздомъ разврата,
 Постелью гнусному кровосмѣщенію.
 Но, слѣдуя путями правосудья,
 Не запятнай души несвойственнымъ поступкомъ
 Противу матери: отдай ее
 Небесной карѣ и колючимъ тернамъ,
 Что внутренно ея терзають совѣсть.
 Теперь — прощай. Свѣтлякъ почувалъ утро,
 И блескъ его холодный ужъ блѣднѣетъ.
 Прощай, о сынъ мой! О мой милый Гамлетъ!
 Прощай, прощай, и помни обо мнѣ!

[Исчезаетъ].

Гам. О сонмъ небесныхъ воинствъ! О Земля!
 И что еще?..
 Иль съ вами Адъ еще призвать я долженъ?
 О подлость, подлость! Да не бейся-жъ сердце!
 Да не дряхлѣйте-жъ мышцы! Станьте сталью
 Упругою! Мнѣ помнить о тебѣ?
 Да, бѣдный Духъ, я буду, буду помнить,

Пока мѣсть въ черепѣ моемъ есть память!
 Мнѣ помнить? Да вѣдь я сотру теперь же,
 Съ скрижалей памяти, всѣ вздорныя отмѣтки,
 Всѣ формулы, всѣ тонкости науки,
 Всѣ пережитыя мной впечатлѣнія,
 Что молодость и наблюденіе въ нихъ
 Усердно такъ строчили: и отнынѣ
 Лишь твой завѣтъ во мнѣ храниться будетъ,
 Безъ низшихъ примѣсей, въ владѣньяхъ мозга,
 На тамошнихъ тетрадкахъ и страницахъ.
 Да, Богомъ въ томъ клянусь!
 О пагубная женщина! О низкій,
 Низкій ты, смѣющійся подлецъ!
 Проклятый! Дайте мнѣ сюда таблички:
 Я въ нихъ впишу, что можно улыбаться,
 Все улыбаться, самому же быть
 Ужаснымъ подделомъ, — по крайней мѣрѣ
 Здѣсь, въ Даніи.

[Пишетъ].

Ну, дядя, это — ты.
 Теперь — его слова: прощай, прощай —
 И помни обо мнѣ.
 — И въ этомъ я поклонился.
 Гор. [За сценою]. Принцъ! принцъ!
 Марц. [За сценою]. Принцъ Гамлетъ!
 Гор. [За сценою]. Спаси васъ Богъ!
 Гам. Здѣсь я! Здѣсь!
 Марц. [За сценою]. Го, го, го, го! Принцъ!
 принцъ!
 Гам. Го, го, го, го! Сюда, сюда, соколики!

Входятъ Горацио и Марцелло.

Марц. Ну, какъ дѣла, принцъ?
 Гор. Что новаго, принцъ!
 Гам. О.... чудеса!
 Гор. Въ самомъ дѣлѣ? Скажите намъ.
 Гам. Нѣтъ, разболтаете!
 Гор. Не я, принцъ, — ей Богу!
 Марц. И не я, принцъ;
 Гам. Вообразите же себѣ... и кто бы этому
 повѣрилъ?
 Но только это — тайна.
 Горацио и Марц. Да ей Богу же, принцъ, не
 скажемъ.

Гам. Такъ слушайте:
 Нѣтъ въ Даніи такого подлнца,
 Чтотъ онъ же не былъ записнымъ плутягой!
 Гор. Но, принцъ, для такого извѣстія мертвецу
 не стоило подниматься изъ гроба.
 Гам. Да, это такъ; ты совершенно правъ.
 Поэтому, безъ дальнихъ проволочекъ,
 Вотъ-что скажу: пожмемъ другъ другу руки

Гамлетъ. Опять, опять манить? Пустите, господа!
 Клянусь—я въ духа обращаю, кто станеть
 Меня держать. Я говорю вамъ, прочь!
 [Къ Духу] Иди! Я за тобой.

Дѣйст. I. Сцена IV.

И разойдемтесь; вы — куда направлять
Васъ собственныя нужды и желанья.
У каждаго желанья есть и нужды.
А коли такъ, то и на мой паекъ—
Хоть онъ бѣдиѣ всѣхъ, ихъ чуть не сотня!
Вотъ-видите, сейчасъ иду молиться.

Гор. Принцъ, это все слова
Безъ смысла и безъ связи!

Гам. Жаль мнѣ очень,
Коль ты обидѣлся. Да, жаль сердечно!
По чести, жаль.

Гор. Тутъ нѣтъ обиды, принцъ.

Гам. Клянусь святымъ Патрикомъ, есть обида,
Гораціо!

И тяжкая обида. О видѣнны-жъ
Я долженъ вамъ открыться, что оно
Духъ честный. А желанье ваше
Узнать, что между нимъ и мною было,
Старайтесь превозмочь. И васъ, друзья —
Вѣдь вы мои друзья, да и по школѣ
Коллеги мы, и по оружію братья —
Прошу мою одну исполнить просьбу!

Гор. Какую принцъ? Охотно.

Гам. Не говорить, что въ эту ночь мы съ вами
Здѣсь видѣли.

Гор. и Марц. Да и не скажемъ, принцъ.

Гам. Нѣтъ: поклонитесь!

Гор. Никому не скажемъ;
Порукой — честь!

Марц. Клянемся честью — будемъ
Молчать!

Гам. Нѣтъ: клятву на моемъ мечѣ!

Мар. Мы вамъ клялись...

Гам. Нѣтъ, на мечѣ моемъ клянитесь!

Духъ [подъ землею]. Клянитесь!

Гам. Га, шалунъ! И ты туда же?
И ты, товарищъ, съ нами? Глухи вы?
Не слышите дружка-то вы, въ подвалахъ?
Извольте клясться!

Гор. Говорите клятву.

Гам. Что никому не скажете о томъ
Что видѣли: клянитесь на мечѣ!

Духъ [подъ землею]. Клянитесь!

Гам. *Nis et ubique?* Погоди-жъ:
Мы перемѣнимъ мѣсто. Господа,
Пожалуйте!

Скрестите руки на моемъ мечѣ —
И поклонитесь имъ:
Чтобъ никогда о томъ не говорить,
Что видѣли.

Духъ [подъ землею]. Мечемъ его клянитесь!

Гам. Га, старый кротъ! да какъ же славно ты
Работаешь? Лихой ты землекопъ!
Хотите-ли, друзья, еще разокъ
Мы перейдемъ отсюда?

Гор. Странно, принцъ!
Клянусь луной и солнцемъ, непонятно!

Гам. Такъ и прими его за чужестранца
Да, другъ Гораціо! Въ землѣ и небѣ
Есть чудеса такія, что о нихъ
И грезить не дерзаетъ наша мудрость!
Идемте-же.

Отнынѣ, какъ и прежде, никогда
Въ чемъ помощи вамъ Богъ! —какимъ бы страннымъ
И сумасброднымъ вамъ я ни казался,
Хоть даже я прикинулся-бъ безумцемъ,
Не разведете вы вотъ-такъ руками,
Ни этакъ не кивнете головой;
Не бросите полупрозрачныхъ фразъ,
Какъ на примѣръ: «да, да, мы знаемъ это»;
Или: «могли-бъ и мы, когда-бъ хотѣли»;
Иль: «если-бъ намъ болтать была охота»;
Иль наконецъ: «когда-бъ мы это смѣли»,
И никакимъ инымъ двусмысленнымъ намѣкомъ
Не обнаружите, что обо мнѣ
Вамъ что-нибудь особое извѣстно.
Въ томъ дайте вашу клятву, какъ Господь,
Въ день бѣдствія, да не оставитъ васъ
Своей благою помощью!

Духъ [подъ землею]. Клянитесь!

Гам. О, успокойся, возмущенный Духъ!...
Вамъ, господа, со всей моей любовью
Я отдаю себя; и все, чѣмъ только
Такой бѣднякъ, какъ Гамлетъ, будетъ въ силахъ
Вамъ выразить свою любовь и дружбу,
Богъ милостивъ, не будетъ имъ забыто.
Пойдемте вмѣстѣ. И еще прошу:
Отъ рта никакъ не отнимайте пальцевъ.
Да! Время выбилось у насъ изъ такта
И, право, злость беретъ, что мнѣ придется
Его справлять. Да вотъ, посмотримъ.
Пойдемте-жъ вмѣстѣ.

[Уходятъ].

ДѢЙСТВІЕ II^е

СЦЕНА I-я. — Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Полоній и Рейнальдо.

Полон. Вручи ему, Рейнальдо, эти деньги
Съ бумагами.

Рейн. Исполню, ваша честь!

Пол. Въ подобномъ дѣлѣ, добрый нашъ
Рейнальдо,

Ты былъ бы удивительно находчивъ,
Когда бы прежде, чѣмъ къ нему явиться,
Развѣдать могъ о немъ изъ подъ руки.

Рейн. И, ваша честь, объ этомъ ужъ подумалъ.

Пол. И хорошо подумалъ ты! Прекрасно!
Начните, другъ, съ того, что разузнайте
О Датчанахъ, какіе есть въ Парижѣ;
Добейтесь, кто они, зачѣмъ туда
Пріѣхали, и какъ, и гдѣ живутъ,
Съ кѣмъ знаютъ, и много-ль денегъ тратятъ?
Когда-жъ изъ сочетанія вопросовъ
Умно поставленныхъ, увидишь ясно,
Что сынъ мой имъ извѣстенъ: вотъ-тогда
Ужъ и развѣдывай о немъ, что хочешь;
Однако-жъ такъ, чтобъ было незамѣтно.
Скажи, что ты его почти не знаешь;
Или хоть такъ: я зналъ его отца —
Ну, и друзей, да и его «отчасти».
Ты понялъ все?

Рейн. О, совершенно понялъ!

Пол. Такъ и скажи: его «отчасти» знаю,
Но только-что «не очень»; если-жъ этотъ —
Тотъ самый, о которомъ мнѣ извѣстно, —
То онъ таки порядочный повѣса;
Вдастся въ то и то; и тутъ ужъ можешь
Ты на него плести все, что угодно;
Но не такое, чортъ возьми, чтобы ему
Могло нанести безчестье! И прошу
Васъ, другъ, отъ этого остерегаться
Держитесь предпочтительно въ предѣлахъ
Тѣхъ шалостей безпутныхъ и дурачествъ,
Съ которыми, какъ всякій это знаетъ,
Водиться любятъ юность и свобода.

Рейн. Какъ напимѣръ, игра?

Пол. Ну-да, конечно!
Игра, вино, ругательства, дуэли,
Сварливый нравъ, красотокъ посѣщенье.
Хвати-братъ и туда!

Рейн. Не нанести бы такъ ему безчестья?

Пол. Э, нѣтъ! Нисколько, если ты сумѣешь
Разсказать свой подслать. Тебѣ не нужно
Изображать его совсѣмъ ужъ негодяемъ;
Я не того хочу. Ты опиши
Его такимъ, чтобы его проступки
Казались лишь неряшествомъ свободы,
Послѣдствіями вспышекъ и порывовъ
Природной пылкости, порой броженія
Бурливой крови, что, конечно, каждый
Извѣдалъ на себѣ.

Рейн. Но, ваша милость...

Пол. Ты вѣрно спросишь: для чего все это?

Рейн. Вы угадали — я желалъ бы знать.

Пол. Вотъ то-то, другъ!... Я вамъ скажу всѣ
планы:

И наша хитрость, думаю, удастся,
Когда на сына моего слегка
Ты тѣнь набросишь, какъ бываетъ это
Порой, съ художникомъ, что невзначай
Слегка свою запачкаетъ работу, —
Смотри же, замѣчай!
Тотъ самый собесѣдникъ, отъ кого
Хотѣлъ бы ты о птенчикѣ развѣдать, —
Коль въ самомъ дѣлѣ онъ его видалъ
Когда-нибудь замѣшаннымъ въ проказы,
Что на него ты плешь, — и самъ, навѣрно,
Сейчасъ же подтвердитъ твои слова
И скажетъ: «государь мой», или нѣчто
Въ такомъ же родѣ, напимѣръ: «мой другъ»,
Иль: «джентельменъ», иль какъ у нихъ
Тамъ-принято, по человѣку глядя.

Рейн. Я понялъ, ваша честь.

Пол. И вотъ, тогда
Онъ согласится; точно согласится!...

Что же такое хотѣлъ я сказать? Въ самомъ
дѣлѣ, я хотѣлъ сказать что-то.
На чемъ-бишь я остановился?

Рейн. Вы говорили, что мои слова
Онъ подтвердитъ.

Пол. Ну-да, онъ непременно
Ихъ подтвердитъ;
Вотъ такъ сейчасъ каналья и отрѣжетъ,
Что молодца-моль этого я знаю:
Вчера, иль можетъ-быть въ иное время,
Въ тотъ день, или въ другой его я видѣлъ

Съ такимъ-то иль такимъ; какъ вы сказали,
Онъ велъ игру; тамъ — черезъ край хватилъ,
А тутъ, играя въ мячъ, затѣялъ ссору.

И можетъ-быть добавить, что его
Видалъ входящимъ въ скверные дома, —
Въ дома разврата, что-ли; ну, и дальше...
Теперь смотри же:

Плотичкой лжи, ты выудилъ, какъ карпа,
Всю сущность истины! Вотъ-такъ и мы,
Бывъ люди вышешаго ума и знанья,
При помощи снаровки и двуличья —
Сторонками доходимъ и до сути.

И ежели моимъ ты указаньямъ
Сумѣешь слѣдовать, то и о сынѣ...
Что? Понялъ-ли? Все понялъ?

Рейн. Все, до точки.

Пол. Ступай же съ Богомъ! можешь уѣзжать.

Рейн. Отъ васъ я прямо въ путь.

Пол. Да позаботься

Понаблюсти за нимъ и самъ.

Рейн. И это

Исполню, ваша честь.

Пол. И подтверди

Ему, чтобъ поприлѣжней занимался
Онъ музыкой.

Рейн. Скажу, скажу.

Пол. Прощай же.

[Рейнальдо уходитъ; входитъ Офелія].

Ты что, Офелія? Что тамъ такое?

Офел. Отецъ, отецъ! Ахъ, какъ я испугалась!

Пол. Чего ты, Богъ съ тобой?

Офел. — Сижу одна

Въ своей и комнатѣ и шью; какъ вдругъ
Принцъ Гамлетъ входитъ: грудь на немъ
Разстегнута, и голова безъ шляпы;
Чулки запачканы и, безъ подвязокъ,
По щиколдки спустились, а лице
Бѣлый, чѣмъ полотно его рубашки;
Колѣни страшно другъ о друга бьются,
И выраженіе такъ грустно, грустно,
Какъ будто бы онъ вырвался изъ ада
Намъ рассказать, что только тамъ бываетъ
Ужаснаго! И онъ передо мной
Остановился.

Пол. Отъ любви къ тебѣ
Съ ума онъ спятилъ?

Офел. Я не знаю; только

Боюсь я этого!

Пол. Что говорилъ онъ?

Офел. Меня онъ за руку схватилъ, и крѣпко
Ее удерживалъ и, отступивъ
На всю длину руки, другую руку
Уставилъ онъ вотъ этакъ надъ бровями,
И сталъ меня разглядывать, какъ-будто
Готовился писать съ меня портретъ.
Смотрѣлъ онъ этакъ долго; и затѣмъ
Слегка пожавъ мнѣ руку, сверху внизъ
Три раза покачалъ онъ головою,
И такъ вздохнулъ печально, такъ глубоко,
Какъ будто съ этимъ вздохомъ разрывалось
Въ немъ сердце и его кончалась жизнь.
Потомъ онъ выпустилъ меня и, обернувшись
Ко мнѣ черезъ плечо, казалось, путь
Свой находилъ, не прибѣгая къ зрѣнью,
И вышелъ въ дверь, до самого порога
Глазъ не сводя съ меня.

Пол. Пойдемъ съ тобой.

Тутъ надо — къ королю. Чистѣйшій это
Экстазъ любви, что собственною силой
Себя губить готова, да и волю
Склонить къ отчаяннымъ поступкамъ можетъ
Какъ всѣ другія страсти, отъ которыхъ
Приходится терпѣть намъ подъ луной.
Мнѣ жаль его. Ты съ нимъ не обошлась ли
Ужъ слишкомъ рѣзко?

Офел. Нѣтъ, отецъ: я только,
По вашему приказу, отсылала
Къ нему обратно письма, и его
Старалась избѣгать.

Пол. Вотъ-это и свихнуло
Его съ ума. Жалѣю я теперь,
Что толкомъ не взглянулъ на это дѣло.
По правдѣ, я боялся, что онъ шутить,
Иль попросту, собирается надуть.
Да, не впопадъ я сумничалъ! Какъ видно,
Хватая дальше цѣли, въ наши лѣта
Мы дѣлаемъ не менѣ ошибокъ,
Чѣмъ наша молодежь по недостатку
Въ ней осторожности. Идемъ, идемъ
Скорѣе къ королю. Ему должны мы
Все рассказать. Здѣсь скрытность не у мѣста,
И больше можетъ натворить намъ бѣдъ,
Чѣмъ откровенность возбудить досады.
Пойдемъ!

[Уходятъ].

СЦЕНА II-я. — *Комната во дворѣ.*

Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденстернъ и свита.

Кор. Привѣтъ вамъ, дорогой нашъ Розенкранцъ И Гильденстернъ. Не говоря о томъ, Что васъ давно мы ждали съ нетерпѣньемъ, Нужда до васъ, заставила ускорить Сюда вашъ вызовъ. Что-нибудь, конечно, Вы слышали о перемѣнѣ съ принцемъ. Я выразился такъ: «о перемѣнѣ», Въ виду того, что внутреннѣй и вѣншнѣй Въ немъ человекъ, совсѣмъ ужъ не таковъ, Какимъ былъ прежде. Что могло другое Коли не смерть отца, привести его Въ такое тяжкое самозабвенье, Я не могу придумать. Я прошу Обоихъ васъ, что съ самыхъ первыхъ лѣтъ Росли съ нимъ вмѣстѣ, и что оба близки Къ нему по возрасту и по привычкамъ, Намъ оказать любезности, и побыть Здѣсь при Дворѣ, чтобы бесѣдой вашей Привлечь его къ обычнымъ развлеченьямъ И разобрать, при помощи тѣхъ данныхъ, Что вамъ доставить случай: нѣтъ ли тайной И неизвѣстной намъ, другой причины Его недуга, чтобъ ее открывши, Могли мы постараться и о средствахъ Для помощи.

Королева. О васъ онъ, господа, Такъ часто говорилъ! Я твердо вѣрю, Что кромѣ васъ, нѣтъ двухъ живыхъ созданий, Къ которымъ бы онъ столько былъ привязанъ. И если вы такъ будете любезны, И насъ согласьемъ вашимъ подарите — Помочь, на время, намъ досугомъ вашимъ Къ осуществленью нашей цѣли и надеждъ, То мы оцѣнимъ ваше посѣщенье, Какъ королевская признательность лишь можетъ Его цѣнить.

Розен. Но для величествъ вашихъ По силѣ королевской вашей власти Довольно-бъ повелѣть, а не просить, Чтобъ мы сочли закономъ вашу волю.

Гильд. Нашъ долгъ священный вамъ повиноваться.

Располагайте нами: повергаемъ Свободно къ вашимъ царственнымъ стопамъ Свое усердіе и будемъ ждать Отъ васъ мы высочайшихъ приказаній!

Кор. Мы васъ благодаримъ, нашъ Розенкранцъ,

И добрый нашъ, любезный Гильденстернъ.

Королева. Мы благодарны вамъ, нашъ

Гильденстернъ,

И добрый нашъ, любезный Розенкранцъ:

И просимъ васъ немедленно посѣтить

Намъ дорогаго сына, что такъ странно

Перемѣнился. [*Къ свитѣ*] Кто-нибудь изъ васъ

Пусть къ принцу Гамлету, господъ вотъ-этихъ

Сейчасъ проводить.

Гильд. Дай-то Богъ,

Чтобъ нашъ прїѣздъ и обращенье съ нами Ему прїятны были и полезны.

Королева. Пусть будетъ такъ; аминь.

[*Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ съ некоторыми изъ свиты; входитъ Полоній.*]

Пол. Послы въ Норвегію, мой повелитель, Вернулись къ намъ съ хорошими вѣстями.

Кор. Ты былъ всегда отцомъ вѣстей хорошихъ.

Пол. Не правда-ль, Государь? И вѣрите мнѣ Мой милостивый повелитель: я

И долгъ, и душу соблюдаю Богу

Равно какъ вамъ. А дѣло вотъ-какое:

[*Иль мозгъ мой разучился находить Слѣды къ событіямъ...*] а вѣдь я открылъ Что принца Гамлета ввело въ безумье.

Кор. О, говори скорѣй мнѣ. Съ нетерпѣньемъ Я слушаю!

Пол. Нѣтъ, прежде не угодно-ль Принять пословъ: моя же новость, По ихъ прїемъ, будетъ вамъ десертомъ.

Кор. Такъ-окажи имъ честь: введи ихъ самъ.

[*Полоній уходитъ.*]

Онъ увѣряетъ, милая Гертруда, Что отыскалъ причину и источникъ Безумья Гамлета.

Королева. Я сомнѣваюсь, Чтобы могла важнѣе быть причина, Чѣмъ смерть отца и нашъ поспѣшный бракъ.

Снова входитъ Полоній съ Вольтимандомъ и Корнелиемъ.

Король. Вотъ, разузнаемъ. Добро пожаловать, мои друзья! Скажи намъ, Вольтимандъ, какія вѣсти Отъ нашего Норвежскаго собрата?

Вольт. Онъ, какъ нельзя радушнѣй, обращаетъ И къ вамъ привѣтъ и добрыя желанья. Вслѣдъ за прибытьемъ нашимъ, онъ тотчасъ-же

Послалъ остановить приготовленья,
 Что будто бы [ему такъ представляли]
 Въ виду имѣли Польшу. Но теперь,
 Узнавъ подробиѣ, онъ убѣдился,
 Что всѣ они и въ самомъ дѣлѣ были
 Расчитаны на то, чтобъ ихъ вести
 Противу Даніи. И оскорбившись,
 Что слабость ногъ его, болѣзнь и старость
 Теперь предлогомъ служить, чтобъ его
 Обманывать, онъ приказалъ немедля
 Племянника, арестовавъ, къ себѣ представить.
 Тотъ не противился, и получивъ
 Отъ дяди строгій выговоръ, далъ слово,
 Что больше никогда теперь на ваше
 Величество, войной онъ не пойдетъ.
 И тутъ, на радостяхъ, Норвежецъ старый
 Ему три тысячи прибавилъ марокъ
 Годичнаго оклада, и формально
 Ему далъ порученье двинуть въ Польшу .
 Имъ собранное войско, что туда,
 Какъ прежде думали и назначалось,
 И вмѣстѣ высказалъ свою къ вамъ просьбу,
 Здѣсь изложенную весьма подробно:

[*Подавая бумагу за печатью*].

Не можетъ ли вамъ быть благоугоднымъ,
 На помощь для задуманнаго дѣла
 Его войскамъ, чрезъ владѣнья ваши
 Свободный выдать пропускъ? Здѣсь, въ письмѣ,
 Предложены статьи о гарантіяхъ,
 Съ придачей для страны вознагражденія.

Кор. Все это намъ пріятно; на досугѣ
 Письмо прочтемъ, обсудимъ и отвѣтимъ;
 А между тѣмъ, мы васъ благодаримъ
 За вашъ успѣшный трудъ, что такъ любезно
 Взялись вы выполнить. Теперь вамъ можно
 И отдохнуть; а вечеромъ, попозже,
 Мы попируемъ вмѣстѣ. Въ заключение —
 Нашъ вамъ привѣтъ, по случаю возврата
 Къ себѣ на родину!

[*Вольтимандъ и Корнелий уходятъ*].

Пол. Вотъ это дѣльцо
 Окончилось для насъ благополучно.
 Вы, повелитель мой, и также вы,
 Моя владычица! Судить о томъ,
 Чѣмъ царственность должна бы быть,
 И что-такое долгъ, и почему
 День значить день, ночь — ночь, а время — время:
 То значило бы только убивать
 И день, и ночь, и время. Въ уваженіе
 Того, что краткость есть душа ума,

А многословіе — его членовность,
 Иль, непросто, его прикраса, — буду кратокъ.
 Вашъ благородный сынъ теперь помѣшанъ.
 Я говорю «помѣшанъ», потому,
 Что обозначать, съ точностью «безумье»
 Нельзя безъ выраженія: «помѣшанъ».
 Но мы оставимъ это.

Королева. Да нельзя ли

Побольше толку, меньше-жъ искусства?

Пол. Божусь вамъ, королева, — объ искусствѣ
 Я вовсе и не думалъ! Онъ — помѣшанъ;
 И это правда: если-жъ правда — жалко;
 И жалко, потому что — правда. Впрочемъ,
 Все это глупо, такъ и Богъ ужъ съ нимъ!
 Я-жъ, прибѣгать къ искусству не намѣренъ.
 Когда-жъ допустимъ мы, что онъ помѣшанъ,
 То намъ останется сыскать причину
 Сего эффекта, иль точнѣй — дефекта
 За тѣмъ, что и эффектъ, хоть дефективный,
 Не безъ причины же. И вотъ что намъ
 Тутъ остается; а остатокъ этотъ
 Таковъ. Вотъ, разсудите;
 Я у себя имѣю дочь; имѣю —
 За тѣмъ, что эта дочь пока моя;
 Она, изъ послушанія и долга —
 Прошу замѣтить — мнѣ передала
 Вотъ это. И теперь, извольте слушать.
 И разсудите сами!

[*Читаетъ*].

«Небесной, божеству души моей, къ лику кра-
 савицъ причтенной Офеліи».

Это замѣтите, очень нехорошее выраженіе, до
 крайности дурное выраженіе: «причтенной къ ли-
 ку» — выраженіе нехорошее. Однако извольте до-
 слушать.

[*Читаетъ*].

«Все это, и прочее... для сумочки на ея бѣло-
 снѣжной груди».

Королева. И это писалъ къ ней Гамлетъ?

Полон. Потерпите немного, всемиловѣйшая
 королева! я обо всемъ передамъ вѣрно.

[*Читаетъ*].

«Не вѣрь, что свѣтъ блеситъ въ звѣздахъ,
 Что ходитъ солнце въ небесахъ;
 Не вѣрь ни истинѣ, ни лжи:
 Но только вѣрь моей любви!»

«О дорогая Офелія! Я плохо владѣю стихомъ,
 и не обладаю искусствомъ заключать мои жалобы
 въ стопы и рѣзмы: но тѣмъ сильнѣе я люблю

тебя; да, тѣмъ сильнѣе, и ты вѣрь этому. Прощай. Твой навсегда, безцѣнная дѣвушка, покаместъ это тѣло принадлежитъ мнѣ —

«Гамлетъ».

Все это дочь моя, изъ послушанья
Мнѣ отдала; хотя она и прежде
О домогательствахъ его, тотчасъ же
Мнѣ сообщала, съ точнымъ указаньемъ
И способамъ, и времени, и мѣста.

Кор. Но что-же дочь твоя? Какъ принимала
Она его любовь?

Пол. Вы обо мнѣ
Какъ полагать изволите?

Кор. Что ты
И преданъ мнѣ, и вѣстѣ благороднѣ.

Пол. Вотъ это самое и мнѣ-бъ хотѣлось
Вамъ доказать. И какъ вы обо мнѣ
Судили бы, когда бы я, увидя,
Какъ эта страсть пылка [а я о ней —
Сказать вамъ надо — догадался прежде
Разказа дочери] что обо мнѣ
Вы стали-бъ думать? вы, а также ваша
Здѣсь предстоящая и дорогая
Намъ королева, еслибъ то увидя,
Остался я канторкой иль портфелемъ,
Иль сердце бы заставилъ быть нѣмымъ,
Иль попросту: глаза на нихъ замурилъ?
Что вы подумали-бъ? Но только — нѣтъ!
Я — прямо къ дѣлу! Молодую дочку
Тотчасъ — къ себѣ, и сдѣлалъ ей внушеніе!
«Принцъ Гамлетъ — принцъ: и онъ тебѣ не пара;
Не надо этого!» И тутъ же ей
Далъ приказанье накрѣпко замкнуться
Отъ всѣхъ его искательства; отсылать
Обратно посланныхъ; не принимать
Его подарковъ. И она, конечно,
Меня послушалась. И вотъ-онъ, види
Себя отвергнутымъ... Ну да короче:
Онъ впалъ въ уныніе, отсталъ отъ пищи,
Сталъ плохо спать, а тутъ ужъ и пошелъ
Дурѣть, глупѣть, и такъ все ниже, ниже,
Пока совсѣмъ дошелъ ужъ до безумья,
Въ которомъ онъ теперь и куралесить,
Какъ вамъ извѣстно, и о чемъ теперь
Мы сокрушаемся.

Кор. [обращаясь къ Королеви]. Гертруда!
Какъ думаешь ты? Такъ ли это?

Королева. Оно — возможно и на то похоже.

Пол. Да вотъ, мнѣ-бъ очень знать хотѣлось:
Извѣстенъ вамъ, хоть бы единый случай;

Когда я положительно увѣрилъ,
Что это — такъ, а вышло бы — не такъ?

Кор. Я что-то не припомню.

Пол.

Ну, и вотъ-что:

[Показывая на плеча и голову].

Снимите съ этого вотъ-это, коль и это
Теперь у насъ окажется не такъ!

Помогутъ обстоятельства — до правды

Я доберусь, гдѣ-бъ ни была она —

Всегда, вездѣ, въ любой центральной точкѣ!

Кор. Нельзя ли чѣмъ-нибудь подостовѣрнѣй
Намъ убѣдиться въ этомъ?

Пол. Вамъ извѣстно
Что иногда часа онъ по три ходитъ
По этой галлерей?

Королева. Точно такъ;

Я знаю это.

Пол. Въ это время дочь
Къ нему я выпущу. Мы за коверъ
Всѣ трое спрячемся, и станемъ встрѣчу
Ихъ наблюдать: и если только онъ
Ее не любитъ и не къ ней любовь
Ввела его въ безумье, — удалите
Меня отъ дѣлъ правленья, и сошлите
Смотрѣть за фермою, за конюхами!

Кор. Такъ-чтожъ? Попробуемъ!

Входитъ Гамлетъ.

Королева. Взгляните: онъ идетъ сюда и читаетъ;
и какой грустный!

Пол. Уйдите-же, прошу! уйдите оба!
Я приступлю къ нему, прошу — дозволейте!

[Король, Королева и свита уходятъ].

Что, какъ здоровье нашего любезнѣйшаго принца Гамлета?

Гам. Слава Богу, недурно.

Пол. Узнали ли вы меня, принцъ?

Гам. Какъ нельзя лучше; ты рыбой торгуешь?

Пол. О, нѣтъ же, принцъ!

Гам. Ну такъ желаю тебѣ, чтобы ты былъ
столько же честенъ, какъ тотъ.

Пол. Честенъ, принцъ?

Гам. Именно такъ: потому что быть въ наше
время честнымъ, это быть только одному изъ десяти
тысячъ.

Пол. Да, это правда, принцъ.

Гам. [читаетъ]. «Если и солнце зарождаетъ
червей въ дохлой собакѣ, и, будучи божествомъ,
съ лобзаніемъ прикасается къ мертвечинѣ...»
[Къ Полонию]. Есть у тебя дочь?

Пол. Есть, принцъ.

Гам. Ну-такъ не позволяй ей ходить по солнцу: зачатіе хоть и благодать, однакожь если оно коснется твоей дочки... Смотри, не прозѣвай, пріятель!

Пол. [Въ сторону]. Каковъ? А все о моей дочери! Сначала не узналъ меня; говоритъ — ты рыбакъ. Спитилъ съ ума, совсѣмъ спитилъ. А впрочемъ отъ любви и я въ молодости дѣлалъ таки-довольно дурачества; былъ близокъ къ тому же. Заговорю съ нимъ опять. — Что вы это читаете, принцъ?

Гам. Слова, слова, слова.

Пол. Да о чемъ же собственно тутъ говорится, принцъ?

Гам. Съ кѣмъ-это?

Пол. Я спрашиваю, принцъ, о содержаніи того, что вы читаете.

Гам. Злословіе, государь мой, злословіе. Какой-то безсовѣстный насмѣшникъ толкуетъ, что у стариковъ бороды сѣдыя, лица — въ морщинахъ, что глаза у нихъ источаютъ подобіе аравійской камеди и густой амбры, и что они, при чрезвычайной слабости въ поджилкахъ, въ то же время отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ сообразительности. Однимъ словомъ, все такія вещи, которымъ я положительно долженъ вѣрить, вполне вѣрить; но о которыхъ писать, по моему мнѣнію, все-таки не слѣдуетъ: потому что и вы, государь мой, могли бы вѣдь и сами дожить до моего возраста, если бы, по рачьему манеру, стали пятиться назадъ.

Пол. [Въ сторону]. Хоть и сумасшествіе, но въ немъ есть послѣдовательность. [Къ Принцу]. Вы-бы сошли, принцъ, съ открытаго воздуха.

Гам. Куда же? Въ могилу?

Пол. Ну, ужъ это значило бы тогда, принцъ, совсѣмъ лишать себя воздуха. [Въ сторону]. Какъ осмысленны иногда бываютъ его отвѣты! Право, иные сумасшедшіе находчивѣе здоровыхъ. Пойду, постараюсь устроить поскорѣй свиданіе между нимъ и моею дочерью. [Громко]. Высокоуважаемый принцъ! Беру смѣлость взять у вашего высочества позволеніе удалиться.

Гам. Изъ всего, что вы можете взять у меня, ни съ чѣмъ не разстался бы я такъ охотно, какъ съ жизнью моею, жизнью, жизнью!

Пол. Желаю вамъ добраго здоровья, принцъ.

[Идетъ къ дверямъ].

Гам. Какъ, однако, надобѣдаютъ эти старые болваны!

[Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ].

Пол. Вы, вѣрно, отыскиваете принца Гамлета? Вотъ-онъ!

Роз. [Полонію]. Благодаримъ васъ.

[Полоній уходитъ].

Гильд. Мой уважаемый принцъ!

Роз. Нашъ безцѣнный принцъ!

Гам. О мои дорогіе, добрые друзья! Какъ ты поживаешь, Гильденстернъ? И ты съ нимъ здѣсь, Розенкранцъ? Ну какъ-же вы, ребята, оба поживаете?

Роз. Да какъ самые обыкновенные изъ дѣтей матери земли.

Гильд. Мы счастливы уже и тѣмъ, что не черезъ край счастливы. Коли приглядѣться хорошенько къ шанкѣ Фортуны, то окажется, что оба мы не гонимся бы ей на кокарду.

Гам. Не подошвы же вы, однако, башмаковъ ея!

Роз. Да ни то ни другое, принцъ.

Гам. Стало-быть пробавляетесь гдѣ нибудь поближе къ поясу? Или, можетъ быть, и въ самомъ средоточіи ея благосклонностей?

Гильд. Пожалуй-что такъ! Мы пользуемся по этой части очень сильнымъ кредитомъ.

Гам. Это по части тайныхъ прелестей Фортуны-то? Да ужъ это непремѣнно такъ: вѣдь она — блудница! А что новаго?

Роз. Да ничего, принцъ, кромѣ того развѣ, что на свѣтѣ больше стало честныхъ людей.

Гам. Это значить, что день Суда близокъ. Только ваша новость — фальшива. Позвольте же мнѣ теперь коснуться болѣе частныхъ вопросовъ. Въ чемъ провинились вы, добрые мои друзья, передъ Фортуною, что она послала васъ въ тюрьму?

Гильд. Въ тюрьму, принцъ?

Гам. Да вѣдь Данія — тюрьма!

Роз. Въ такомъ случаѣ и весь свѣтъ — тюрьма.

Гам. Да, тюрьма, и презамѣчательная: съ разными отдѣленіями, перегородками и тайниками. Данія — одна изъ сквернѣйшихъ.

Роз. Ну этого-то, принцъ, мы не думаемъ.

Гам. Въ такомъ случаѣ она и не тюрьма для васъ; вѣдь и хорошее и худое бываетъ такимъ только смотря по тому, какъ мы о немъ думаемъ. Для меня собственно, Данія — тюрьма.

Роз. Такъ-это, можетъ быть, ваше честолюбіе представляетъ ее вамъ такою: она слишкомъ тѣсна для вашихъ желаній.

Гам. О Богъ мой! Да если бы не мои зловѣщія сны, такъ я и въ орѣховой скорлупкѣ почиталъ бы себя обладателемъ безпредѣльнаго пространства!

Гильд. Такъ вѣдь и самые эти сны-то ваши — отъ честолюбія: типъ настоящаго честолюбца складывается непремѣнно изъ отраженія его сновъ.

Гам. Однако и сны — также отраженіе.

Роз. Да, это-такъ; но по мнѣ, честолюбіе-то, само по себѣ, до того безсодержательно и ничтожно, что его иначе и называть не стоитъ, какъ развѣ только «тѣнью отраженія».

Гам. Въ такомъ случаѣ нищія у насъ будутъ дѣйствительностью, а монархи и великіе люди — ихъ тѣнью. Не обратится ли намъ лучше къ королю? Я, право, что-то глупъ сегодня.

Роз. и Гильд. Мы къ вашимъ услугамъ, принцъ.

Гам. Не въ томъ дѣло. Не хочу же я, въ самомъ дѣлѣ, смѣшивать васъ съ толпою моихъ прислужниковъ, которые, скажу вамъ какъ честный человѣкъ, прислуживаютъ мнѣ ужасно. Я только продолжаю стоять на торной тропинкѣ связывавшей насъ дружбы, а потому и спрашиваю васъ: зачѣмъ вы здѣсь, въ Эльсинорѣ?

Роз. Мы пріѣхали съ вами повидаться, принцъ, больше ни зачѣмъ.

Гам. Такой бѣднякъ какъ я, не богатъ и благодарностью; а все таки я благодарю васъ, хотя моя благодарность, дорогіе мои друзья, не стоитъ и полукопѣйки. Не послалъ ли васъ кто сюда? Было ли это собственное ваше побужденіе? По своей ли доброй волѣ вы сюда пріѣхали? Нутка, нутка, отвѣчайте-ка мнѣ по совѣсти! Да ну же, ну, нечего тутъ думать: сказывайте!

Гильд. Да что же мы должны сказать вамъ, принцъ?

Гам. О Боже мой! Что хотите, только бы шло къ дѣлу. Вѣдь за вами посылали. Смотрите-ка, и въ глазахъ-то у васъ играетъ въ нѣкоторомъ родѣ признаніе, котораго не смогла замаскировать ваша сдержанность. Я вѣдь знаю, — добрейшій король и королева посылали за вами.

Роз. Съ какою же цѣлью, принцъ?

Гам. Вотъ объ этомъ-то я прошу васъ сказать мнѣ. Но только заклинаю васъ правами нашего товарищества, созвучіями нашей молодости, обязанностями налагаемыми на васъ никогда не измѣнявшеюся между насъ дружбою и всѣмъ дорогимъ, что только въ состояніи придумать человѣкъ, болѣе меня находчивый: будьте искренны и прямодушны со мною! Посылали за вами, или нѣтъ?

Роз. [Гильденстерну]. Что ты скажешь?

Гам. [въ сторону]. О, да я насквозь васъ вижу! [Къ нимъ]. Если только вы меня любите — не покривите передо мною!

Гильд. За нами посылали, принцъ.

Гам. Теперь я и самъ скажу вамъ, зачѣмъ; и этимъ я дѣлаю ваше дальнѣйшее признаніе не нужнымъ; стало-быть и тайна, которою въ этомъ

случаѣ вы обязались передъ королемъ и королевою, не выдаетъ себя передо мной ни однимъ перышкомъ. Съ недавняго времени [а отчего, — самъ не понимаю], я потерялъ всю свою веселость, отвыкъ отъ своихъ обыкновенныхъ занятій, и, въ самомъ дѣлѣ, на душѣ у меня до того стало скверно, что на примѣръ — земля, этотъ такъ-чудно устроенный механизмъ, кажется моимъ глазамъ только безплодною скалою; что этотъ удивительный воздушный шатеръ, это — вообразите же себѣ — такъ-смѣло повѣшенное у насъ надъ головами небо, чудный этотъ, величественный сводъ, насквозь горящій золотистымъ пламенемъ, представляется мнѣ теперь не болѣе, какъ соединеніемъ гнилыхъ и заразительныхъ испареній. Какое образцовое созданіе — человѣкъ! Какъ возвышенъ у него умъ! Какъ неизмѣримы его способности! Какъ выразительны и прекрасны его формы и движенія. По своимъ дѣйствіямъ — онъ уподобляется ангелу, по своему разуму — Богу! Онъ — украшеніе вселенной; вѣнецъ надо всею одушевленною природою. И при всемъ этомъ — что мнѣ, скажите, въ этой квинтѣ-эссенціи праха? Нѣтъ не нравится мнѣ человѣкъ, ни даже — женщина. Хотя, судя по твоей улыбкѣ, тебѣ и хочется сболтнуть, что женщина мнѣ нравится.

Роз. У меня этого, принцъ, не было и въ помыслѣннѣ.

Гам. Такъ-чему же ты улыбнулся, когда я сказалъ, что человѣкъ мнѣ не нравится?

Роз. Я подумалъ, принцъ, о тощемъ пріемѣ, который можетъ встрѣтить отъ васъ, при вашей нелюбви къ человѣку, труппа комедіантовъ, попавшихся намъ на дорогѣ: они шли сюда именно за тѣмъ, чтобы предложить вамъ свои услуги.

Гам. Да нѣтъ-же! Разыгрывающаго королей — покорно просимъ къ намъ пожаловать. Его величество получить отъ насъ подобающую ему дань; храбрый рыцарь пустить въ дѣло свой щитъ и мечъ, любовникъ провздыхаетъ не даромъ, забавный господинъ доиграетъ свою роль въ мирѣ, шутъ посмѣшить господъ съ щекотливыми легкими, а молодая красотка свободно выскажетъ, что у ней на сердцѣ, хотя бы бѣлому стиху и пришлось хромать отъ этого. Что-это за комедіанты?

Роз. Тѣ самыя, которые когда-то вамъ нравились, — городскіе трагики.

Гам. Такъ для чего-жъ они странствуютъ? Ради извѣстности и заработка имъ было бы выгоднѣе оставаться на одномъ мѣстѣ, чѣмъ быть то и дѣло въ дорогѣ.

Роз. Я полагаю, что наши новые порядки показались для нихъ стѣснительными.

Гам. Пользуются ли они такимъ же уваженіемъ, какъ въ то время, когда я былъ въ городѣ? Такъ же ли они посѣщаются?

Роз. О нѣтъ, далеко не такъ.

Гам. Отчего-жъ это? Залѣнились?

Роз. Нѣтъ, они попрежнему относятся серьезно къ своему дѣлу: но только тамъ теперь появился выводокъ мальчишекъ, крошечныхъ недоростковъ — и ихъ неопозволительной пискотнѣ хлопаютъ до изнеможенія. Они-то теперь и въ модѣ, и благодаря имъ, высокопоставленные публицисты до того накричали противъ серьезныхъ представленій, которыя они выдумали называть «мѣщанскими», что даже наши мечами вооруженные марсы, испугавшись гусиныхъ перьевъ, стали бояться посѣщать ихъ.

Гам. Неужели же ты это говоришь о мальчишкахъ королевской пѣвческой капеллы? Кто же ихъ содержитъ? Платятъ-ли имъ сколько-нибудь? Не придется-ли имъ, съ возмужаніемъ голоса, отказаться отъ теперешняго своего ремесла? И въ послѣдствіи, когда они уже придутъ въ возрастъ обыкновенныхъ актеровъ, какими они, по недостатку средствъ къ жизни, вѣроятно навсегда и останутся, не въ правѣ ли они будутъ говорить, что теперешніе ихъ восхвалители сдѣлали имъ величайшее зло, заставя ихъ самихъ же швырять грязью въ ремесло, къ которому они, рано или поздно, должны будутъ обратиться сами?

Роз. Сказать по правдѣ, такъ тутъ у нихъ съ обѣихъ сторонъ шла перепалка, и публика не почитала за грѣхъ натравливать ихъ другъ на друга. Нѣкоторое время доходили до того, что пьеса не давала копѣйки сбора, если авторъ или актеръ, пользуясь положеніемъ спорящихъ, не доводили ихъ до кулаковъ.

Гам. Возможно-ли?

Роз. О, да мало ли тутъ было поработано по части сокрушенія мѣстностей, ближайшихъ къ человѣческому мозгу!

Гам. И мальчишки-таки одолѣли?

Роз. По крайней мѣрѣ они положительно одолѣли «Геркулеса», съ придачею къ нему покоившагося на его плечахъ земнаго шара, съ которымъ онъ красовался на театральной вывѣскѣ у ихъ соперниковъ.

Гам. Тутъ нѣтъ ничего слишкомъ необыкновеннаго. Вотъ вѣдь и мой дядя, вдругъ сдѣлался королемъ Даніи, и тѣ самые, которые, бывало, при

жизни отца корчатъ ему рожи, теперь даютъ двадцать, сорокъ, пятьдесятъ, сто червонцевъ за миниатюрный портретъ его. И клянусь Богомъ — есть во всемъ этомъ что-то роковое, до чего и философіи не мѣшало бы попробовать допытаться.

[Игра на трубахъ за сценою].

Гильд. Ну-вотъ и актеры.

Гам. Господа! Душевно радъ васъ видѣть въ Эльсинорѣ. Ваши руки, — давайте же ихъ сюда. Такъ какъ вѣжливость и соблюденіе добрыхъ обычаевъ необходимые условные знаки хорошаго приѣма, то позвольте и мнѣ исполнить ихъ въ отношеніи къ вамъ со всею точностью, изъ опасенія, чтобы мое обращеніе съ комедіантами, которыхъ, предупреждаю васъ, я приму какъ нельзя любезнѣе, не показалось вамъ радушиѣе того, какое вы отъ меня видѣли. Вамъ радъ я всею душою: а только мой дядя-отецъ и моя тетка-мать сильно во мнѣ ошибаются.

Гильд. Въ чемъ же, любезный принцъ?

Гам. А въ томъ, что вѣдь я схожу съ ума только при нордъ-нордъ-вестѣ; но при южномъ вѣтрѣ — я всегда сумѣю отличить цаплю отъ сокола.

Входитъ Полоній.

Пол. Добраго вамъ здоровья, господа!

Гам. [*Тихо*]. Слушай, Гильденстернь и ты, Розенкранцъ! Съ каждой стороны — по слушателю! Вотъ этотъ младенецъ — полюбуйтесь-ка на него — еще до сихъ поръ не выдрался изъ пеленокъ.

Роз. Скорѣе по милости судьбы, попалъ въ нихъ вторично. Вѣдь сказываютъ, что будто бы старость — второе дѣтство.

Гам. Скажу тебѣ впередъ, что онъ пришелъ толковать объ актерахъ. Примѣчай же. [*Громко*]. Да! вы совершенно правы, почтенный господинъ, — въ понедѣльникъ утромъ. Это и случилось тогда; именно тогда.

Пол. Принцъ, у меня есть для васъ новость!

Гам. «Принцъ, у меня есть для васъ новость». Когда еще Росціусъ былъ актеромъ въ Римѣ.....

Пол. Вотъ-именно, принцъ, актеры-то сюда и пріѣхали.

Гам. Да не можетъ же этого быть!

Пол. Честью клянусь вамъ!

Гам. На повѣрку же выходитъ, что каждый изъ актеровъ-то, по очереди, пробѣжался на ослѣ.

Пол. Да нѣтъ же! вѣдь это такіе актеры, принцъ, лучше которыхъ не сыскать во всемъ мірѣ: какъ для трагедій, такъ и для комедій, драматическихъ

хроникъ, пасторалей, комическихъ пасторалей, историческихъ пасторалей, трагико-историческихъ и трагико-комико-историческихъ пасторалей, пьесъ безъ раздѣленія или неразграниченныхъ. Не страшны для нихъ—ни мрачность Сенеки, ни игривость Плавта. Какъ въ сочиненіяхъ правильныхъ, такъ и въ тѣхъ, которыя написаны въ свободномъ родѣ, они равно неподражаемы.

Гам. О Іеффай, судья израильскій! какое же было у тебя сокровище!

Пол. Какое же такое, принцъ, было у него сокровище?

Гам. Сокровище-то?

„У него — красotka-дочка;
Онъ души не чае въ ней!“

Пол. [въ сторону]. Все о моей дочери!...

Гам. Что-жъ? Развѣ не правъ я, дѣдушка Іеффай?

Пол. Если вамъ, принцъ, собственно меня угодно называть Іеффеамъ, то у меня, дѣйствительно, есть дочь, и я удивительно какъ люблю ее.

Гам. Ну, тутъ одно изъ другаго не слѣдуетъ!

Пол. А что же слѣдуетъ, принцъ?

Гам. Что слѣдуетъ-то? Да Богъ же вѣсть, какъ оно тутъ сострапалось: а тутъ ужъ, самъ ты знаешь, отъ судьбы и на конѣ не уѣхать; остальное доскажетъ тебѣ первая строфа святочной пѣсни, потому что — теперь самъ ты видишь достаточную причину моего перерыва.

Входятъ четыре, или пять актеровъ.

Добро пожаловать, господа! Всѣ вы — добро пожаловать! Я радъ, что вижу васъ здоровыми. Очѣнь, очень радъ вамъ добрые друзья мои. А, старый дружище? Какая же чудесная борода-то у тебя выросла послѣ того, какъ въ послѣдній разъ я тебя видѣлъ! Не для того-ли ты пришелъ сюда, чтобы даже со мною посоперничать въ Даніи характеромъ мрачности, который она придаетъ тебѣ? А ты, моя юнѣйшая дѣвица или дама! Клянусь тебѣ, что твое дѣвство на цѣлый каблукъ поднялось кверху. Моли Бога, чтобы голосъ у тебя не далъ какой-нибудь трещины, подобно затертому червонцу, надтреснувшемуся до ободочка! Всѣмъ вамъ, господа, я радъ чрезвычайно. Слѣдуя, обычаю французскихъ сокольниковъ, мы набросимся съ вами на первую добычу, какая попадетъ подъ руку. Скорѣй же какой-нибудь монологъ! Покажи намъ обращикъ твоего искусства. Да ну, пожалуйста, какой-нибудь страшный монологъ!

1-й акт. Какой прикажете принцъ?

Гам. А вотъ, что ты мнѣ читалъ какъ-то, и который, однакожъ, никогда не былъ игранъ. Если же былъ игранъ, то не больше одного раза: потому что пьеса, насколько я помню, не понравилась большинству, которое отнеслось къ ней съ такимъ же плохимъ толкомъ, съ какимъ простонародье иногда судитъ о достоинствѣ икры. Но, по мнѣнію моему и другихъ, болѣе меня въ этомъ дѣлѣ свѣдущихъ, это была превосходная пьеса, съ чрезвычайно разумнымъ распредѣленіемъ сценъ, — написанная и умно и просто. Я помню, что кто-то говорилъ тогда, что хотя авторъ ея не прибѣгалъ ни къ соли въ стихахъ, чтобы показаться вкуснѣе, ни къ кривляньямъ въ слогѣ, чтобы казаться страстнымъ — но что эта манера писать — чрезвычайно благородная манера, — на столько же здоровая какъ пріятная, и въ которой именно больше красоты, чѣмъ изысканности. Одинъ монологъ особенно мнѣ понравился: это — разсказъ Энея Дидонѣ; и больше съ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ объ убійствѣ Пріама. Если ты не позабылъ его, то начни со стиха... какъ бишь? Подожди, дай вспомнить. —

«И грозный Пирръ, какъ звѣрь лѣсовъ Гирканскихъ»...

Нѣтъ, не то; а начинается — съ Пирра.

«Свирѣпый Пирръ, въ dospѣхахъ вороненныхъ, Чернѣвшихъ какъ замыселъ его, и ночи — Его подобившихъ, когда въ конѣ зловѣщемъ Лежалъ онъ скрытымъ, — цвѣтъ суровый свой И страшный видъ смѣнилъ, себя отмѣтивъ Геральдикой, въ сто разъ еще страшнѣйшей. Отъ головы до ногъ онъ сдѣлался багрянъ: И дѣло страшное! Все это — кровь была Отцовъ и матерей, дѣтей, сестеръ и братьевъ — Сгущенная, засохшая на немъ. Отъ пламени вездѣ горѣвшихъ улицъ, Что помогалъ своимъ проклятымъ блескомъ Вершить убійство жителей. И вотъ, Весь распаленъ отъ бѣшенства и жара, Окрашенъ весь густой, налипшей кровью Какъ адскій духъ, сверкая взглядомъ, Пирръ Бросается искать Царя-Пріама Лѣтами удрученнаго и скорбью». Теперъ продолжай.

Пол. Ей-Богу, принцъ, это — чудо какъ хорошо прочитано! Съ прекраснымъ выраженіемъ и большимъ тактомъ.

1-й актеръ. «И видитъ онъ — стоитъ державный старецъ Одинъ, противу воиновъ Эллады; Но мечъ его отцовъ ужъ непослушенъ»

Его рукъ, и вопреки велѣнью,
Куда ни упадетъ, тамъ и коснѣтъ.
И врагъ съ неравной силою настѣгъ
Пріама, Пирръ! и бѣшено ударилъ
Мечемъ по воздуху. Изнеможенный старецъ,
Подъ впечатлѣніемъ грозившаго удара—
Упалъ на землю. Эту мощъ удара
Нашъ Иліонъ, неодаренный чувствомъ,
Казалось, вдругъ почувствовалъ и рухнулъ
Пылающей верхушкой къ основанью,

Подвигнуть местию, принялся за дѣло.
И никогда на марсовы доспѣхи,
Что были кованы ему на вѣчность,
Съ подобнымъ безсердечіемъ не падалъ
Циклопа молотъ, какъ теперь упалъ
Вновь взвившійся мечъ Пирра безпощадный
На голову Пріама.
Долой, долой, развратница Фортуна!
И вы, о боги, свѣтлымъ вашимъ сонмомъ
Возьмите власть у ней! У колеса ея

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ АКТЕРОВЪ Гамлету.

Дѣйств. II. Сцена II.

И страшнымъ грохотомъ отвлекъ вниманье Пирра;
И тяжкій мечъ его, надъ млечно-бѣлой
Почтеннаго Пріама головой
Поднятый въ воздухъ, остался неподвиженъ.
И Пирръ стоялъ недвижно, какъ въ картинѣ
Палачъ стоитъ надъ жертвой и въ раздумьѣ,
Между намѣреніемъ и дѣломъ, медлилъ.
Бываетъ, что въ разгаръ сильной бури
Вдругъ небо смолкнетъ, тучи—безъ движенія,
Уймутся вихри, и земля подъ ними
Вся онѣмѣвъ, являетъ образъ смерти:
И—снова грянетъ громъ, прорѣзавъ воздухъ—
Страшнѣе прежняго. Такъ и теперь:
Спокойный на мгновенье, снова Пирръ,

Сломите ободъ, разбросайте спицы,
И ступицъ коварной повелите
Съ крутыхъ холмовъ жилищъ небесныхъ вашихъ,
Скатиться навсегда въ пещеры ада!»

Пол. Ужъ это что-то очень длинно.

Гам. Ну, такъ и носи его, коли хочешь, къ
цырюльнику вмѣстѣ съ твоей бородою. [*Къ Акте-
ру*]. Продолжай, пожалуйста: вѣдь онъ ото всего,
кромѣ клубничныхъ пѣсенекъ да шутовскихъ раз-
сказовъ, постоянно засыпаетъ. Продолжай, продол-
жай! Переходи къ Гекубѣ.

1-й Актеръ. «Но еслибъ кто увидѣлъ, какъ
Царица,
Едва прикрытая»,—

Гам. Едва прикрытая Царица?

Пол. Превосходно! «Едва прикрытая» — это очень, очень хорошо.

1-й Актеръ. «Едва прикрытая, полубосая
Въ отчаяннѣи туда-сюда металася
Искать спасенія, грозя пожару
Двойнымъ потокомъ слезъ. На головѣ у ней
Лохмотье, вмѣсто царскихъ украшеній,
А за одежду — лоскутъ покрывала
Отъ пламени случайно уцѣлѣвшій
И, станъ ея, рожденьемъ истощенный,
Теперь обвившій. Да! когда бы кто
Взглянулъ на это, — языкомъ
Облитымъ ядомъ онъ тогда проклялъ бы
Коварную измѣнницу Фортуну!
И еслибъ даже, съ высоты Олимпа,
Безсмертные, къ землѣ склоняя очи,
Въ тотъ страшный мигъ Царицу увидали,
Когда злодѣйскимъ удамствомъ играя
Свирѣпый Пирръ, передъ ея глазами,
На части разбѣкалъ ея супруга;
Когда-бъ они слышали тотъ вопль
[О, для чего имъ скорби недоступны!]
Тотъ страшный вопль, что изъ ея груди
Въ то время вырвался, — они очамъ
Огненнымъ неба повелѣли-бъ плакать
И сами бы увѣдали страданье!»

Пол. Посмотрите-ка, какъ онъ измѣнился въ лицѣ, и какъ глаза у него заслезались. О, прошу тебя — довольно, довольно!

Гам. Хорошо! конецъ ты прочитаешь мнѣ послѣ. [Къ Полонию] Ну — такъ вотъ, мизордъ! Нельзя ли будетъ вамъ позаботиться, чтобы помѣстить ихъ, какъ слѣдуетъ. Вы понимаете: я желаю, чтобы они были приняты какъ можно лучше. Въдь они — вѣрнѣйшіе отголоски, живая лѣтопись современности, и для васъ выгодище остаться, послѣ вашей кончины, со сквернѣйшею эпитафіею, чѣмъ заслужить отъ нихъ дурной отзывъ при жизни.

Пол. Я приму ихъ, принцъ, соотвѣтственно ихъ достоинству.

Гам. Да оборони же васъ Господи! Нѣтъ! вы, какъ человѣкъ, примите ихъ гораздо лучше этого. Въдь если поступать съ каждымъ по его достоинству, то кто же бы изъ насъ тогда избѣжалъ доброй плети? Примите ихъ соотвѣтственно собственному вашему положенію и вашимъ заслугамъ. Чѣмъ менѣе они того заслуживаютъ, тѣмъ больше чести для вашего великодушія. Пригласите же ихъ съ собою.

Пол. Пожалуйте, господа.

Гам. Ступайте за нимъ, друзья мои; завтра вы намъ сыграете. [Обращаясь въ сторону къ 1-му актеру, котораго онъ, при уходѣ прочихъ съ Полоніемъ, удерживаетъ] Ты меня слышишь, старый дружище? Можете ли вы сыграть: «Убіеніе Гонзаго?»

1-й Актеръ. Можемъ, принцъ.

Гам. Такъ и сыграемъ его завтра вечеромъ. Да не можешь ли ты, если понадобится, заучить какихъ-нибудь двѣнадцать или шестнадцать строкъ, которыя я напишу для тебя и помѣщу гдѣ нужно? Ты это можешь?

1-й Актеръ. Да, принцъ.

Гам. Ну и прекрасно. Ступай же теперь за тѣмъ господиномъ, да чуръ не смѣяться надъ нимъ!

[Актеръ уходитъ].

Теперь, мои добрѣйшіе друзья, [обращаясь къ Розенкранцу и Гильденстерну] также и съ вами прощаюсь я до вечера и, еще разъ, отъ души привѣтствую васъ въ Эльсинорѣ!

Роз. Мы благодаримъ васъ, принцъ.

[Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ].

Гам. Ну да, я вѣрю вамъ; Богъ съ вами.

— Я, наконецъ, одинъ. Какой же я

Лукавый, низкій рабъ! Ну не уродство-ль?

Отъ вымысла, отъ грѣзы только страстной

Актеръ, сейчасъ здѣсь бывшій, такъ всецѣло

Могъ душу подчинить воображенію,

Что подъ наитьемъ выдуманной страсти

Лице его блѣднѣетъ, по щекамъ

Струятся слезы, всѣ черты лица

Искажены отъ ужаса, и голосъ

Срывается, и всѣ его движенія

Согласны съ правдою! Изъ-за чего же?

Изъ-за Гекубы!

Да чтожъ ему Гекуба, или что

Онъ для нее, чтобы такъ о ней терзаться?

Что-бъ сдѣлалъ онъ, когда-бъ имѣлъ онъ вправду

Столь близкій поводъ и причину къ страсти,

Какъ у меня? Слезами-бъ наводнилъ

Онъ весь партеръ: онъ растерзалъ бы слухъ

Словами ужаса, въ безумье ввелъ

Преступника, невиннаго-бъ заставилъ

Затрепетать, и зрителей смутится,

И поразилъ бы въ нихъ оцѣпенѣниемъ

Способности и зрѣнія, и слуха;

А я?

Я, жалкій негодяй, съ нечистымъ сердцемъ,

О дѣлѣ нерадящій, я, мечтатель

Лишь сильный горемъ, а въ своей бѣдѣ

Безпомощный, я все сношу въ молчаньи?

И у меня нѣтъ словъ за Короля
Погибшаго неслыханной измѣной?
Нѣтъ словъ противъ проклятаго убійцы
Укрившаго, съ придачею короны,
Всѣмъ дорогую жизнь? Я, стало, трусь.
Зовите-жъ подлецомъ меня! Разбейте
Мнѣ черепъ, клокъ бороды моей въ мое жъ
Лице швырните, ущипните за носъ,
Названіемъ лжеца мнѣ плюньте въ глотку—
До самыхъ легкихъ! Гдѣ же вы? Идите!
Потѣштесь всѣ, кто хочетъ, надо мною!
— Да!...

Все это я стерплю; я не найдусь
Что мнѣ тутъ сдѣлать; вѣдь во мнѣ сидитъ
Печенка голубя—совсѣмъ безъ желчи!
А будь-ка желчь во мнѣ, давнымъ-давно
Я тушею мерзавца напиталъ бы
Всѣхъ здѣшнихъ коршуньевъ. О кровожадный,
Безсовѣстный, развратнѣйшій подлецъ!..
Ну вотъ вамъ! Не осла ли это свойство?
Не подлость-ли? Я, сынъ мнѣ дорогаго,
Предательски убитаго отца,
Я, самый тотъ, кого земля и адъ
Зовутъ къ отмщенью, я, какъ тварь
Продажная, изъ сердца выношу
Одни слова и разсыпаюсь въ глупыхъ
Ругательствахъ, какъ баба площадная,
Какъ судомойка! Гамлетъ, Гамлетъ,

Позоръ и стыдъ тебѣ!
Впередъ, мой мозгъ!
Скорѣй, скорѣе къ дѣлу! Я слыхалъ
Что были случаи, когда преступникъ
Присутствуя въ театрѣ, до того
Сценической игрою поражался,
Что тутъ же оглашалъ свои злодѣйства.
Не выдастъ рѣчью намъ себя убійца,
Такъ и другимъ какимъ-нибудь путемъ
Придетъ къ тому, что на себя покажетъ.
Заставлю же и я своихъ актеровъ
Сыграть при дядѣ подражанье сцены
Убійства моего отца: а самъ
Вопьюсь въ него глазами, въ глубь проникну
Его души, и если я замѣчу
Что содрогнулся онъ, то я ужъ знаю,
Что мнѣ тутъ дѣлать. Можетъ-статься, Духъ,
Что видѣлъ я, Духъ злобы. Говорятъ,
Онъ власть имѣетъ ангеломъ казаться.
Быть можетъ и теперь, надъ слабодушьемъ
И безутѣшностью моей онъ шутитъ
И мнѣ готовить гибель. Надъ такими
Какъ я—онъ силенъ. Мнѣ на это нужно
Побольше доводовъ, и путь къ тому
Я поищу въ предметъ представленья.
Какъ ни хитри Король, а все же я
Минуто уловлю его смущенья!

[Уходитъ]

ДѢЙСТВІЕ III

СЦЕНА I-я. — Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенбранцъ,
и Гильденстернъ.

Кор. Такъ вамъ не удалось изъ разговора
Добиться отъ него, въ чемъ полагаетъ
Онъ самъ причину страшнаго недуга,
Что миръ его душевный возмущаетъ
Такимъ опаснымъ, бѣшеннымъ безумьемъ?

Роз. Онъ сознаетъ и самъ, что сумасбродитъ:
А отъ чего—онъ съ умысломъ молчитъ.

Гильд. Да у него о чемъ-нибудь развѣдать
Не сыщешь средствъ: онъ, съ ловкостью безумья
Такъ и скользитъ изъ рукъ, какъ только хочешь
Его тебѣ заставить поболтаться.

Кор. Онъ ласково васъ принялъ?

Роз. Какъ бываетъ
Въ хорошемъ обществѣ.

Гильд. Съ большимъ, однако,
Стараніемъ себя къ тому принудить.

Роз. Въ вопросахъ былъ онъ сдержанъ, но въ
отвѣтахъ—

Весьма развязенъ.

Королева. Предлагали вы
Ему разсѣяться?

Роз. Да, Королева.

Вчера намъ встрѣтились комедіанты:
Мы рассказали принцу, и какъ-будто
Онъ былъ обрадованъ. Теперь они
Навѣрное въ дворцѣ, и принцъ едва-ли
Имъ не далъ приказанья, въ этотъ вечеръ—
Играть.

Пол. Да, это вѣрно. Онъ-то мнѣ
И поручилъ покорнѣе просить
Величествъ вашихъ, не угодно-ль будетъ
И вамъ пожаловать на представленье.

Кор. Съ охотою. Намъ эта склонность въ немъ
Весьма пріятна. Я просилъ бы васъ,
Друзья, нельзя-ль теперь же постараться
Усилить эту склонность, и развить
Пошире въ немъ охоту къ развлеченьямъ?
Роз. Исполнимъ, Государь.

[*Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ*].

Кор. Дружокъ Гертруда!
Оставь-ка насъ. Тутъ мы секретно
Устроили, что будто невзначай,
Офелію здѣсь Гамлетъ долженъ встрѣтить
Я и отецъ ея теперь надъ ними,
Законные шпионы, — такъ хотимъ
Пристроиться, чтобъ намъ удобно было,
При встрѣчѣ ихъ, незримо находиться,
И глядя по тому, какъ будетъ Гамлетъ
Себя вести, — судить: любовь ли точно
Ввела его въ подобное безумье.

Королева. Я повинуюсь. Для тебя же я,
Офелія, желаю, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ
Благополучною бѣды виною
Была твоя прекрасная наружность;
Тогда-бъ и я довѣрила съ надеждой
Твоимъ достоинствамъ, вернуть его
На прежнюю, обычную дорогу
Для счастья вашего.

Офел. Но дай-то Богъ —
Чтобъ было то возможно, Королева!

[*Королева уходитъ*].

Пол. Ходи-же здѣсь, Офелія! А мы,
Мой милостивый повелитель, съ вами;
Коль вамъ угодно, спрячемтесь.

[*Къ Офеліи*].

Читай

Хоть эту книгу, чтобы видно было
Зачѣмъ ты здѣсь одна. О-охъ, какъ часто
Пришлось бы насъ бранить [а впрочемъ это давно
Доказано], что видомъ благочестья
И добрыхъ дѣлъ, умѣемъ мы подчасъ
Обсахарить и чорта.

Кор. [*съ стороны*]. Какъ это вѣрно!
Какъ больно совѣсти отъ этихъ словъ!
Щека развратницы, подъ размалевкой,
Не столь мерзка передъ своей окраской,
Какъ гнусный мой поступокъ, предъ моей
Цвѣтистой рѣчью! Да, ты тяжело, бремя!

Пол. Его шаги я слышу: поскорѣ
Уйдемте, Государь!

[*Уходитъ съ Королемъ*].

Входитъ Гамлетъ, не замѣчая Офеліи.

Гам. Быть или не быть? — вопросъ весь въ томъ:
Что благороднѣе? Переносить ли
Намъ стрѣлы и удары злополучья —
Или, возстать противъ пучины бѣдствій,
И съ ними, въ часъ борьбы, покончить разомъ?
Вѣдь умереть — уснуть, никакъ не больше;
Уснуть въ сознаньи, что насталъ конецъ
Стенаньямъ сердца, сотнямъ тысячъ золь
Наслѣдованныхъ тѣломъ. Какъ въ душѣ,
Не пожелать такого окончанья?
Да! Умереть — уснуть. Но вѣдь уснуть,
Быть можетъ, грезить? Вотъ, и вѣчно то же
Тутъ затрудненіе: въ этой смѣртной спячкѣ,
Какъ съ насъ спадетъ ярмо земныхъ суетъ,
Какого рода сны намъ сниться могутъ?
Вотъ отъ чего мы медлимъ; вотъ причина,
Что наши бѣдствія столь долговѣчны.
И кто-бы согласился здѣсь терпѣть
Насилье грубое, издѣвки вѣка,
Неправды деспотовъ, презрѣніе гордыхъ,
Тоску отвергнутой любви, законовъ
Бездѣйствіе, судовъ самоуправство
И скромнаго достоинства награду —
Ляганье подлецовъ; когда возможно
Купить себѣ покой однимъ ударомъ?
И кто-бы захотѣлъ здѣсь ношу жизни,
Потѣи и крихты, таскать по свѣту,
Когда-бъ не страхъ чего-то послѣ смерти,
Страхъ стороны невѣдомой, откуда
Изъ странниковъ, никто не возвращался —
Не связывалъ намъ волю, заставляя
Охотнѣе страдать отъ злосудныхъ
Уже извѣстныхъ намъ, чѣмъ устремляться
На встрѣчу тѣмъ, которыхъ мы не знаемъ?
Такъ совѣсть превращаетъ насъ въ трусишекъ.
Рѣшимости естественный румянецъ,
При блѣднолицомъ размышленьи, блѣкнетъ;
Стремленія высокаго значенія,
При встрѣчѣ съ нимъ, сбиваются съ дороги,
И мысли не становятся дѣлами. —
А! Это вы, Офелія? — О нимфа!
Вспомнани грѣхи мои въ молитвахъ.

Офел. Мой добрый принцъ. А какъ здоровье ваше?

Гам. Благодарю, благодарю. Прекрасно.

Офел. Вы, добрый принцъ, мнѣ нѣсколько вещей
На память подарили. Я давно
Сбиралась вамъ ихъ возвратить. Теперь
Прошу васъ, принцъ, возьмите ихъ обратно!

Гам. Э, нѣтъ, то былъ не я! Я — ничего
Вамъ не дарилъ.

Офел. Нѣтъ, принцъ! Вамъ хорошо самимъ извѣстно,

Что вы дарили, и подарки ваши
Такими милыми словами окружали,
Что имъ тогда и нѣ было цѣны.
Благоуханье этихъ словъ исчезло.
Возмите-жъ, принцъ, и самые подарки.
Съ утратой чувствъ и богатѣйшій даръ
Теряетъ цѣну.

Гам. Га га! Такъ это вотъ-что. Честная вы дѣвушка?

Офел. Принцъ!

Гам. И прекрасная?

Офел. Чтѣ вы этимъ хотите сказать, принцъ?

Гам. Да не больше, что если вы честная и прекрасная, то не позволять бы вамъ обращаться съ такими благоухающими разговорами къ красотѣ вашей!

Офел. Но кто же, принцъ, можетъ служить для красоты лучшимъ собесѣдникомъ, какъ не сама честность?

Гам. Да! Оно, пожалуй, такъ, если принимать въ томъ смыслѣ, что могуществу красоты всегда удастся овладѣть честностью, обративъ ее въ подлость гораздо ранѣе, чѣмъ достанется честности уподобить себѣ красоту. Прежде считалось это парадоксомъ; однакожъ недавнее время дало на то доказательства. Когда-то и я любилъ васъ.

Офел. По крайней мѣрѣ, принцъ, вы заставили меня этому повѣрить.

Гам. Такъ напрасно же вы и повѣрили. Добродѣтель никогда не можетъ привиться къ нашему стародавнему пню безъ того, чтобы мы изъ нее не сдѣлали для себя лакомства. Я не любилъ васъ.

Офел. Тѣмъ больше я была обманута!

Гам. Идите-ка въ монастырь. Къ чему вамъ размножать грѣшниковъ? Вотъ и я, какъ будто и хорошій человекъ, а могъ бы обвинить себя въ такихъ вещахъ, что и моей матери было бы лучше не рождать меня. Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ; за спиной у меня навьючено такъ много преступнаго, что и понятію не вмѣстить, и воображенію не представить, и времени не осуществить всего. И къ чему это на свѣтѣ, между землею и небомъ, копошатся такіе негодяи, какъ я? И всѣ-то мы огъявленные бездѣльники. Не вѣрному изъ насъ. А гдѣ твой отецъ?

Офел. Дома, принцъ.

Гам. Ну, такъ запи за нимъ дверь, чтобы онъ разыгрывать дурака только у себя дома.

Офел. О, помоги ему, милосердый Господь!

Гам. А пойдешь замужъ, то вмѣсто приданого, я нашлаю на тебя вотъ какое злополучіе: будь ты цѣломудренна какъ ледъ и чиста какъ снѣгъ, а все таки не убѣжать тебѣ отъ клеветы. Ступай въ монастырь. Прощай. Или, если уже для тебя такъ необходимо замужество, то выходи за дурака: потому что умные слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Въ монастырь, въ монастырь иди, да поскорѣе. Прощай.

Офел. Исцѣлите его, силы небесныя!

Гам. Э! Наслушался я этихъ вашихъ нѣжностей; вдоволь наслушался. Богъ далъ вамъ красоту, и вы выдумываете себѣ другую: подпрыгиваете, переваливаетесь съ ноги на ногу, пришепётываете и одурачиваете Божьихъ созданій, выдавая свои вызывающіе поступки за невѣденіе. Поди, не хочу я больше этого! Оно-то и свело меня съ ума. Говорять тебѣ, не нужно супружества. Кто успѣлъ жениться, пусть живетъ, кромѣ одного; остальные же пускай остаются, какъ были. Въ монастырь, въ монастырь иди.

[Уходитъ].

Офел. Какой великій въ немъ низвержень духъ! Разборчивость придворнаго, языкъ Оратора и война отвага;
Надежда Даніи и украшенье,
Портретъ приличій, образецъ всѣхъ формъ,
Всѣмъ наблюдателямъ предметъ для наблюденія —
И все погибло, всё! И чтѣ же? Я,
Жалчайшая, слабѣйшая изъ женщинъ,
Та самая, чтѣ жадно упивалась
Гармоніей его признаній сладкихъ —
Должна смотрѣть, какъ этотъ благородный,
Могучій умъ, съ самимъ собой въ разладѣ,
Какъ колокольчиковъ разбитая игра,
Звучить въ рѣчахъ бессмысленно и грубо!
— Смотрѣть, какъ несравненный этотъ образъ
И юностью цвѣтущія черты —
Искажены безуміемъ! о горе мнѣ!
Да! горе мнѣ видать, чтѣ я видала,
И горе видѣть, чтѣ теперь я вижу!

Входитъ Король и Полоній.

Король.

Любовь?

Нѣтъ, не къ любви его стремятся чувства!
И чтѣ онъ говоритъ, хоть и безсвязно,
А все же на безумье не походить.
Въ душѣ его есть что-то, въ чемъ вгнѣздилась
Вся эта дурь, и въ правѣ я бояться —
Не высидѣть бы ей какой бѣды.

И мы, чтобъ отвратить ее, рѣшились,
 Не медля, принца въ Англію отправить
 Для полученія позабытой дани.
 Быть-можетъ море, перемѣна мѣста,
 И новые предметы наблюденія
 Изгоняютъ это «нѣчто», чтб засѣло
 Въ его душѣ, и до того вскружило
 Мозги его работой, что не сталъ онъ
 Самъ на себя похожимъ. Какъ объ этомъ
 Ты думаешь?

Полоній.

Я думаю, что это

Прекрасно будетъ: только на своемъ
 Стою я, что начало и источникъ
 Прискорбной этой умственной болѣзни,
 Родились отъ отверженной любви.
 Ну чтб, Офелія? Тебѣ не нужно
 Намъ повторять тутъ Гамлетовы рѣчи;
 Мы ихъ ужъ слышали. Вы, Государь,
 Извольте дѣйствовать, какъ вамъ угодно;
 Однакожъ, еслибъ вы сочли то нужнымъ,
 Дозвольте, чтобы послѣ представленія,
 Съ нимъ съ глазу-на-глазъ, Королева-мать
 Его бы попросила ей открыться
 Въ его сердечной скорби. Пусть она
 Вопросъ ему поставитъ прямо: я же,
 Коль вы желаете, такъ помѣшусь,
 Чтб разговоръ ихъ могъ быть слышенъ. Если
 Онъ ничего не выскажетъ, тогда
 Его, пожалуй, въ Англію ушлите,
 Иль въ мѣсто заключенія, куда
 За лучшее признаетъ ваша мудрость,

Король. Пусть будетъ такъ: безумью сильныхъ
 міра

Нельзя же оставаться безъ присмотра.

[*Уходитъ*].

СЦЕНА II-я. — *Зала тамъ же.*

Входятъ Гамлетъ и нѣсколько актеровъ.

Гам. Проговори-же тогда, пожалуйста, монологъ, какъ я прочиталъ его тебѣ, не мѣшая словами. Да вотъ еще: если ты начнешь, подобно многимъ изъ вашей братии, выкрикивать, то я столь же охотно согласился бы дать прочесть мои стихи городскому оцѣнщику. Да не пили ты мнѣ, пожалуйста, черезъ чуръ руками по воздуху, — вотъ такъ, — но всѣмъ пользуйся съ разборчивостью, чтобы даже посреди самого стремени, самой бури, самого — такъ сказать — циклона твоей страсти, не выдти тебѣ изъ границъ смягчающей умѣренности.

Да! Меня, бывало, такъ и хватаетъ за сердце, когда какой-нибудь здоровенный да головастый дѣтина, въ огромномъ парикѣ, примется рвать на мелкія клочья единый, цѣльный порывъ страсти, и это только ради лучшаго для себя удобства сокрушать уши у посѣтителей партера, большинство которыхъ рѣшительно ничего больше не въ состояніи понять, кромѣ неудобно-изобразимаго словами кривлянья да крика. Такъ-бы вотъ и отдулъ этакого болвана, чтобы впередъ онъ не корчилъ изъ себя Термагантовъ, и не иродствовалъ пуще Ирода.

Пожалуста, избѣгайте этого.

1-й Актеръ. За себя я ручаюсь, ваша честь.

Гам. Не будь также уже слишкомъ вялъ, и постоянно руководствуйся собственнымъ сужденіемъ; согласуй дѣйствіе съ словомъ, слово — съ дѣйствіемъ, и въ особенности наблюдай за собою, чтобы тебѣ въ чемъ-нибудь не нарушить естественной простоты: потому что всякаго рода пересаливанье прямо противорѣчитъ цѣли сценическаго искусства, которое отъ начала и до нашего времени было, есть и будетъ служить для насъ зеркаломъ человѣческой природы, отражать передъ добродѣтелью ея собственныя черты, передъ порокомъ — его собственный образъ, и передъ каждымъ возрастомъ, какъ живымъ воплощеніемъ времени — его собственный видъ и отпечатокъ. Все это, преувеличенное, либо недоразвитое, хотя бы и удовлетворяло неучей, не можетъ не оскорблять вкуса людей, понимающихъ дѣло: а сужденіе и одного изъ этихъ должно имѣть для вашего сознанія больше вѣса, чѣмъ мнѣніе цѣлаго, биткомъ набитаго амфитеатра. Бываютъ же вѣдь актеры — и мнѣ самому не разъ случалось видѣть игру ихъ — которыхъ иные цѣнятъ и очень высоко, но которые, безъ преувеличенія, ни по-христіански, ни по-язычески, или, говоря вообще, даже просто по-человѣчески не умѣютъ ни говорить, ни двигаться. Они до того ломаются и такъ режутъ, что мнѣ иногда приходило въ голову: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не сотворилъ ли ихъ кто-нибудь изъ чернорабочихъ-то у природы, да и сотворилъ прескверно, — до того отвратительно корчили они изъ себя человѣчество.

1-й Актеръ. Мы, надѣюсь, достаточно-таки поотстали отъ этого.

Гам. И совсѣмъ отстаньте. Да не позволяйте еще, занимающимъ у васъ комическія роли, говорить болѣе того, что для нихъ написано: потому что нѣкоторые изъ нихъ не прочь даже и сами захохотать, лишь бы возбудить смѣхъ въ

толпѣ идіотовъ, когда, быть можетъ, въ самую эту минуту — совершается въ пьесѣ что-нибудь такое, чему слѣдуетъ быть замѣчену. Это — подло и, прежде всего, говоритъ о жалкомъ тщеславіи дурака, на это способнаго. Ступайте же, готовьтесь.

[Актёры уходятъ].

Входятъ Полоній, Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Что скажете, Милордъ? Угодно ли будетъ королю полюбоваться на наше представленье?

Полоній. Также и королевѣ, и сейчасъ же.

Гам. Такъ-поторопите же актёровъ. [*Полоній уходитъ*] Не угодно ли будетъ и вамъ обоимъ, вмѣстѣ съ нимъ же, поторопить ихъ?

[*Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ*].

Гораціо! Гдѣ же ты?

Входитъ Гораціо.

Гор. Здѣсь я, дорогой мой принцъ.

Гам. Гораціо! изъ числа всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ случалось сходитьсь, я никого не находилъ правдивѣ тебя.

Гор. О, любезный принцъ!

Гам. Ты не подумай, другъ, чтобъ я хотѣлъ польстить тебѣ: какихъ великихъ благъ мнѣ отъ тебя надѣяться? Богатствомъ Ты не богатъ, и твой лишь умъ природный Даетъ тебѣ и пищу, и одежду.

Къ чему мнѣ льстить такому бѣдняку?

Нѣтъ, другъ! Языкъ медоточивый

У глупой роскоши пусть лижетъ руки,

А гибкія колѣни — тамъ лишь гнутся,

Гдѣ милости даютъ за это. Понимаешь?

Я дорожу собою; а все же я,

Съ тѣхъ поръ, какъ независимъ сталъ мой выборъ

И научился я распознавать людей,

Запечатлѣлъ тебя избранникомъ своимъ.

Ты все терпѣлъ — и сталъ неуязвимъ

Для злополучья; ты равно спокойно

Встрѣчалъ щелчки и милости Фортуны;

И будь благословенъ — въ комъ пылкость крови

Настолько умѣряется разсудкомъ,

Чтобы не быть ему въ рукахъ судьбы

Дрянною дудкой, на которой можетъ

Она играть всегда, что ни захочетъ.

Найди еще, такого человѣка,

Чтобъ не былъ онъ рабомъ страстей, и я

Его на днѣ души моей сокрою,

И въ сердце сердца заключу его,

Какъ и тебя. Теперь оставимъ это.

Сегодня вечеромъ у насъ играютъ При королѣ: одна изъ сценъ подходитъ, По содержанію, къ тому разсказу, Что я передавалъ тебѣ недавно

О смерти моего отца. Какъ только

Начнется эта сцена, я прошу,

Чтобъ весь ты превратился въ наблюденье

За дядею моимъ: и если тайна

Его преступная, въ игрѣ не встрѣтитъ

Себѣ улики и себя не выдастъ, —

То призракъ, нами видѣнный, былъ демонъ,

А съ тѣмъ, и всѣ мои предположенья,

Грязнѣ были кузницы Вулкана.

Прошу: внимательно смотри за дядей!

Я также, глазъ съ него не отведу,

И послѣ, вмѣстѣ мы съ тобою разсудимъ,

Чѣмъ онъ себя окажетъ.

Гор. Я готовъ!

И если что, во время представленья

Онъ у меня украдетъ, за пропажу

Отвѣтчикъ — я!

Гам. Слышишь — они идутъ: мнѣ должно опять прикидываться безумнымъ. Займи же для себя мѣсто.

[*Датскій маршъ, трубы*].

Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденстернъ и проч.

Кор. Какъ поживаетъ нашъ племянникъ, Гамлетъ?

Гам. Превосходно, — клянусь же вамъ! Сижу на пищѣ хамелеона и питаюсь воздухомъ, наполненнымъ обѣщаніями. А вотъ вамъ, пожалуй, не откормить этимъ и каплуновъ вашихъ!

Кор. Такой отвѣтъ, Гамлетъ, для меня не имѣетъ смысла: такого рода слова — не мои.

Гам. Нѣтъ? Такъ-они ужъ и не мои теперь. [*Обращаясь къ Полонію*] Милордъ! Вы говорите, что когда-то игравали въ университетъ?

Пол. Такъ точно, принцъ, и даже считался хорошимъ актёромъ.

Гам. А какое лицо вы собою изображали?

Пол. Изображалъ я собою, принцъ, Юлія Кесаря: я былъ убитъ въ Капитоліи; Брутъ убилъ меня.

Гам. Ну, это было съ его стороны уже черезъ чуръ брутально — убитъ въ Капитоліи такого капитальнаго теленка. Готовы ли актёры?

Роз. Готовы, принцъ; они только и ожидаютъ вашего приказа.

Королева. Подойди сюда, мой дорогой Гамлетъ; сидь подлѣ меня.

Гам. Н... но, милая матушка! Здѣсь есть металлъ попризвлекательнѣе васъ.

Пол. [Королю] Ого? Примѣчайте вы это?

Гам. [ложась у ногъ Офеліи] А что, леди, можно мнѣ лечь къ вамъ на колѣни?

Офел. Нѣтъ, принцъ.

Гам. То есть, прислониться головою къ вашимъ колѣнямъ?

Офел. Можно, принцъ.

Гам. А вы-то подумали, что я разыграю съ вами неуча?

Офел. Я ничего не подумала, принцъ.

Гам. А вѣдь мысль-то сама по-себѣ хорошая, полежать на колѣняхъ у дѣвушки.

Офел. Что такое, принцъ?

Гам. Да ничего же!

Офел. Сегодня вы въ веселомъ настроеніи, принцъ.

Гам. Кто? я-то?

Офел. Да, вы, принцъ!

Гам. О, Богъ мой! да вѣдь это я только вашъ, вашъ забавникъ. А впрочемъ, чтѣ же и останется человѣку дѣлать на свѣтѣ, какъ не дурачиться? Вонъ, посмотрите, какою веселенькою выглядитъ мать моя: а отецъ мой умеръ у нея всего только два часа.

Офел. Вдвое больше, чѣмъ два мѣсяца, принцъ!

Гам. Такъ много? Э, нѣтъ же, пусть только одинъ чортъ ходитъ въ траурѣ, а я непременно наряжусь въ соболя. О Господи! Цѣлыхъ два мѣсяца какъ ужъ умеръ, и не позабыть? Стало, можно надѣяться, что память о великомъ человѣкѣ переживетъ его, по крайней мѣрѣ, на полгода; но только для этого, клянусь Пресвятою Дѣвою, все-таки ему нужно прежде понастроить церквей: не то и его позабудутъ, не плоше чучела майскаго конька, о которомъ поется:

„Ахъ, ахъ, схоронили!

Схоронили—позабыли“.

[Трубы. — Мимическое представленіе].

Входятъ театральные Король и Королева, съ выраженіями взаимной любви: они обнимаются. Королева становится передъ Королемъ на колѣни, и въ чемъ-то ему клянется. Онъ поднимаетъ ее и склоняетъ къ ней голову на плечо; потомъ ложится на дерновую скамью. Королева, убѣдившись что онъ заснулъ, удаляется. Тогда входитъ другое лицо: беретъ себѣ его корону, цѣлуетъ ее и, вливъ ядъ въ ухо спящему Королю, уходитъ. Королева же, возвратившись и найдя Короля уже умершимъ, показываетъ знаки страшнаго отчаянія. Оравитель снова приходитъ съ двумя или тремя лицами, и дѣлаетъ видъ, что раздѣляетъ горе Королевы. Тѣло умершаго Короля уносятъ. Тогда оравитель предлагаетъ

Королеву подарки, а съ ними и свои обѣты; сначала она высказываетъ передъ нимъ свое отвращеніе и несогласіе, но потомъ—склоняется на его любовь.

Офел. Что же это значить, принцъ?

Гам. Что значить-то? Это значить, что убиваютъ изъ-за угла; это значить—преступленіе.

Офел. Вѣроятно, въ этой мимикѣ и заключается содержаніе пьесы?

Входитъ Прологъ.

Гам. А вотъ-мы сейчасъ обо всемъ узнаемъ отъ этого молодца; актеры вѣдь не умѣютъ хранить тайны: какъ разъ ее выдадутъ.

Офел. Объяснитъ-ли онъ намъ содержаніе пантомимы?

Гам. О да, конечно: даже и всякой другой, какую вы ему покажете. Не стыдитесь только показывать; а ужъ онъ-то не постыдится сказать вамъ, что оно такое.

Офел. Вы злой, злой. Лучше ужъ буду я смотрѣть пьесу.

Прол. „Для насъ, и нашего представленья,
Просимъ вашего снисхожденія,
И не потеряйте терпѣнья“.

Гам. Что же это такое: прологъ, или стишокъ съ какого-нибудь колечка?

Офел. Что-то слишкомъ коротко, принцъ.

Гам. Точь-въ-точь, какъ любовь женщины.

Входитъ театральный король, Гонзаго,
и театральная королева, Батиста.

Гонз. На колесницѣ фебъ тридцатую чредой
Обтѣкъ солёнаго моря и кругъ земной,
И ровно тридцать разъ, съ заёмными лучами
Дѣвѣнадцать полныхъ лунъ смѣнились надъ нами
Съ тѣхъ поръ, какъ сопрягли, святѣйшей изъ
связей,
Любовь у насъ—сердца, а руки—Гименей.

Бат. Хотя-бъ они еще такой же путь свершили,
Мы-бъ и тогда любовь другъ къ другу сохранили.
Но горѣ, горе мнѣ! Недугомъ удрученъ,
Грустнѣй ты и грустнѣй, слабѣешь съ каждымъ
днемъ:

Невольню я страшусь... но сердца опасенье
Да не введетъ тебя, властитель мой, въ сомнѣнье;
Со страхомъ женщины—равна ея любовь:
Всегда они вдвоемъ у ней волнуютъ кровь.
Ты знаешь самъ, что я люблю тебя, какъ Бога:
Пойми же, какъ сильна души моей тревога!
Въ объятіяхъ любви бездѣлка насъ страшить...
Гдѣ страхъ за милого—тамъ и любовь царить.

Гон. А все же намъ близка разлука, другъ мой милый!

Мнѣ ужъ недолго жить; мои слабѣютъ силы.
Въ прекрасномъ мірѣ ты останешься одна,
Предметъ всѣхъ почестей, толпой окружена,
И новый твой супругъ...

Бат. О, замолчи, жестокий!
Тѣ было-бы во мнѣ измѣною глубокой:
Пусть скажется тогда проклятье надо мной!

И можетъ — къ лучшему случается, порой,
Объты нарушать передъ самимъ собой.
На клятвы щедры мы въ минуту увлеченья;
Когда-жъ минуетъ страсть, въ нихъ нѣтъ ужъ и
значенья;

И радость, и печаль въ стремленіи своемъ,
Что ни задумаемъ, все ставятъ къ верху дномъ.
Пусть радость веселитъ, а горе удручаетъ,
Ничтожнѣйшій предлогъ все это измѣняетъ;

Гамл. Что это онъ? Вѣрно, подумалъ, пожаръ?

Дѣйст. III. Сцена II.

Лишь мужа погубя, возможенъ бракъ другой.

Гам. [въ сторону]. Эти слова — полынъ.

Бат. [продолжаетъ]. Вторичный бракъ — однихъ
расчетовъ дѣло:

Не жди, чтобы въ немъ страсть когда-нибудь горѣла.
Коль женщина-вдова отдастъ кому любовь,
То мужа прежняго тѣмъ убиваетъ вновь.

Гон. Я вѣрю — ты теперь со мной чистосердечна;
Но сила помысловъ всегда недолговѣчна,
И памяти они — невольные рабы,
Съ рожденья — бодрые, а съ возрастомъ — больны.
Упрямо держится на вѣткѣ плодъ неспѣлый,
Но съ вѣтки самъ собой валится перезрѣлый;

Ничто не вѣчно здѣсь: кого же и винить,
Коль друга прежняго пришлось бы позабыть?
Лишь опытъ дать отвѣтъ: любовь ли за судьбою,
Иль за судьбой любовь должна идти рабою.
Умреть Величество — сбѣжить любимцевъ рой:
Возвысится бѣднякъ — льстецы за нимъ толпой;
Привязанность сердецъ всегда съ фортуной въ
дружбѣ,

И много тамъ друзей, гдѣ незнакомы нужды.
Но испытай друзей, когда придетъ нужда,
То друга не найдешь, а развѣ лишь врага.
И вотъ къ какому мы приходимъ заключенью:
Судьба кладезь предѣлъ здѣсь каждому стремленью,

И наши помыслы — подвижны, какъ вода;
Владѣмъ мыслью мы, концомъ же — никогда;
Ты мыслишь не имѣть уже втораго друга:
Но эта-жъ мысль умереть со смертію супруга.

Бат. Пусть хлѣба я лишусь... свѣтъ удалится
прочь...

Не дать мнѣ счастья день, не дать покоя ночь;
Пушай отчаянье смѣнить мнѣ упованье,
Пусть жизнь отшельницы одна веду въ изгнаньи,
Пусть все, чѣмъ радости мрачится ясный взоръ,
Мои желаніямъ идетъ наперекоръ
И мука вѣчная свершится надо мною,
Коль сдѣлавшись вдовой, вновь сдѣлаюсь женою!

Гам. [къ *Офелии*]. А что если она нарушитъ
клятву?

Гон. Ты страшно поклялась. Теперь оставь
меня:

Я утомился, другъ, и сномъ хотѣлъ бы я
День долгій сократить.

[*Засыпаетъ*].

Бат. Пусть сонъ тебя ласкаетъ,
И горе насъ съ тобой касаться не дерзаетъ!

[*Уходитъ*].

Гам. [къ *Королеву*]. Нравится ли вамъ, госуда-
рыня, эта пьеса?

Гор. Мнѣ кажется, что госпожа эта уже слиш-
комъ много надавала обѣщаній.

Гам. О, да вѣдь она-же ихъ сдержитъ!

Кор. Просматривалъ ли ты, Гамлетъ, содер-
жаніе пьесы? Нѣтъ ли въ ней чего преступнаго?

Гам. Нѣтъ, нѣтъ, это только шутка! Отравля-
ютъ ради шутки: преступленія же — ни малѣйшаго.

Кор. А какъ называется пьеса?

Гам. «Мышеловка». Вы спросите: почему?
Да въ переносномъ значеніи. Пьеса воспроизводитъ
убійство, случившееся въ Вѣнѣ. Имя герцога —
Гонзаго, а жены его — Батиста. Вы сейчасъ сами
увидите — чертовская это штука! — Да вамъ-то
чтожь до этого? Совѣсть вашего величества,
какъ и всѣхъ насъ, тутъ ровно не при чемъ; до
насъ это и не касается. Какъ ни лягайся ободран-
ная кляча, а у насъ съ вами спина все-таки
здоровехонька.

[*Входитъ Луціанъ*].

Вотъ это Луціанъ, королевскій племянникъ.

Офел. Вы рассказываете не хуже Хора, принцъ.

Гам. О, я могъ бы служить посредникомъ между
вами и вашимъ обожателемъ, если бы только мнѣ
случилось увидать эту вашу кукольную съ нимъ
комедію.

Офел. Вы становитесь колки, принцъ, очень
колки.

Гам. Помилуйте! Вамъ только стоить вздохнуть —
и все колкое у меня притупится!

Офел. Часъ-отъ часу не легче.

Гам. Этимъ же самымъ выраженіемъ вамъ при-
дется посчитаться съ вашимъ супругомъ. Да на-
чинай же, убійца! Брось ты всѣ свои проклятыя
кривлянья! Начинай же, говорю! Впередъ!

„Крикъ ворона вызываетъ объ отмщеніи!“

Луц. Въ душѣ моей темно. И руки здѣсь, и ядъ;
Благопріятенъ часъ — ничей не видитъ взглядъ.
Сокъ травъ губительныхъ, въ часъ ночи прине-
сенныхъ,

Гекатой проклятыхъ, трижды зараженныхъ,
Зловредной силою природныхъ свойствъ твоихъ —
Здоровой жизни нить прерви ты въ этотъ мигъ!

[*Выливаетъ ядъ уснувшему въ ухо*]

Гам. Онъ отравляетъ его въ саду, чтобы за-
владѣть его короной. Имя его — Гонзаго. Повѣсть
о немъ сохранилась и прекрасно написана по
итальянски. Сейчасъ увидите, какимъ-образомъ
убійца овладѣлъ сердцемъ вдовы Гонзаго.

Офел. Король встаетъ!

Гам. Что это онъ? Вѣрно подумалъ — пожаръ?

Королева [въ испугѣ]. Что съ вами, государь?

Пол. Прекратите представленіе.

Кор. Посвѣтите же мнѣ: уйдемте!

Пол. Огня, огня, огня!

[*Всѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Горацио*]

Гам. Пусть хнычетъ раненный олень;
Нераненный — пускай смѣется!
Кто ночь не спитъ, кто спитъ и день.
И все на свѣтѣ такъ ведется!

Не правда ли, другъ, что если бы остатокъ
моей фортуны вздумалъ выкинуть со мною какую-
нибудь скверную штуку потурецки, то этакой
куплетецъ, съ придачею къ шляпѣ добраго пучка
перьевъ, а къ высокимъ башмакамъ — пары розе-
токъ въ видѣ провансальскихъ розъ, могъ бы и
для меня очистить мѣсто въ любой труппѣ коме-
діантовъ?

Гор. На половинную долю — да.

Гам. На полную, увѣряю тебя. Потому что —

Ты знаешь, милый мой Дамонъ:
Юпитеръ этимъ царствомъ правилъ,
А онъ теперь его оставилъ;
Кому-жь? Прямому иудю!

Гор. Тутъ слѣдовало бы срифмовать.

Гам. Да, да, добрый Гораціо! Теперь за каждое слово Духа, я согласенъ жертвовать по тысячѣ червонцевъ! Замѣтилъ ты?

Гор. Какъ-нельзя лучше, принцъ!

Гам. Только-что заговорили объ отравленіи...

Гор. Нельзя было не замѣтить.

Гам. Га, хорошо, хорошо! Давайте музыкантовъ. Флейты впередъ! потому что,

Когда Король комедіи не любитъ, —

Тогда — вѣрь Богу — онъ ее не любитъ!

Гходятъ Розенгравъ и Гильденстернъ.

Да нуте-жь, музыку сюда, музыку!

Гильд. Все это такъ, принцъ; но дозвольте прежде сказать вамъ нѣсколько словъ!

Гам. Если хочешь, хоть цѣлую исторію!

Гильд. Его величество...

Гам. Да! Что съ нимъ?

Гильд. Онъ удалился въ свои покои необыкновенно разстроеннымъ.

Гам. Отъ водки?

Гильд. Нѣтъ принцъ, — отъ желчи!

Гам. Ваша мудрость оказалась бы сообразительнѣе, еслибы сообщила объ этомъ доктору. Что-жь касается до меня, то еслибы уже мнѣ пришлось лечить его, то, пожалуй, тогда желчь разыгралась бы у него и того хуже.

Гильд. Такъ, принцъ; но только нельзя ли вамъ сколько-нибудь привести слова ваши въ должный порядокъ, а не отскакивать такъ упрямо отъ предмета разговора.

Гам. О, милостивый мой господинъ, вы удружили меня. Извольте же говорить!

Гильд. Королева, мать ваша, страшно огорчена и послала меня къ вамъ.

Гам. Что-жь? Милости просимъ!

Гильд. Осмѣлюсь и я доложить собственно «вашей милости», что это привѣтствованіе едва ли теперь у мѣста. Угодно вамъ будетъ дать мнѣ какой-нибудь отъ себя отвѣтъ, тогда я буду считать порученіе вашей матери исполненнымъ; если же не угодно, то мнѣ только и остается возможность покончить это дѣло просьбою извинить меня, и дозволить мнѣ удалиться.

Гам. Господинъ, господинъ! Да вѣдь я же право не могу!

Гильд. Что такое, принцъ?

Гам. Не могу дать вамъ добропорядочнаго отвѣта. Вѣдь у меня поврежденіе въ умѣ. Впрочемъ и тотъ отвѣтъ, который я теперь въ состояніи дать вамъ — къ вашимъ услугамъ; или же — относясь точнѣе къ смыслу словъ вашихъ — къ

услугамъ моей матери. А только теперь ужъ смотрите — ни слова лишняго! Къ дѣлу, къ дѣлу. Моя мать, говорите вы...

Гильд. Вотъ-что говорить она: она говоритъ, что поступки ваши какъ нельзя больше огорчили и изумили ее!

Гам. Необыкновенный тотъ сынъ, который могъ бы удивить мать свою. Однако скажите, не слѣдуетъ ли по пятамъ за удивленіемъ матери, еще что нибудь такое? Удостоите сообщить.

Гильд. Она желаетъ, прежде чѣмъ вы пойдете почивать, поговорить съ вами у себя въ комнатѣ.

Гам. И мы окажемъ ей столько же повинovenія, какъ будто бы она десять разъ была нашею матерью. Имѣете вы что-нибудь еще сообщить намъ?

Гильд. Принцъ! Вы когда-то любили меня.

Гам. И теперь люблю, — клянусь [показывая на свои пальцы] вотъ этими карманными и воришками.

Гильд. Что же такое могло такъ разстроить васъ, дорогой мой принцъ? Вѣрнѣе всего, что скрывая такимъ образомъ отъ друзей вашихъ причины вашего неудовольствія, вы, наконецъ, добьетесь до того, что сами-же замкнете за собою собственную вашу свободу.

Гам. Да вотъ что, мой любезнѣйшій! Мнѣ очень хотѣлось бы повышенія.

Гильд. Можетъ-ли это быть, принцъ, когда уже и самъ король обѣщалъ сдѣлать васъ наслѣдникомъ Датскаго престола?

Гам. Это такъ, мой милѣйшій, но только-что «покажѣсть бѣлкѣ дадутъ орѣховъ...» Стародавняя эта поговорка даже и заплѣсневѣла.

Входятъ музыканты съ флейтами.

А, вотъ и наши флейтисты. Покажите мнѣ сюда флейту. [Гильденстерну] Послушайте, вы, однакожъ! Вѣдь мнѣ съ вами же надобно идти; такъ для чего же вы становитесь мнѣ поперѣгъ дороги, какъ будто-бы загоняли меня въ тенѣта?

Гильд. О, принцъ! Если вы мою обязанность находите слишкомъ дерзкою, то назовите, пожалуйста, такую же и любовь мою.

Гам. Для меня это, что-то несомнѣнно понятно. Не сыграете ли вы что-нибудь на этой флейтѣ?

Гильд. Не могу, принцъ.

Гам. Пожалуста.

Гильд. Увѣряю же васъ, что не могу.

Гам. Ну, да сдѣлай же одолженіе!

Гильд. Да я и не знаю какъ за нее взяться, принцъ!

Гам. А вѣдь это такъ же нетрудно, какъ и лгать. Пошевеливай только своими пальцами надъ этими

дырочками, а вотъ-эту заставъ заиграть посредствомъ твоего же дыханія, и тогда инструментъ откликнется тебѣ чудо какою выразительною музыкою. Вѣдь тутъ — только и всего.

Гильд. И всё-таки, принцъ, при моемъ неумѣннѣ, изъ этого ничего не выйдетъ.

Гам. Ну, такъ смотри же самъ, за какое ничтожество ты принимаешь меня! Тебѣ захотѣлось поиграть на душѣ моей и ты вообразилъ, что умѣешь за это взяться, и, изъ моего же сердца, усиливаешься вырвать мою тайну, — хочешь распоряжаться всѣми звуками моего душевнаго регистра отъ нижней ноты до верхней, а между тѣмъ и изъ такой маленькой вещицы, несмотря на ея чудный тонъ и пѣвучесть, не умѣешь извлечь ни одного опредѣленнаго звука? Неужели же ты полагаешь, чортъ возьми, что я легче поддамся игрѣ твоей, чѣмъ эта дудка? Называй меня инструментомъ, какимъ тебѣ угодно, — ты только можешь разстроить меня: но играть на мнѣ — не можешь! [*Увидя входящаго Полонія*] Да благословить васъ Господь, милостивый государь.

Пол. Принцъ! Королева желаетъ поговорить съ вами, и сейчасъ же.

Гам. Видите ли вы, милостивый государь, вонъ то облако, представляющее собою такое поразительное сходство съ верблюдомъ?

Пол. И въ самомъ дѣлѣ! Хотѣ побожиться — точь-въ-точь верблюдъ!

Гам. А впрочемъ... не похоже ли оно на ластку?

Пол. Со спины — дѣйствительно на ластку!

Гам. Или на кита?

Пол. Очень, очень похоже на кита!

Гам. Ну-такъ я же сейчасъ пойду къ моей матери. [*Въ сторону*] Съ ними и въ самомъ дѣлѣ задурачишься. [*Громко*] Сейчасъ, сейчасъ приду. [*Полоній уходитъ*] Выговорить «сейчасъ» конечно не трудно. Друзья! оставьте меня одного.

[*Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ*].

Вотъ настоящій часъ для чаръ полночныхъ,
Когда могилы раскрываютъ пасть
И адъ на Божій мѣръ заразой дышетъ,
Такъ-вотъ, теперь и я бы могъ упиться
Горячей кровью, и дѣла такіа
Свершить, что грустный день, ихъ увидавши,
Еще бы сталъ блѣднѣе. Но — терпѣнѣе!
И къ матери сейчасъ. Не позабудь же,
Мое ты сердце, чувствъ тебѣ врожденныхъ,
И не пускай взойти въ себя душѣ Нерона!
Пусть буду я жестокъ, но не нарушу

Природы — матери благихъ законовъ;
Пусть служатъ мнѣ кинжалами — слова,
Но до кинжала не коснусь рукою,
И пусть уже, языкъ мой остается
Предъ матерью, съ душой моей въ разладѣ, —
Да не дерзну осуществлять на дѣлѣ
Что будетъ грознаго въ моихъ рѣчахъ!

[*Уходитъ*].

СЦЕНА III-я. — Комната тамъ же.

Входятъ Коголь, Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Кор. Я не доволенъ имъ. Не безопасно для насъ самихъ давать еще поблажку Его безумнымъ выходкамъ. И вы Немедленно собирайтесь. Я депешу Сейчасъ же приготовлю. Съ вами онъ Поѣдетъ въ Англію. Соображенья О пользахъ государства не даютъ Намъ права близко такъ себя держать Къ случайностямъ, что съ каждымъ днемъ нелегче Приносить намъ съ собой его безумье.

Гильд. Мы, государь, исполнить вашу волю Всегда готовы, и служить къ охранѣ Спокойствія народа, что подъ вашей Заботой королевской пребываю Живетъ и трудится, — нашъ первый долгъ!

Роз. При томъ и каждый частный гражданинъ Вполнѣ владѣетъ правомъ защищаться Всей силою и ловкостью ума Противъ опасностей, тѣмъ паче тотъ, Съ судьбой котораго, такъ много жизней Находятся въ зависимой связи. Прейдетъ величество — и съ нимъ другіе Должны погибнуть вмѣстѣ. Какъ пучина, Оно влечетъ на вѣрную погибель Всѣ, что къ нему тогда держалось близко. Громадному подобно колесу, Оно, свергаясь внизъ, въ паденіи шумномъ Уноситъ тысячи предметовъ мелкихъ, Придѣланныхъ къ его могучимъ спицамъ, Готовя общее имъ разрушеніе! И не бываетъ вздоха государя, Который въ тотъ же мигъ, въ народныхъ массахъ, Не отразился бы стеваніемъ народнымъ.

Кор. Я васъ прошу готовиться поспѣшнѣй. Мы страху слишкомъ ужъ давали волю; Теперь его въ оковы заключимъ.

Роз. и Гильд. Мы поторопимся.

[*Уходятъ* Розенкранцъ и Гильденстернъ].

Входитъ Полоній.

Пол. Онь, государь,
Сейчасъ пошелъ въ покои королевы.
Искусно въ нихъ я за коврами спрячусь,
И все услышу. Я порукой вамъ,
Что отъ нея теперь ему порядкомъ
Достанется. Но какъ вы говорили, —
И это сказано умно, — тутъ надо
Помимо матери, которой сердцу
Пристрастие къ сыну болѣе чѣмъ сродно,
При встрѣчѣ ихъ, быть третьему лицу,
Чтобъ разговоры ихъ незримымъ слышать.
Такъ-съ вами я прошусь, мой повелитель!
Но прежде, чѣмъ пойдете почивать,
Я къ вамъ явлюсь, подробно рассказать
О чемъ узнаю.

Кор. И за все спасибо
Вамъ, дорогой нашъ другъ!

[Полоній уходитъ.]

О, какъ же гнусно

Мое злодѣйство! Смрадь его восходить
До неба и несть съ собой проклятье
Старѣйшаго и перваго убійства —
Убійства братняго! Нѣтъ силъ молиться,
Когда молиться нужно, и молитвъ
Мучительно я жажду! Только воля
Во мнѣ слабѣй, чѣмъ сила преступленья;
И я, какъ человѣкъ, которой связанъ
Двойнымъ урокомъ, остаюсь въ раздумьи,
Не зная за который прежде взяться,
И упуская время! Точно-ль важно,
Что чья-то-тамъ проклятая рука
Покрыта слоємъ крови, толще
Себя самой? Иль у благихъ небесъ,
Чтобъ убѣлить ее бѣлѣе снѣга,
Не станетъ горнихъ водъ? Къ чему же тамъ
И Милосердіе, когда оно не можетъ
Лицомъ къ лицу съ преступникомъ встрѣчаться?
Да и молитва, не двойная ль сила,
Что насъ отвлечь стремится отъ грѣха.
Покаместъ мы въ него еще не впали,
И сводить къ намъ небесное прощенье,
Когда уже паденье совершилось?
Взгляну жъ и я на небо! Мой проступокъ
Уже лежитъ въ прошедшемъ. Но, о Боже!
Какими же словами мнѣ молиться?
Могу-ль молить, чтобъ гнусное убійство
Мнѣ было прощено, когда владѣю
Всѣмъ тѣмъ, что увлекло меня къ паденью —
Короной, почестями и королевой?

И можно-ль ждать прощенья, не страшнувши
Съ себя долой трофеевъ преступленья?
Въ кругу неправедныхъ земныхъ путей
Бываетъ, что рукою позлощенной
Преступникъ въ грязь свергаетъ правосудье.
И что законъ бездѣйственно молчитъ,
Подкупленный похищеннымъ стяжаньемъ;
Но тамъ оно не такъ, и для обмановъ
Тамъ не найдется мѣста! Каждый шагъ
Является тамъ въ настоящемъ свѣтѣ,
И сами мы лицомъ-къ лицу съ грѣхами
Себѣ-жъ самимъ живой уликой будемъ.
И что жъ теперь? Что остается дѣлать?
Могущество извѣдать покаянья?
Чего-бъ оно не въ силахъ было сдѣлать!
Но можетъ ли оно, хоть что-нибудь,
Коль въ насъ душа раскаяться не можетъ?
О, горе мнѣ! О сердце, что чернѣй
И самой смерти! О душа, въ грѣхахъ
Погрязшая, что посреди усилій
Освободить себя, все глубже, глубже тонетъ!
Спасите, ангелы! Молю, спасите!
Сгибайтесь непокорныя колѣни!
Ты, сердце, грубое подобье стали,
Стань мягкимъ, какъ бываютъ мягки члены
Новорожденного младенца! Все,
Быть можетъ — къ лучшему!

[Отходитъ въ сторону и стнмовится на колѣни.]

Входитъ Гамлетъ.

Гам. Иль мнѣ сейчасъ

Его покончить? Да и кстати онъ
Ужъ молится! Но такъ покончить съ нимъ
Пославъ его на небо — это ль мщенье?
Нѣтъ, надо подождать. Мерзавецъ этотъ,
Убійца моего отца; а я,
Я, сынъ его единственный, пошлю
Его убійцу въ рай?
Ну-нѣтъ! То было-бъ для него наградой,
А не отмщеніемъ. Онъ убилъ отца
Безжалостно, въ минуты пресыщенья,
Въ расцвѣтѣ и обиліи грѣховъ:
Каковъ отвѣтъ тотъ держать, только Богу
То вѣдомо; но здраво разсудить —
Отвѣтъ его не легокъ. Это-ль мщенье:
Лишить убійцу жизни въ то мгновенье
Когда для перехода въ лучшій міръ,
Онъ проложилъ себѣ дорогу покаяньемъ?
О нѣтъ! въ ножны, мой мечъ, и жди поры,
Для болѣе смертельнаго удара, —
Когда онъ пьянъ, или спитъ, или во гнѣвѣ,

Въ игрѣ, божбѣ, грѣхѣ кровосмѣшеня,
Въ дѣлахъ, что насъ къ гибели ведутъ: —
Тогда его ударъ, чтобъ онъ свалился
Стремглавъ, пятами къ небу, и съ душой
Проклятою и черной, какъ и адъ,
Куда ему назначена дорога!
Меня ждетъ мать... Но это лишь отсрочка,
И дни твои, злодѣй, ужъ сочтены.

[Уходитъ].

Кор. [вставая] Слова мои стремятся въ высь, а
мысли

Всѣ на землѣ. Однимъ словамъ, безъ мысли,
До неба никогда не долетѣть!

[Уходитъ].

СЦЕНА IV-я. — Другая комната, тамъ же.

Входятъ Королева и Полоній

Пол. Сейчасъ онъ явится. Смотрите-жъ, будьте
Какъ можно съ нимъ построже, да и прямо
Ему скажите, что его проказы
Ужъ до того дошли, что ихъ теперь
Переносить ужъ стало невозможно,
И что лишь ваша милость, заступившись,
Спасла его отъ царственного гнѣва.
А я хоть-здѣсь у васъ, пожалуй, спрячусь.
Еще прошу — не церемоньтесь съ нимъ.

Королева. Не бойтесь! Я за это вамъ ручаюсь.

Гам. [за сценою] Она вѣдь мать моя, мать моя,
мать моя!

Кор. Уйдите же! его я голосъ слышу.

[Полоній прячется за коверъ].

Входитъ Гамлетъ.

Гам. Я здѣсь, мать моя! Что вамъ угодно?

Кор. Гамлетъ! Ты страшно оскорбилъ отца.

Гам. Мать моя! Это вы — страшно оскорбили
отца моего.

Кор. Замолчи! Ты отвѣчаешь мнѣ словами
безумья!

Гам. Нѣтъ, нѣтъ, это вы-то и говорите со
мною словами гибели!

Кор. Это еще что-такое значить?

Гам. Да! Въ самомъ дѣлѣ: что же это зна-
чить такое?

Кор. Ты вѣрно позабылъ, кто я?

Гам. Нѣтъ! нѣтъ! Клянусь святымъ Крестомъ
я помню,

Кто вы такая. Королева!

Вы брата мужа вашего вдова,

И, — для чего не сдѣлалось иначе? —

Вы — мать моя!

Кор. О, если такъ, —

Я говорить другихъ съ тобой заставлю!

Гам. Нѣтъ, нѣтъ, садитесь — и ни съ мѣста! Вы
Уже не выйдете, покамѣстъ передъ вами
Я не поставлю зеркала, въ которомъ
Вамъ можно-бъ было видѣть, что внутри
У васъ таится.

Кор. Что-жъ ты хочешь?

Убить меня ты хочешь? Помогите!

О, помогите же!

Пол. [За коврами]. Эй, помогите!

Гам. Что это? — Мышь?

[Наноситъ ударъ шпагою по коврамъ].

Убить! Я отвѣчаю

Червонцемъ, что убить!

Пол. [за коврами]. Охъ, умираю!

[Падаетъ и умираетъ].

Кор. О горе! Что ты сдѣлалъ!

Гам.

Что? Не знаю!

Иль тамъ король?

[Приподнимаетъ коверъ и вытаскиваетъ оттуда Полонія].

Кор. О, что за сумасбродный,

Что за кровавый этотъ твой поступокъ!

Гам. Кровавый? Да! почти такой же скверный.
Какъ короля убить, чтобъ сдѣлаться женой
Его убійцы!

Кор. Короля убить?

Гам. Да королева, — это я сказалъ.

[Къ Полонію].

А ты, мой бѣдный, вѣчно суетливый
Всегда надоедавшій намъ глупецъ,
Прости! ..

Тебя я принялъ за другаго,
Значительнѣй тебя. Вيني судьбу.
Ты видишь: быть усердну черезъ мѣру
Подъ часъ не безопасно.

[Къ королеву] Перестаньте

ломать такъ ваши руки! успокойтесь!
Садитесь тутъ и дайте изломать
Мнѣ ваше сердце!... Если только
Оно у васъ не камень, если сила
Грѣховныхъ навыковъ его составъ
Не превратила въ бронзу, — невозможно,
Чтобъ наконецъ оно не изломалось!

Кор. Но что же, что я сдѣлала такое,
Что смѣешь ты противъ меня въ словахъ
Такимъ быть дерзкимъ?

Гам. О, такое дѣло,
 Что въ корень губить прелесть и румянецъ
 Стыдливости; что выдаетъ притворство
 За добродѣтель; вмѣсто свѣжихъ розъ,
 Любви невинной ясное чело
 Вѣнчаетъ язвами; что обращаетъ
 Обѣты брака въ клятву игрока;
 Такое дѣло, что изъ мирныхъ узъ
 Родной семьи уноситъ жизнь и душу;

Какая въ немъ разлита красота!
 И кудри Аполлона, и чело
 Юпитера; увѣренность во взглядѣ
 И смѣлость Марса; чудный станъ его—
 То станъ Меркурія, когда взлетаетъ
 Онъ вѣстникомъ боговъ на верхъ горы,
 Ласкающей къ небу; общность формъ,
 Гдѣ каждый богъ, какъ будто положилъ
 Свою печать, во знаменье природѣ,

Гамл. [къ Духу]. Скажи: зачѣмъ онъ здѣсь, твой кроткій образъ?

Корол. О Боже! Онъ безумецъ.

Дѣйст. III. Сцена IV.

Что сладость брачнаго благословенья
 Въ безмысленный преображаетъ говоръ;
 Такое дѣло, [Занимается заря]
 Что небо отъ него стыдомъ зардѣлось,
 И даже масса грубая земли,
 Скорбя о немъ, является печальной,
 Какъ будто-бъ наступилъ ужъ Страшный Судъ!

Кор. Ахъ, Боже мой! Да чтожь это за дѣло,
 Что грозно-такъ шумить и мечеть громы,
 Почти что съ оглавленья?

Гам. Да взгляни же!
 Вотъ два портрета!... Два изображенья
 Обоихъ братьевъ! Посмотри-жь на этотъ —

Что былъ онъ человекъ, — и онъ-то былъ
 Твоимъ супругомъ! Посмотри-жь теперь,
 Что сталося? Вотъ, гляди, твой новый мужъ,
 Точь въ точь, какъ Фараоновъ ржавый колось
 Здороваго заѣвший брата! У тебя
 Глаза-то были? Какъ же согласилась
 Ты промѣнять цвѣтущія высоты,
 Тебя питавшія, на вонь болота,
 Гдѣ ты теперь купаешься? Да гдѣ же
 Твои глаза-то? Ты не смѣешь это
 Любовью называть: въ твои года,
 Не можетъ кровь бурлить по-молодому, —
 Она тиха, покорлива разсудку.

Но есть ли хоть одинъ разсудокъ въ свѣтѣ,
 Чтобъ промѣнялъ на этого—того?
 Вѣдь есть же смыслъ въ тебѣ: ты не могла бы
 Безъ смысла разсуждать; но онъ—безгласенъ,
 Какъ будто пораженъ оцѣпенѣньемъ...
 И самое безумье не могло бы
 До степени подобной заблуждаться:
 Не вовсе въ немъ подавлено сознание,
 И столько-то всегда его найдется,
 Что-бъ между крайностей не впасть въ ошибку
 При выборѣ. Какой же адскій демонъ
 Тебя такъ глупо, будто въ жмуркахъ, одурачилъ?
 Глаза—безъ рукъ, безъ зрѣнья—руки, слухъ—
 Безъ глазъ, и чувство обонянья
 Безъ остальныхъ, и, даже часть больная
 Любаго чувства не могла бы вдатся
 Въ такой обманъ!
 О стыдъ! гдѣ твой румянецъ?
 Ты, адъ отпадшій!
 Коль женщины старѣющей костями
 Ты можешь такъ играть, чему же мы
 Тутъ будемъ удивляться, если въ годы
 Кипучей юности, ея согрѣвшись жаромъ,
 Порой на воскъ походить добродѣтель?
 И станемъ ли позоромъ называть
 Мы пылкости природной обаянье,
 Когда самъ ледъ задумалъ вдругъ пылать
 И ужъ взился быть сводникомъ желанья?

Кор. Довольно, Гамлетъ! болѣе—ни слова!
 Въ мою ты душу взгляды мой обратилъ.
 Я вижу въ ней такъ много застарѣлыхъ
 И грязныхъ пятенъ, что теперь ужъ ихъ
 И не свести.

Гам. Пусть такъ; но продолжать
 Коснѣть въ грязи запачканнаго ложа,
 Дышать струей разврата, потѣшаться
 Подобіемъ любви—

Кор. Не говори! довольно.
 Слова твои моимъ ушамъ—кинжалы.
 Довольно-жъ, милый Гамлетъ.

Гам. Какъ? Убійца?
 Злодѣй? Подлѣйшій рабъ, цѣной дешевле
 Двадцатой доли прежняго супруга
 Во столько-жъ сокращенной? Шутъ въ коронѣ,
 Безчестный воръ, укравшій государство,
 Стянувшій съ полки царскіе клейноды,
 Чтобъ спрятать ихъ скорѣй къ себѣ въ карманъ?

Кор. Довольно!

Гам. Король, весь изъ обрѣзковъ и лохмотья...

Входитъ Духъ.

О, защитите насъ, вы, стражи неба,

Крылами вашими меня закройте!
 Скажи, зачѣмъ онъ здѣсь, твой кроткій образъ?
Кор. О Боже, онъ безуменъ!

Гам. Укорять ли
 Приходишь ты меня, что я богатъ
 Лишь страстью, а не волей? что я медлю
 Твое исполнить страшное велѣнье?
 О, говори!

Духъ. Запомни! Не давай
 Въ себѣ заснуть принятому рѣшенью.
 Смотри, однако, какъ черты лица
 У матери отъ ужаса застыли.
 Ты долженъ поддержать ее въ борьбѣ:
 Съ упадкомъ силъ, воображеніе въ насъ
 Сильнѣй работаетъ. Заговори
 Съ ней, Гамлетъ.

Гам. Что съ вами, мать моя?
Кор. Отвѣть мнѣ лучше: что съ тобой, несчастный?
 Зачѣмъ глядишь въ пустое ты пространство
 И съ воздухомъ пустымъ заводишь рѣчь?
 Зачѣмъ глаза твои такъ смотрять дико?
 Приглашенные кудри, какъ солдаты,
 Смущенные полуночной тревогой,
 Поднявшись кверху, будто бы живыя,
 Такъ и остались? О, мой милый сынъ!
 Умѣрь росой холоднаго терпѣнья
 Твоей горячки пламени! Что ты видишь?

Гам. Онъ! онъ! Смотри, какъ блѣденъ! Этотъ
 видъ

И горькая его судьба могли бы
 И камень сдвинуть! Не гляди же такъ,
 О, не гляди ты на меня такъ грустно!
 Твой скорбный видъ мою рѣшимость можетъ
 Поколебать, и то, что предстоитъ
 Мнѣ совершить еще, тогда утратить
 Свое значеніе, и вмѣсто крови,
 Я обольюсь—слезами!

Кор. Но кому же
 Ты это говоришь?

Гам. Да развѣ ты
 Тамъ ничего не видишь?

Кор. Ничего!
 Хотя вижу все, что есть на самомъ дѣлѣ.

Гам. И ничего не слышишь?

Кор. Только слышу
 Я насъ двоихъ.

Гам. Да посмотри-жъ сюда!
 Сюда смотри-же! Онъ теперь уходитъ.
 То мой отецъ, какимъ онъ былъ при жизни!
 Гляди, гляди! Вотъ онъ уходитъ въ двери!

[Духъ уходитъ].

Кор. Все лишь одна въ тебѣ работа
Больнаго мозга, и прямой художникъ .
Всѣхъ этихъ образовъ безъ содержанья—
Горячка чувствъ.

Гам. Горячка? Отчего же
Мой пульсъ, какъ вашъ, все такъ же равно
бьется

Подъ тактъ здоровью! Не безумье это,
Что мною сказано! Угодно вамъ
Меня подвергнуть испытанью? Я
Точь въ точъ вамъ повторю мои слова:
Безумье удалилось бы отъ смысла.
О мать моя! Для вѣчнаго спасенья,
Не ослѣпляй себя лукавою мечтою,
Что говорить во мнѣ безумье, а не твой
Великій грѣхъ! Ты только можешь этимъ
Закрывать наружно язву; но тогда
Гнѣенье внутрь невидимо проникнетъ
И заразить всю душу. О, открой
Къ ней небу вольный путь! Покаясь въ прошломъ,
Бѣги того, что впредь случиться можетъ,
И той земли, что размножать способна
Лишь плевеи, впередъ не утучняй!
Прости мнѣ добродѣтель! Въ этомъ вѣкѣ,
Тучиѣющемъ отъ наплывовъ порока,
Должна молить его о снисхожденьи
И добродѣтель! Да, его молить
И передъ нимъ сгибаться, чтобы ей
Дозволил онъ не сдѣлаться порокомъ!

Кор. О Гамлетъ, сынъ мой! Ты теперь разбилъ
Мнѣ сердце надвое!

Гам. Такъ ты откинь же
Его плохую часть и оставайся
Жить съ чистою, другою половиной!
Прощай, покойной ночи! Не ходи же
На ложе къ дядѣ. Завоюй насильно
Видъ скромности, коль смыслъ ея потерянъ.
Пускай себѣ чудовище-обычай—
Въ насъ искренности врагъ; пусть это демонъ
Поступковъ нашихъ; но порой и онъ,
Какъ добрый духъ, всему что благо, честно,
Пристойную предписываетъ вѣщность.
Попробуй воздержаться въ эту ночь,—
Въ другую воздержанье станетъ легче,
И такъ все далѣе. Привычки сила
Черты самой природы измѣняетъ,
На злыя склонности кладетъ узду,
Иль безусловно ихъ искореняетъ.
Еще однажды — добрая вамъ ночь!
Коль захотите вы просить у Бога

Себѣ благословенья, то и я
Приду тогда о немъ васъ умолять.

[Показывая на убитаго Полонія].

А господина этого мнѣ жалко.
Но видно, такъ ужъ вздумалось судьбѣ,
Чтобъ имъ былъ—я, а онъ—былъ мной наказанъ,
И сталъ я для него ея бичемъ
И исполнителемъ ея вѣднй.
Я приберу его, и на себя возьму
Отвѣтственность въ бѣдѣ, его постигшей.
Прощайте же! Я съ вами былъ жестокимъ,
Чтобъ къ вамъ любовь мою сберечь. Худое
Ужъ началось, а худшее свершится
Впоследствии. Однако-жь, королева,
Дозвольте мнѣ еще одно словечко.

Кор. Что должно сдѣлать мнѣ?

Гам. Что сдѣлать вамъ?

Да вотъ, начните тѣмъ, что ничего
Не дѣлайте, о чемъ я васъ просилъ!
Пусть мужъ-король сведетъ васъ на постелю,
Потреплетъ по щекѣ и назоветъ
Своей васъ мышкою; пускай за пару
Протухлыхъ поцѣлуетъ, за усердье
Васъ щекотать проклятыми перстами
Вкругъ вашей шеи, онъ отъ васъ получитъ
Моей завѣтной тайны откровенье,
Что не безуменъ я, а лишь безумнымъ
Хочу казаться. Что-жь? Не худо-бъ было
Сказать ему о томъ. И какъ же можно
Чтобъ женщина на мѣстѣ королевы,
Какъ вы, премудрой, скромной и прекрасной,
Рѣшилась утаить отъ этой жабы,
Летучей мыши, толстаго кота,
Столь дорогое для него извѣстье?
Которая изъ нихъ бы устояла?
Нѣтъ! Вопреки и тайнѣ, и разсудку,
Раскройте коробъ на вершинѣ кровли:
Пусть птицы вылетятъ! а сами вы,
Для опыта, какъ говорится въ сказкѣ
Объ обезьянѣ, полѣзайте внутрь,
И падая, себѣ сломите шею!

Кор. Нѣтъ, будь покоенъ. Ежели слова—
Дыханье, а дыханье—жизнь, то отдаю
Я жизнь порукою, что нѣтъ дыханья
Во мнѣ для словъ, довѣренныхъ тобою.

Гам. А знаете ли вы, что должно мнѣ
Ухажать въ Англію?

Кор. Да! я и позабыла! Но, къ несчастью,
Ужъ это рѣшено.

Гам. Дешевы за печатью. Два моихъ
Товарища по школѣ, но которымъ
Я вѣрю лишь настолько, сколько можно
Ехиднѣ вѣрить съ острыми зубами,
Ихъ отвезутъ. Они должны расчистить
Передо мной дорогу и на ней
Устроить мнѣ ловушку. Чтожъ? Пускай!
Недурно бы взглянуть, какъ инженеры
Летаютъ вверхъ отъ своего-жъ подкopa;
И было бы особымъ ужъ несчастьемъ,
Коль не сумѣлъ бы я аршиномъ ниже
Подъ нихъ самихъ подраться и затѣмъ

Послать ихъ на луну!

Мои же сборы —
Вотъ съ этого начну я господина
И отнесу его куда-нибудь въ сосѣдство.
Прощайте, мать моя. Вотъ, посмотрите:
Совѣтникъ этотъ, что во время жизни
Надобдалъ глупѣйшей болтовней,
Теперь лежитъ безмолвенъ, тихъ и важенъ.
Пойдемте, другъ! Пора покончить съ вами.
Желаю, мать моя, вамъ доброй ночи.

[Уходитъ, унося съ собою Полонія].

ДѢЙСТВІЕ IV^е

СЦЕНА I-я. — *Та же комната въ замкѣ.*

Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Кор. [Гертрудѣ]. Твоимъ глубокимъ вздохамъ
и стenanьямъ

Конечно есть серьезная причина.
Скорѣй рассказывай: необходимо
Намъ уяснить себѣ ея значеніе.
Гдѣ сынъ твой?

Королева [Розенкранцу и Гильденстерну] Потру-
дитесь на минуту

Оставить насъ.

[Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ].

Ахъ, дорогой мой другъ!

Что въ эту ночь мнѣ довелось увидѣть!

Кор. Что сдѣлалось, Гертруда? Что твой
Гамлетъ?

Королева. О, онъ бѣснуется какъ шквалъ и море,
Когда они заспорятъ, кто сильнѣй.
Заелышавши, въ своемъ припадкѣ дикомъ,
Движеніе за ковромъ, онъ закричалъ:
«Мышь, мышъ», и, выдернувъ рапиру,
Все продолжая бредить, закололъ
Несчастнаго, что тамъ былъ спрятанъ!

Кор. Ужасный этотъ случай! Вѣдь и насъ
Постигла-бъ та же участь, еслибъ мы
Тамъ находились. Такъ! Его свобода —
Для всѣхъ на пагубу — тебѣ и намъ,
И всякому. Бѣда! Чѣмъ оправдать
Кровавое такое дѣло? Могутъ
И насъ винить за то, что нашей властью
Не обуздали мы, не поручили
Строжайшему надзору, не лишили

Тогда-жъ, свободы юнаго безумца!
А наша такъ сильна къ нему любовь,
Что не рѣшались мы придти къ сознанию
Необходимыхъ мѣръ: и поступали
Какъ тотъ больной, что свой недугъ нечистый,
Боясь огласки, тщательно скрываетъ,
Пока онъ не коснется центра жизни.
Гдѣ онъ теперь?

Королева. Пошелъ убрать
Убитаго въ другое мѣсто. Впрочемъ,
Какъ жилка золота на дикомъ камнѣ,
Въ его безумьи на одну минуту
Сознаніе проглянуло: горько онъ
Оплакалъ свой поступокъ.

Король. О Гертруда,
Пойдемъ скорѣй! И прежде, чѣмъ коснуться
Вечернему лучу вершинъ нагорныхъ,
Намъ надо на корабль его отправить.
И должно намъ обоимъ постараться,
Призвавъ всѣ способы ума и власти,
Чтобъ этотъ гадкій случай извинить,
Или смягчить его. Гей, Гильденстернъ!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Друзья мои! Еще кого-нибудь
Себѣ возьмите въ помощь. Гамлетъ нашъ,
Въ припадкѣ сумашествія, убилъ
Полонія и трупъ его куда-то
Изъ комнаты отъ матери унесъ.
Ступайте оба, отыщите привца,
Развѣдайте, что нужно, и снесите
Убитаго въ часовню. Этимъ дѣломъ,
Я васъ прошу, какъ-можно поспѣшите.

[Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ].

Пойдемъ, Гертруда! Призовемъ мудрѣйшихъ
Своихъ сановниковъ и скажемъ имъ,
Что сдѣлать мы съ тобою порѣшили,
И то, что сдѣлалось. Пусть клевета,
Что какъ ядро изъ пушки, бьетъ по цѣли
И въ дальнемъ разстоянн, въ этотъ разъ
Минуетъ наше имя, и ударъ
Пушай летитъ въ неуязвимый воздухъ.
Идемъ! Моя душа, въ чаду сомнѣній,
Полна тревогъ и черныхъ опасеній!

[Уходятъ].

СЦЕНА II-я. — Другая комната тамъ же.

Входитъ Гамлетъ.

Гам. Славно припряталъ!

Роз. и Гильд. [за сценою] Принцъ Гамлетъ!
Принцъ Гамлетъ!Гам. Однакожь что это за шумъ? Кто-то кли-
четъ меня. А, это они!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Розен. и Гильд. Принцъ! Что вы сдѣлали съ
покойникомъ?Гам. Смѣшалъ его съ прахомъ, которому онъ,
кажется, сродни!Розенк. Скажите лучше, куда вы его дѣвали?
Мы отнесемъ его въ часовню. —

Гам. Не вѣрьте этому!

Розенк. Чему «не вѣрьте?»

Гам. Что я стану слушаться вашего, а не сво-
его желанія. Притомъ, быть допрашиваему ка-
кою-нибудь губкою — что тутъ отвѣчать королев-
скому сыну!Розенк. Такъ-вы принимаете меня за губку,
принцъ?Гам. Да, милѣйшій! Потому что и вы, какъ
губка, вбираете въ себя королевскія милости, на-
грады и его власть. Слуги такого рода всего по-
лезнѣе королю подъ конецъ. Онъ бережетъ ихъ,
какъ обезьяна за щекой орѣхи: все время она
держитъ ихъ у себя во рту, чтобы съѣсть ихъ
последними. Такъ и король. Когда ему понадо-
бится взять отъ васъ, что вы изъ него высосали,
ему только стбитъ хорошенько васъ подавить и
вы, какъ губка, очутитесь сухи по прежнему.

Розенк. Я васъ не понимаю, принцъ!

Гам. Тѣмъ лучше. Насмѣшкѣ никогда не про-
лѣзтъ сквозь дурацкое ухо.Розенк. Принцъ! Вы непременно должны сказать
намъ, гдѣ тѣло, и потомъ идти съ нами къ королю.Гам. Тѣло — при королѣ: хотя короля и нѣтъ
при тѣлѣ. Король — это нѣчто.

Гильд. «Нѣчто», принцъ?

Гам. Да, да, то есть — частица ничтожества.
Проводите-ка меня къ нему. Иди впередъ, лисица,
а мы за тобою.

[Уходитъ].

СЦЕНА III-я. — Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Король и его Свита.

Кор. Ужъ я послалъ за нимъ: да тутъ-же встали
Велѣлъ сыскать и тѣло. Да! Опасно
На волѣ быть такому господину:
Но и нельзя съ нимъ строго обойтись.
Онъ слишкомъ сталъ любимъ толпой безумной,
Что любить не разсудкомъ, а глазами, —
Гдѣ-жъ это такъ, тамъ видятъ только кару
Виновнаго, проступка же не видятъ.
Чтобъ обошлось все мирно и пристойно,
Должны мы сдѣлать такъ, чтобы его
Внезапная отсылка, видъ имѣла
Уже давно принятаго рѣшенія.
Недугъ отчаянный лишь уступаетъ
Отчаяннымъ и средствамъ, — иль ужъ вовсе
Не уступаетъ никакому.

Входитъ Розенкранцъ.

Что-вы?

Случилось что-нибудь?

Розенк. Мы не могли
Добиться, государь, куда онъ трупъ
Припряталъ.

Кор. Гдѣ онъ самъ?

Розенк. Въ приѣмной,
Подъ стражею, ждетъ вашихъ приказаній.

Кор. Сюда его ввести!

Роз. Эй, Гильденстернъ,
Введите принца.

Входятъ Гамлетъ и Гильденстернъ.

Кор. Ну, Гамлетъ, гдѣ Половій?

Гам. На ужинѣ.

Кор. Какъ это — «на ужинѣ?»

Гам. Не тамъ, разумѣется, гдѣ онъ кушаетъ,
а тамъ, гдѣ его кушаютъ. За него только-что при-
нялось общество премудрыхъ червяковъ. Вѣдь
только червякъ и можетъ считаться дѣйстви-
тельнымъ государемъ всего существующаго распоряд-
ка. Положимъ, что мы и сами откармливаемъ для
себя всевозможныхъ скотовъ; но себя-то все-таки

мы откармливаемъ для червей. Разжирѣвшій король и голодный нищій — только двѣ различныхъ перемѣны, два различныхъ блюда къ одному и тому же ужину; и таковъ ихъ общій конецъ.

Кор. Увы, увы!

Гам. Можно удить рыбу на червяка, позавтракавшаго королемъ, и пообѣдать рыбою, скушавшею такого червяка.

Кор. Чтѣ же ты хочешь сказать этимъ?

Гам. Да ничего, а только хочу объяснить вамъ, черезъ какія посредства король можетъ очутиться въ желудкѣ нищаго.

Кор. Скажи, гдѣ Полоній?

Гам. Вѣроятно, въ раю. Туда и пошлите о немъ справиться. Если же вашъ посланный тамъ его не отыщетъ, то въ другомъ мѣстѣ ищите его ужъ сами. Если, впрочемъ, вы не найдете его нигдѣ въ продолженіи мѣсяца, то онъ и самъ себя окажетъ вашему носу подъ лѣстницей галереи.

Кор. [нѣкоторымъ изъ свиты] Поищите его тамъ.

[Они уходятъ].

Гам. Онъ дождется васъ.

Кор. Вотъ видишь, Гамлетъ, этакое дѣло, для личной безопасности твоей, настолько-жъ дорогой для насъ, насколько Поступокъ твой принесъ намъ огорченія, Приводитъ насъ къ прискорбному рѣшенію. Скорѣй тебя отсюда удалить. Поэтому — собирайся.

Корабль готовъ, попутный дуетъ вѣтеръ, Товарищи тебя лишь ожидаютъ, И кончены ужъ всѣ приготовления, Чтобъ въ Англію отправиться тебѣ.

Гам. Такъ-это въ Англію меня?

Кор. Да, Гамлетъ.

Гам. Ну, и прекрасно!

Кор. Такъ оно и есть, Когда тебѣ могли бы наши цѣли Быть вѣдомы.

Гам. Я вижу херувима, Чтѣ видятъ ихъ. Такъ-что же? я не прочь И въ Англію! Прощайте же, прощайте, О дорогая мать моя!

Кор. Не мать,—

А любящій тебя отецъ.

Гам. Нѣтъ, мать вы, мать!

Отецъ и мать, вдвоемъ они — супруги, Едина плоть, — и значить, мать моя! Ну чтѣжь, и въ Англію.

[Уходитъ].

Кор. За нимъ, за нимъ

Идите слѣдомъ; поспѣшите также

Вы какъ-нибудь завлечь его на бортъ.

Не мѣшчайте! пусть ѣдетъ въ эту-жъ ночь.

Скорѣй, скорѣй! Инструкція для васъ

Отправлена за нашею печатью.

Прошу васъ, торопитесь!

[Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ].

Ну, Англія! Когда ты дорожишь Моею дружбою, — а ею дорожить Могущество страны тебѣ внушаетъ, Затѣмъ что еще свѣжи и кровавы Въ тебѣ зарубки датскаго меча, И ты уже не можешь не платить Ему невольной дани уваженія, — Тогда ты не должна пренебрегать Желаньемъ нашимъ царственнымъ, чтѣ мы Въ депешѣ нашей, ясно изложили Объ умерщвленіи Гамлета. Да, сдѣлай Мнѣ это, Англія! Въ моей крови, Какъ длительный недугъ, онъ убиваетъ Всю жизнь мою, и можешь ты теперь Послать мнѣ исцѣленіе; а пока Не скажутъ мнѣ что это совершилось, Ничто не можетъ радовать меня!

[Уходитъ].

СЦЕНА IV-я. — Равнина въ Даніи.

Вступаетъ Фортинбрасъ, въ сопровожденіи войска.

Форт. Идите-жъ, капитанъ, и отъ меня Привѣтствуйте вы Даніи владыку. И потрудитесь передать ему, Что Фортинбрасъ о приказаньи просить, Какъ было то обѣщано недавно, Войскамъ его давать свободный пропускъ Чрезъ Датскія владѣнья. Гдѣ-жъ меня Найти вы можете, то вамъ извѣстно. Когда-жъ его величеству угодно Со мной вести переговоры лично, То мы готовы нашъ исполнить долгъ, И передъ нимъ немедленно явиться. Вы это все ему и передайте.

Капитанъ. Исполню, государь.

Форт. [къ войску].

Теперь, друзья,

Идите тихимъ шагомъ.

[Удаляется съ войскомъ].

Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ, Гильденстернъ и служители.

Гам. [къ *Капитану*]. Господинъ офицеръ! Позвольте узнать, что это за войско?

Кап. Это Норвежцы, сударь.

Гам. А куда, смѣю спросить, они направляются?

Кап. Въ одну изъ польскихъ провинцій.

Гам. Кто ими предводительствуетъ?

Кап. Фортинбрасъ, племянникъ стараго Норвежца.

Гам. Хотятъ ли они воевать всю Польшу, или только которую нибудь изъ ея окраинъ?

Кап. Сказать, сударь, по правдѣ, безъ прикрасы,

Изъ-за такого бѣмса мы владѣнья,
Что лишь титулъ намъ будетъ въ барышахъ;
Я и пяти дукатовъ за аренду
Его не далъ бы, — даже и пяти!
А коль продать его Норвегii изъ Польшы,
Такъ и изъ нихъ никто бы не далъ больше.

Гам. Но если такъ, то Польша не захочетъ
Его отстаивать; —

Кап. О нѣтъ! навѣрно будетъ,
И выслала туда ужъ гарнизонъ!

Гам. Двѣ тысячи солдатъ и двадцать тысячъ
Дукатовъ не покроютъ вашу убыль
Изъ-за соломинки! Вотъ и болячка
Отъ ожирѣнья и общаго застоя!
А внутрь она нечаянно прорвется,
То никому и вздумать не придется,
Съ чего вдругъ умеръ сильный человѣкъ.
Благодарю васъ.

Кап. Помогай вамъ Богъ!

[*Уходитъ*].

Розен. [*Гамлету*]. Угодно, принцъ, вамъ продолжать нашъ путь?

Гам. Я тотчасъ же за вами. Отойдите,
Прошу васъ, дальше.

[*Розенкранцъ и Гильденстернъ медленно удаляются*].

И все, какъ-бы нарочно,
Стопилось здѣсь, чтобъ осудить меня
За мѣшкотность мою и возбудить
Къ дѣйствительному, скорому отмщенью.
Ну что за человѣкъ, что дѣломъ жизни
И мѣркой времени считаетъ лишь возможность
Бѣсть, пить да спать? Животное — не больше!
И Тотъ, Кто создалъ насъ съ широкой мощью
Сопоставлять прошедшее съ грядущимъ,

Не для того намъ предназначилъ свыше
Даръ разума, тотъ самый чудный даръ,
Что насъ, порой, богамъ уподобляетъ, —
Чтобы онъ въ насъ безслѣдно погибалъ.
Что-жъ это значить? Скотское-ль забвенье,
Иль совѣсть слишкомъ робкая моя,
При думѣ о подробностяхъ событья,
Той думѣ, гдѣ лишь на четверть разсудка
Три доли трусости? Тутъ я и самъ
Понять не въ силахъ: отчего выходить,
Что мнѣ лишь остается повторять,
Что «то-то мнѣ необходимо сдѣлать»;
Тогда, какъ есть во мнѣ самомъ причина,
Есть воля, сила, средства, совершить,
О чемъ досель безплодно я толкую?
И наконецъ, какъ мнѣ не убѣдиться
Примѣрами широкими, какъ мiръ?
Свидѣтелемъ — хоть даже это войско,
Столь храброе, вѣдомое любезнымъ —
И кроткимъ принцемъ, чья душа,
Полна богоподобнаго величья,
Безстрашно ждетъ незримую судьбу
И отдаетъ, спокойно, что въ немъ есть
Непрочнаго, подверженнаго смерти,
Безчисленнымъ случайностямъ на жертву,
Опасностямъ, несчастьямъ, неудачамъ,
И, можетъ быть, потери самой жизни.
И все-это изъ за какой-то тамъ
Орѣховой скорлупки? Вотъ и видно,
Что соблюдать величiе души,
Не значить возмущаться мелочами;
Но слѣдуетъ умѣть вступать въ борьбу
И за соломинку, гдѣ наша честь задѣта.
А я? А я? Когда отецъ убить,
Мать обезчещена, — какой еще причины
И чувству, и разсудку нужно ждать?
А между тѣмъ во мнѣ все это спитъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ; тогда какъ здѣсь же,
Въ моихъ глазахъ, всѣ двадцать тысячъ жизней
Сейчасъ пошли на вѣрную гибель.
Зачѣмъ? Изъ-за мечты!
Изъ-за мерцанья славы
Они пошли къ могиламъ, какъ къ постелямъ, —
Пошли, чтобъ воевать клочекъ землицы,
Гдѣ даже нѣтъ имъ мѣста развернуться,
Гдѣ тѣсно будетъ имъ похоронить
Своихъ убитыхъ! Нѣтъ-ужъ, полно медлить!
Судьба не ждетъ — и близокъ часъ суда:
Мой лозунгъ — кровь! Теперь — или никогда.

[*Уходитъ*].

СЦЕНА V-я. — *Эльсиноръ. — Комната въ замкѣ.*

Входятъ Королева и Горацио.

Кор. — Я не хочу съ ней говорить;

Гор. Она объ этомъ проситъ неотступно,
Хоть и не въ полномъ разумѣ. Нельзя
Ее не пожалѣть.

Кор. Что дѣлаетъ она?

Гор. Толкуетъ объ отцѣ. Да говорить,
Что гдѣ-то слышала, что свѣтъ коваренъ,
Къ себѣ кого-то кличетъ, ударяетъ
Себя рукою въ грудь, изъ-за бездѣлицъ
Выходитъ изъ себя. Слова у ней—
Порой двусмысленны. Конечно, въ нихъ
Нѣтъ ничего такого... но сама
Неясность ихъ, наводитъ постороннихъ
На размышленіе; они придаютъ
Стараются имъ смыслъ и ихъ толкуютъ,
Какъ сами вздумаютъ; она-жь теперь
И говорить не можетъ, чтобы вмѣстѣ
Не дѣлать ей какихъ-нибудь особыхъ
Движеній головой, рукою, или глазомъ.
И многимъ мысль приходитъ, что хотя
И ничего покуда неизвѣстно,
А все же что-то можетъ здѣсь таиться
Недоброе. Вамъ съ ней поговорить
Весьма не дурно бы: а то она
Для всякаго, кто склоненъ вѣрить худу,
Сама собой даетъ опасный поводъ
Къ нелѣпымъ заключеньямъ.

Кор. Приведите
Ее сюда. [*Горацио уходитъ*]
— Да, для души моей скорбящей, —
И таково ужъ свойство преступленья, —
Бездѣлка всякая грозитъ несчастьемъ;
Душа полна глупѣйшаго сомнѣнья,
И въ страхѣ ждетъ, что вотъ наступитъ казнь;
А казнью ей—ея теперь боязнь.

Входитъ Горацио съ Офеліей.

Офел. Гдѣ же она, эта прекрасная королева
Даніи?

Кор. Что съ тобой, Офелія?

Офел. [*поетъ*] Какъ бы мнѣ теперь узнать,
Кто вашъ другъ любимый!
Съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ,
Въ шляпѣ низгрима?

Кор. О, моя милая дѣвочка! Что-такое хочешь
ты высказать этою пѣсенкой?

Офел. Да вы не то говорите. Нѣтъ ужъ, по-
жалуйста, я прошу васъ, послушайте!

[*Поетъ*],

Онъ вѣдь умеръ,—въ путь ушелъ,
И простился съ вами;
У него подушкой—дернъ,
Камень подъ ногами.

О-хъ-хо-хо-хо!

Королева. Ну, полно же, Офелія!

Офел. Да нѣтъ-же, вы только послушайте!

Его саванъ — бѣлъ какъ снѣгъ...

Входитъ Король.

Королева. О, государь! Взгляните на нее!

Офелія [*продолжаетъ пѣть*]

Весь покрытъ цвѣтами
Орошала ихъ любовь
Горькими слезами!

Король. Какъ ваше здоровье, милая Офелія?

Офел. Хорошо, воздай вамъ Господь! Вѣдь-вотъ
сказываютъ-же, что сова была когда-то дочерью
булочника. О Господи! Все-то мы знаемъ, что мы
такое, но не знаемъ, чѣмъ можемъ сдѣлаться.
Такъ пускай же Господь благословитъ и вашу
пищу.

Королева. Она помѣшалась на мысляхъ объ
отцѣ.

Офел. Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста... и не бу-
дете толковать объ этомъ. А вотъ, если кто спро-
ситъ васъ, что это такое, то вы отвѣчайте:

Валентиновъ день сегодня!
Поднялся вѣсъ, чуть свѣтъ:
Подошла и я къ окошку,
Мой сказать тебѣ привѣтъ.
Онъ вскочилъ, скорѣй одѣлся,
Отворилъ тайкомъ мнѣ дверь...
Я взшла къ нему дѣвицей, —
А теперь—кто я теперь?

Король. Милая Офелія!

Офел. Въ самомъ дѣлѣ? Только ужъ пожа-
луйста безъ проклятій! Я и безъ нихъ кончу.

Клянусь Христомъ, святымъ Крестомъ, —
Мерзавцы эти хватятъ!
Гдѣ-бъ ни достать — имъ только-бъ взять,
И будь они прокляты!
Она ему: вѣдь ты хотѣлъ
Сперва на мнѣ жениться....
Женился-бъ я, да на постелѣ
Тебѣ не надо бы ложиться!

Король. Давно ли она въ такомъ положеніи?

Офел. Надѣюсь, что все обойдется къ лучшему.
Терпѣнья надо, терпѣнья. А все-таки не могу не

плакать, какъ подумаю, что они уже закопали его въ сырую землю! Вѣдь вотъ и братъ непременно узнаетъ объ этомъ, такъ я и благодарю васъ за добрый совѣтъ. Подавайте карету. Покойной ночи, mesdames; покойной ночи, мои несравненные; покойной, покойной ночи!

[Уходитъ].

Король. Ступайте за нею слѣдомъ; присматривайте за нею хорошенько, прошу васъ.

[*Горацио уходитъ*].

Все это только ядъ глубокой скорби;
Его источникъ — это смерть отца.
Гертруда! О Гертруда!
Вѣда не одиноко къ намъ приходитъ,
А цѣлымъ полчищемъ! Сперва убійство
Отца Офеліи и тѣмъ же слѣдомъ
Отъѣздъ внезапный Гамлета, хотъ онъ
Неистовствомъ безумья самъ, положимъ,
Причиной своего былъ удаленья.
А тутъ еще — народъ, чтó влѣзъ по горло
Въ глупѣйшій хламъ своихъ предположеній,
И вредной болтовни о родѣ смерти
Добрѣйшаго Половія; а въ этомъ
Не мало мы и сами наглумили,
Что стали хоронить его тайкомъ;
И бѣдная Офелія, въ разладѣ
Съ собой и человѣческимъ разсудкомъ, —
А гдѣ молчить разсудокъ, тамъ мы звѣри,
Иль жалкія картинки; — наконецъ,
Еще одна, послѣдняя невзгода,
Чтó, по значенію, равна всѣмъ прочимъ:
Лаэртъ тайкомъ изъ Франціи пріѣхалъ
Весь — изумленіе, мрачнѣе тучи, —
И недостатка нѣтъ вокругъ его,
Въ зловредныхъ болтунахъ, чтó напѣваютъ
Ему про смерть отца отравленныя рѣчи,
И съ ними же, по неимѣнью фактовъ,
Связавши съ обвиненьемъ, переносятъ
И наши имена изъ уха въ ухо.
О милая Гертруда! Это дѣло,
Какъ новое орудіе убійства,
Наноситъ больше ранъ, чѣмъ сколько нужно,
Чтóбъ умертвить.

[*Шумъ за сценою*].

Королева. О Боже!

Чтó тамъ за шумъ?

Король. Сюда, швейцарцы, охраняйте дверь!

[*Входитъ Придворный*].

Чтó тамъ у васъ?

Придвор. Спасайтесь, государь!

И океанъ, помчавшійся на отмель,

Не такъ стремительно бросаетъ волны,
Какъ молодой Лаэртъ, съ толпою буйной
Отбросилъ вашу стражу. Негодяи
Зовутъ его «величествомъ», какъ будто
Начался міръ лишь съ нынѣшняго дня,
Какъ будто ужъ забыта старина,
И тѣхъ обычаевъ они не знаютъ,
Которые одни лишь закрѣпляютъ
Избраніе; кричатъ-себѣ — и только:
«Возьмемъ себѣ Лаэрта въ короли!»
«Пусть будетъ королемъ у насъ Лаэртъ!»
И шумно вверхъ летятъ, мѣшаясь вмѣстѣ,
И руки ихъ, и голоса, и шапки.
«Лаэртъ будь королемъ! Лаэртъ — король!»

Королева. Взбѣсился и по пустому слѣду,
Знай, гонять, гонять! Не туда идете
О подлые вы, датскія собаки!

[*Шумъ за сценою усиливается*].

Кор. Сломали двери!

[*Входитъ Лаэртъ, въ оружіи, за нимъ — Датчане*].

Лаэрт. Гдѣ же онъ? Гдѣ этотъ король?
[*Къ Датчанамъ*] Прошу васъ, господа, останьтесь
Вы за дверями всѣ!

Датч. Э? Вотъ что вздумалъ?
Мы всѣ взойдемъ!

Лаэрт. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, хотъ для меня
Вы въ этомъ уступите!

Голоса. Ну, ладно! ладно!

Лаэрт. Вотъ, спасибо вамъ!
Да стерегите дверь! [*Они уходятъ*].

Ну ты, король-мерзавецъ!
Гдѣ мой отецъ?

Королева. Да успокойся-жъ, добрый
Ты нашъ Лаэртъ!

Лаэрт. Чтó? Еслибъ крови капля
Хотъ-бы одна во мнѣ не волновалась —
Она кричала-бъ мнѣ, что я дитя разврата,
Дала-бъ отцу прозванье роконосца,
И вѣрной матери моей чело
Прожгла-бъ клеймомъ семейнаго позора!

Кор. Изъ-за чего, Лаэртъ, ты затѣваешь
Гигантское такое возмущенье? —
Оставь, Гертруда! За меня не бойся:
Особа королей окружена
Такимъ святымъ, ненарушимымъ правомъ,
Что для измѣны только остается
Возможность знать, чего-бы ей хотѣлось
Но все-таки не выполнить на дѣлѣ.
Теперь скажи, Лаэртъ, съ чего ты вздумалъ

Такъ возмущаться? Подожди, Гертруда;
Пусть говоритъ. Ну, говори, дружокъ!

Лаэр. Гдѣ мой отецъ?

Кор. Онъ мертвъ.

Королева. Да не король же

Тому причиной.

Кор. Пусть его свободно

Даетъ вопросы.

Лаэр. Отчего онъ умеръ?

Себя вѣдь я дурачить не позволю:

И провались оно, вѣрноподданство!

Присяга — къ чорту! Ханжество и совѣсть

Пусть идутъ въ адъ! Моею ставкой —

Проклятье вѣчное! Я до того дошелъ,

Что хохочу надъ тѣмъ и этимъ міромъ;

И будь со мной, что будетъ — не оставлю

Я смерть отца, безъ полного отмщенья!

Кор. А въ комъ твоя опора?

Лаэр. Въ силѣ воли,

И болѣе ни въ чемъ. Стумбю я

И малымъ такъ распорядиться ловко,

Что далеко пойду.

Кор. Постой, довольно!

Ты правду хочешь знать, Лаэртъ, о смерти

Любимаго отца. Къ чему? Зачѣмъ?

Коль ты, по плану мщенья, ужъ задумалъ,

Какъ тотъ понтеръ, что говоритъ „*va-banque*“,

Топить друзей своихъ подъ-рядъ съ врагами,

И тѣхъ, кто проигралъ, и кто-бы выигралъ?

Лаэр. Нѣтъ, лишь его враговъ!

Кор. Да только ты

Ихъ знаешь ли?

Лаэр. Друзьямъ его широко

Раскрою я объятъ, и, подобно

Самоотверженному пеликану,

Готовъ ихъ напитать своей же кровью!

Кор. А! Только вотъ-сейчасъ ты говоришь,

Какъ добрый сынъ, притомъ отъ благородной

Рожденный крови! Знай, яснѣ солнца

Тебѣ раскроетъ собственный разсудокъ,

Что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ моей вины;

И твоего отца внезапная потеря,

Мнѣ первому-жъ чувствительна.

Датч. [за сценою] Пустите-жъ

Ее туда взойти!

Лаэр. Что тамъ такое?

Чего шумять?

Входитъ Офелія, въ фантастическомъ нарядѣ, въ цѣпкахъ и колоссяхъ.

О, изсуши мнѣ мозгъ,

Ты, зной моей горячки! Станьте слезы

Въ семь разъ еще острѣе и разрушьте

У глазъ моихъ и зрѣніе, и чувство!

Клянусь предъ Богомъ, за твое безумье,

Въ рукахъ съ вѣсами я платить заставлю,

Пока не повернется коромысло!

О роза майская! О дѣва-прелесть!

О нѣжная Офелія моя!

Сестра мнѣ дорогая! И возможно-ль —

О Боже праведный — чтобъ юный разумъ

Могъ быть настолько же подвластенъ смерти,

Какъ тѣло старца? Но и здѣсь природа

Щедра въ любви и къ своему любимцу

Шлетъ все, что есть въ ней лучшаго!

Офелія [поетъ]

Вносили его съ непокрытымъ лицомъ...

О горе ты, горе! О горькое горе!

А на гробъ его, слезы катились ручьемъ...

Прощай, прощай, мой голубчикъ!

Лаэр. Будь у тебя разсудокъ, ты не могла бы
возбудить меня къ мести болѣе, чѣмъ теперь.

Офелія. А ему-то вы можете спѣть: „*долой — и долой*“, если считаете его низкимъ человѣкомъ.
Какъ къ лицу-то ему припѣвъ этотъ. Это вѣдь
тотъ самый плутъ управитель, что укралъ дочь
у своего господина.

Лаэр. А вѣдь и то можетъ случиться, что эта
безсмыслица посодержательнѣе инаго дѣла...

Офелія [Лаэрту]. Вотъ розмаринъ: это для вос-
поминаній.

[*Поетъ*]

Смотри же, мой голубчикъ,

Почаще вспоминай!

А вотъ анютины-глазки: это — для думъ.

Лаэр. Она послѣдовательна и въ безуміи: вос-
поминанія и думы отнесены, какъ слѣдуетъ, къ
своимъ эмблемамъ.

Офелія [Королю и Королеву]. Вотъ вамъ укропъ
и колокольчики; вотъ для васъ рута и для меня
немножко; станемте называть ее по воскресеньямъ
благодатною травкою; только вы-то ужъ носите
на себѣ вашу руту не по моему, а какъ-нибудь
по другому. Вотъ — маргаритки. Хотѣлось бы дать
вамъ фіялокъ, да онѣ всѣ завяли, какъ только
отецъ скончался. Говорятъ, онъ хорошо умеръ.

Вѣдь милый мой добрякъ Робень —

Одна моя на свѣтѣ радость!

Лаэр. Скорбь, думы, страсть и самый адъ —
все въ ней полно доброты и прелести!

Офелія [поетъ]

И къ намъ онъ больше не придетъ?
И къ намъ онъ больше не придетъ?
Нѣтъ, нѣтъ, его ужъ схоронили.
Ступай, ищи его въ могилѣ!
Онъ никогда ужъ не придетъ?
Онъ никогда ужъ не придетъ?
Снѣга бѣлѣй у него борода
Волосы сѣды, какъ чесаный лень;
Нѣтъ его съ нами — могила взяла!
Нѣтъ ужъ его и напрасенъ нашъ стонъ...
Будь милосердъ къ нему, Боже!

Хоть въ чемъ-нибудь повинны, — мы согласны
Отдать тебѣ въ возмездье королевство,
Корону нашу, жизнь, и все, что только
Своимъ у насъ привыкли называть.
Но если-жъ не найдутъ насъ въ виноватыхъ,
Тогда соедини свое терпѣнье съ нашимъ,
И станемъ мы съ тобой работать вмѣстѣ,
Чтобъ дать тебѣ, чего искать ты въ правѣ.
Лаэр. Да будетъ такъ. Причина смерти,
Тайственность печальныхъ похоронъ,

Офелія. Вотъ вамъ укропъ и колокольчики; вотъ для васъ рута и для меня немножко.

Дѣйст. IV. Сцена V.

И ко всѣмъ христіанскимъ душамъ. Я молюсь и
объ этомъ. Господь же съ вами!

[Уходитъ, подпрыгивая].

Кор. Лаэртъ! необходимо долженъ я
Поговорить съ твоею скорбью, коль не хочешь
Несправедливо ты мое нарушить право.
Мы отойдемъ подальше. Изъ друзей
Пусть лучшіе тебя сопровождаютъ;
Пусть слушаютъ и насъ съ тобой разсудятъ.
И ежели они найдутъ, что мы,
Король, — будь прямо иль непрямо тутъ

Отсутствіе надъ чтимыми костями
Меча, герба и родовыхъ трофеевъ,
Забвеніе почетнаго обряда
И выраженія обычнаго печали —
Все это вопіетъ объ оскорбленіи
Такъ громко, что съ земли на небо слышно,
И въ этомъ я потребую отчетъ.

Кор. Онъ будетъ данъ; и пусть за преступленье
Свершится казнь виновному въ отмщенье.
Теперь иди за мной:

[Уходитъ].

СЦЕНА VI.— *Другая комната, тамъ же.*

Входятъ Горацио и слугитель.

Гор. Такъ кто-жъ такой меня желаетъ видѣть?

Служ. Какіе-то матросы; все толкуютъ,
Что къ вамъ у нихъ есть письма

Гор. Пускай они взойдутъ.

[*Служитель уходитъ*]

Я и не знаю,

Откуда только могутъ быть мнѣ письма,
Коль не отъ Гамлета.

Входитъ матросы.

1-й Мат. Богъ да благословить васъ, сударь.

Гор. Да благословить Онъ и тебя!

1-й Мат. Благословить, коли захочетъ. Къ вамъ письмо, сударь, отъ того посла, что былъ посланъ въ Англію, если вы, какъ мнѣ сказали, Горацио.

Гор. [*читаетъ*] «Горацио! Какъ только ты прочтешь письмо, доставь этимъ молодцамъ способъ увидать короля: у нихъ есть къ нему письма. Не успѣли мы пробить въ морѣ и двухъ сутокъ, какъ за нами погнался сильно вооруженный пиратъ. Такъ какъ мы были слишкомъ тяжелы на ходу, то пришлось поневолѣ положиться на свою храбрость. Въ минуту abordage мнѣ удалось первому вскочить на неприятельскій бортъ; но пиратъ мгновенно отцѣпился, такъ что только я одинъ и сдѣлался ихъ плѣнникомъ. Они поступили со мной какъ великодушные разбойники, зная, впрочемъ, что они дѣлаютъ; и я, въ свою очередь, обязанъ отплатить имъ за это. Какъ только король получитъ посланныя ему отъ меня письма, спѣши ко мнѣ, какъ будто бы ты уходилъ отъ смерти. Я вложу тебѣ въ уши такія новости, что ты онѣмѣешь отъ удивленія, и все-таки онѣ будутъ слабѣе ихъ содержанія. Ко мнѣ проведутъ тебя эти добрейшіе ребята. Розенкранцъ и Гильденстернъ продолжаютъ свой путь въ Англію, и про нихъ-то есть много кой-чего поразсказать тебѣ. Прощай

Тотъ, котораго ты долженъ считать своимъ,—

«Гамлетъ».

Пойдемте! Вашимъ письмамъ я какъ-разъ
Открою путь. Поспѣшнѣй отдавайте,
И поскорѣй къ тому меня ведите,
Кто васъ послалъ.

[*Уходитъ*].

СЦЕНА VII-я.— *Другая комната, тамъ же.*

Входятъ Король и Лаврѣй.

Кор. Пусть совѣсть закрѣпитъ въ тебѣ печатью
Мнѣ отпущеніе, и въ сердцѣ станешь
Отнынѣ ты считать меня за друга.
Теперь ты слышалъ самъ и слышалъ ухомъ,
Искавшимъ только истины, что тотъ,
Кто надъ твоимъ отцомъ свершилъ убійство,
Меня хотѣлъ убить.

Лавр. Да, это ясно.

Но объясните мнѣ: зачѣмъ тотчасъ-же
Не предали вы строгости законовъ,
По существу преступныхъ этихъ дѣйствій,
Вполнѣ достойныхъ казни? Почему
Молчали вы о нихъ, въ противность сану,
И безопасности, и мудрости своей?

Кор. О! Есть на это важныхъ двѣ причины,
Тебѣ они покажутся ничтожны,
Но важны—для меня. Все дѣло въ томъ,
Что мать его, а наша королева,
Лишь только имъ однимъ живетъ и дышитъ;
А я,—заслуга это мнѣ, иль кара—
Не знаю самъ,—душой и самой жизнью,
Такъ крѣпко связанъ съ ней, что какъ звѣзда
Изъ орбиты своей не можетъ выдти,
Такъ вотъ и я, противъ ея желанья
Не властенъ поступать. Но и другая
Причина есть, что я не могъ подвергнуть
Его суду: то сильная любовь
Къ нему толпы. Въ любви своей омывъ
Его проступки,—какъ источникъ горный
Что дерево преображаетъ въ камень—
Она ему вмѣнила-бъ въ украшенье
И цѣпь преступника. Моимъ стрѣламъ
Не совладать съ такою силой вѣтра;
Минуя цѣль, онѣ-бъ назадъ вернулись
Къ груди того, кто ихъ туда послалъ.

Лавр. Изъ-за чего-жъ бы мнѣ-то здѣсь терять
Достойнаго отца? Изъ-за чего—сестру,
О комъ, когда-бъ не бесполезно было
Хвалить чего ужъ нѣтъ, сказать бы можно,
Что верхъ она всѣхъ женскихъ совершенствъ,
Насколь они возможны въ наше время—
Въ безуміи отчаянья увидѣть?

Но это безъ возмездья не пройдетъ!

Кор. Да только сонъ изъ-за того не надо
Себѣ тревожить. И о насъ не думай,
Чтобъ изъ такой мы дряблой были глины,
Чтобъ дать себя опасностямъ ципать

За бороду, считая это шуткой.
Объ этомъ вскорѣ ты узнаешь больше.
Мы твоего отца любили—и себя
Мы также любимъ. Ты поймешь...

Входитъ придворный.

Чего тебѣ? Что новаго случилось?

Придвор. Отъ принца есть вамъ письма,
государь:

Вотъ это—вамъ, а это—королевѣ.

Кор. Отъ Гамлета? Да кто же ихъ принесъ?

Придвор. Какіе-то матросы. Только я
Ихъ не видалъ, а письма получилъ
Отъ Клавдіо; а онъ ихъ взялъ
Отъ ихъ проводника.

Кор. Съ тобою мы,
Лаэртъ, прочтемъ ихъ вмѣстѣ.

[*Придворному*] Вы же насъ

Оставить можете.

[*Придворный уходитъ*].

Кор. [*читаетъ*] «Великій и могущественный!
Да будетъ вамъ извѣстно, что я, обезоруженный,
былъ высаженъ на берегъ въ вашемъ королев-
ствѣ. Завтра я буду беспокоить Васъ просьбою о
позволеніи видѣть ваши королевскія очи и, пред-
варительно испросивъ у васъ прощенья, расскажу
тогда объ обстоятельствахъ моего неожиданнаго
и страннаго возвращенья»

«Гамлетъ».

Но что же это

Все значить? Возвратились, нѣтъ-ли,
Съ нимъ и другіе? Нѣтъ ли тутъ обмана?
А можетъ статься—ничего такого
И не бывало?

Лаэртъ. Вамъ знакомъ ли почеркъ?

Кор. Да, это онъ писалъ. «Обезоружень»;—
А тутъ еще, въ припискѣ, говорить
Что онъ: «одинъ». Не можешь ли чего
Мнѣ присоветовать?

Лаэртъ. Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ
Я ужъ совсѣмъ теряюсь, государь.
Но пусть онъ явится! Большое сердце
Горитъ еще сильнѣй во мнѣ отъ мысли,
Что скоро доживу и я до счастья
Швырнуть ему въ лицо: «вотъ что ты сдѣлалъ!»

Кор. А если такъ, Лаэртъ,—а вѣдь иначе
Оно и быть не можетъ; какъ могло бы
Оно и быть не такъ?—то предоставь
Свободу мнѣ руководить тобою.

Лаэртъ. Извольте, государь; но съ тѣмъ, чтобъ
вы меня не принуждали къ примиренью.

Кор. Я собственный твой миръ тебѣ устрою.
И ежели, свернувъ съ своей дороги,
И въ самомъ дѣлѣ онъ теперь вернулся
И ѣхать вновь туда ужъ не захочетъ,
Съумѣю вызвать я его на подвигъ,
Что мной уже обдуманъ и въ которомъ
Онъ неминуемо погибнуть долженъ,
И смерть его собою не подниметъ
И тѣни осужденья,—такъ-что даже
И мать его сочтетъ все дѣло правымъ,
Отдавъ его случайности на долю.

Лаэртъ. Я, государь, готовъ совѣтамъ вашимъ
Послѣдовать, но тѣмъ еще охотнѣй,
Когда-бъ устроилось, чтобъ мнѣ-жъ и быть
Орудіемъ задуманнаго плана.

Кор. Да такъ оно и будетъ. Здѣсь тебя
При Гамлетѣ, когда ты уѣзжалъ,
Хвалили много за одно искусство,
Въ которомъ, говорятъ, ты отличился:
И ни одно изъ всѣхъ твоихъ достоинствъ,
Ни даже всѣ онѣ, бывъ взяты вмѣстѣ,
Въ немъ зависти такой не возбудили,
Какъ это лишь одно, хотя признаться,
Не очень я цѣню его высоко.

Лаэртъ. Какое же искусство, государь?

Кор. Оно не болѣе—какъ лишній бантикъ
На шляпѣ юности; а все-жъ оно
Для васъ необходимо; вамъ радиться
Въ блестящія и легкія одежды
Настолько же пристало, какъ и намъ,
Въ эпоху зрѣлости, носить прилично
И мантии, и мѣховыя шубы,
Что намъ, кромѣ здоровья, придаютъ
Видъ сановитости. Тому назадъ
Два мѣсяца, какъ къ намъ сюда пріѣхалъ
Нормандскій дворянинъ. Видалъ я много
Французовъ, противъ нихъ бывалъ въ походахъ,—
Хорошіе наѣзники они;
Но этотъ между всѣхъ ихъ исключенье:
Онъ просто—чародѣй. Къ сѣдлу приросши,
Выдѣлывать коня онъ заставлялъ
Такія чудеса, что въ мысль иному
Могли придти: не самъ ли воплотился
Онъ въ чудное животное, и вправду,
Они съ конемъ не двѣ ли половины
Одной и той же твари. И мое онъ
Ужъ до того смутилъ воображеніе,
Что ничего придумать я не могъ,
Чего не превзошелъ бы онъ на дѣлѣ
Своею ловкостью.

Лаэртъ. Нормандецъ онъ?

Кор. Да, онъ Нормандецъ.

Лаэртъ Жизнью отвѣчаю,

Что это былъ Ламордъ!

Кор. Ну да, онъ самый.

Лаэртъ. Его я знаю. Онъ, и въ самомъ дѣлѣ,
Между французами, какъ перлъ иль яхонтъ.

Кор. И про тебя онъ много наставлялъ,
Превознося твой навыкъ и умѣнье
По правиламъ оружіемъ владѣть,
Особенно же биться на рапирахъ.
И тѣмъ онъ заключилъ, что вотъ-бы было
Чего смотрѣть, когда бы могъ сыскаться
Тебѣ соперникъ равный.

Божился онъ, что въ ихъ странѣ бойцы
Въ бою съ тобой теряли пылъ въ атакѣ,
Въ защитѣ — смыслъ и даже вѣрность глаза.
Рѣчь эта Гамлета такъ отравила
Сердечной завистью, что онъ тотчасъ же
Справляться сталъ, когда ты возвратишься?
Чтобы съ тобой устроить состязанье.

И это намъ даетъ теперь возможность....

Лаэртъ. Какую, государь?

Кор. Скажи мнѣ прежде:

Любилъ ты своего отца, Лаэртъ?

Иль только ты — изображеніе скорби,
Ея одно подобіе, безъ сердца?

Лаэртъ. Къ чему такой вопросъ?

Кор. Да не къ тому,

Лаэртъ, чтобъ сомнѣвался я въ твоей
Любви къ отцу. Я знаю, что любовь —
Дочь времени: на дѣлѣ-жъ часто вижу,
Что время же, въ минуты испытанья,
Въ ней заглушаетъ прежній блескъ и пламя.

И въ самомъ страстномъ пламени любви
Отъ времени свѣтильня нагораетъ,
И въ немъ торчитъ уродливымъ пятномъ.
Ничто здѣсь совершеннымъ не бываетъ;
И доброе, коль выйдетъ изъ границъ,
Въ самомъ себѣ конецъ себѣ находитъ;
И всё, что захотѣлось бы намъ сдѣлать,
Намъ должно дѣлать, какъ лишь захотѣлось.
Всегда непостоянна наша воля.

Въ ней столько-жъ измѣненій и отсрочекъ,
Насколько рукъ, рѣчей и случаевъ бываетъ,
И «должно» ужъ становится тогда

Однимъ глубокимъ, бесполезнымъ вздохомъ,
Что облегчаетъ насъ цѣной потери
И безъ того некрѣпкихъ нашихъ силъ.

И вотъ-опять намъ надо прикоснуться

До нашего больного мѣста! Гамлетъ

Сюда, положимъ, возвратится. Чѣмъ же

Докажешь ты — не на словахъ, на дѣлѣ,
Что сынъ ты твоего отца?

Лаэртъ. И въ церкви

Перехвачу ему я горло!

Кор. Что же!

Не слѣдуетъ и быть такому мѣсту,
Которое-бъ убѣжище давало
Преступнику; да и законъ возмездья
Не вѣдаетъ границъ. А если такъ,
То уходи, мой дорогой Лаэртъ,
Къ себѣ домой! Нашъ Гамлетъ, возвратившись,
И о твоёмъ узнаетъ возвращеньи;
Мы сдѣлаемъ, что станутъ всѣ хвалить,
Въ его присутствіи, твое искусство,
И рѣчи тѣ удвоятъ лоскъ похвалъ,
Что расточалъ тебѣ французъ заѣзжій.
Короче: мы устроимъ это такъ,
Что васъ сведёмъ мы вмѣстѣ и за васъ
Въ закладъ ударимся, и Гамлетъ приметъ
Нашъ этотъ споръ за чистую монету.
Въ безопасности и чуждый подозрѣнья,
Не станетъ онъ осматривать рапиръ:
Но ты возьмешь — съ концомъ непритупленнымъ,
И ловкимъ выпадамъ, за смерть отца,
Ему отплатишь разомъ!

Лаэртъ. Это все

Я сдѣлаю: и даже, съ этой цѣлью,
Почту помазаньемъ свою рапиру.
Досталъ я у бродячаго жида
Такой смертельный ядъ, что стоить только
Ножемъ къ нему коснуться и потѣмъ
Царапину лишь сдѣлать, и тогда,
И въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ такой припарки —
Вари ее изъ тысячи лѣкарствъ —
Чтобы могла спасти она отъ смерти.
И этой-то отравой я намажу
Конецъ моей рапиры, и тогда —
Лишь удалось бы мнѣ его коснуться —
Ему и смерть!

Кор. Всё это надо намъ

Обдумать хорошенько, — согласить
И время, и орудія успѣха.

Вѣдь ежели-бы планъ нашъ не удался

По случаю плохаго исполненья,

То лучше бы его не начинать;

Поэтому — для насъ необходимо

Съ собой имѣть еще другой — въ запасъ:

Чтобъ ежели одинъ не удался,

Другой бы могъ достигнуть той же цѣли.

Постой! Дай мнѣ сообразить! Мы держимъ

О васъ закладъ. Ну-вотъ, я и нашель.

Когда задоръ наступитъ вашей битвы,
Разгорячитесь вы и захотите пить,
[А ты старайся нападать сильнѣе]
И онъ тогда напиться вдругъ захочетъ,
То у меня готовъ ужъ будетъ кубокъ.
Пусть только прихлебнетъ, — и наша цѣль,
Хоть-бы и спасся онъ отъ отравленной стали —
Вполнѣ достигнута. Постой-ка! Что за шумъ?

Входитъ Королева.

Что скажешь ты, Гертруда?

Королева. Я скажу:

Идешь за горемъ горе по пятамъ,
И быстро слѣдуютъ несчастья другъ за другомъ.
Лаэртъ, сестра твоя, бѣдняжка, утонула!

Лаэрт. Моя Офелія? О! какъ же это?

Королева. Тамъ ива есть: она къ струямъ по-
тока

Такъ близко наклонилась, что глядится
Въ него своей сребристою листвою.
Офелія къ ней принесла вѣнки,
Причудливо сплетенные изъ дикихъ
Ранункуловъ, крапивки, маргаритокъ,
И пестрыхъ слезъ кукушки съ ихъ пурпурнымъ
И длиннымъ цвѣтомъ, что у насъ въ народѣ
Какимъ-то грубымъ именемъ зовутся, *]
У скромницъ-же — перстами мертвеца.
И тутъ, по ней, взбираясь надъ потокомъ
Чтобъ на вѣтвяхъ ея склонившихся повѣсить
Вѣнокъ, пестрѣвшій дикими цвѣтами,
Она на сукъ завистливый ступила,
И онъ подъ ней мгновенно подломился,

*] Кукушкины слезки — *Orchis Morio*.

Перев.

И тутъ же, разомъ, всѣ ея трофеи
Упали съ ней же въ плачущія волны!
Въ широко распустившейся одеждѣ
Она казалась издали Сиреной
И пѣла все, все-пѣла въ это время
Ключки старинныхъ пѣсень, безъ сознанья
Опасности, иль будто существо,
Рожденное въ грозившей ей стихіи.
Такъ долго продолжаться не могло:
Отяжелѣвъ, намокшіе покровы
Бѣдняжку увлекли отъ сладкихъ пѣсень —
Къ могилѣ тинистой!

Лаэрт. О горе! горе!

И что-жъ? Бѣдняга такъ и утонула?

Королева. Да, утонула! утонула!

Лаэрт. Много

Ужъ надъ тобой, Офелія, воды...
Съумѣю удержать свои я слезы!
А все-таки инстинктъ, природа наша,
Склоняетъ насъ къ обычному закону.
Пусть ложный стыдъ, что хочетъ, говоритъ, —
Я выплачусь, и со слезами вмѣстѣ,
Все женское тогда во мнѣ исчезнетъ.
Прощайте, государь! Во мнѣ есть много
Невысказанныхъ словъ; они-бъ теперь-же
На свѣтъ прорвались огненнымъ потокомъ,
Не затопи ихъ глупая печаль!

[*Уходитъ*].

Кор. Пойдемъ за нимъ, Гертруда! Трудно было
Мнѣ съ дикимъ бѣшенствомъ его возиться;
Оно, боюсь, теперь проснется вновь.
Пойдемъ, пойдемъ за нимъ!

[*Уходятъ*].

ДѢЙСТВІЕ V^е

СЦЕНА I-я. — Церковное кладбище.

Входятъ два могильщика съ заступами и проч.

1-й Могильщ. Да развѣ можно хоронить ее по христіански, коли она возымѣла умыселъ противъ своего собственнаго спасенія?

2-й Могильщ. Сказано — «можно»: такъ ты и копай проворнѣй. Слѣдователь посмотрѣлъ и говоритъ: «похоронить по христіански».

1-й Могильщ. Ну какъ же этому можно быть, коли только она утопилась не ради собственной защиты?

2-й Могильщ. Тебѣ-то что? Вѣдь самое это и нашли!

1-й Могильщ. Э, нѣтъ! Вѣрно тебѣ говорю, тутъ было оскорбленіе дѣйствіемъ самого себя. Да по существу дѣла, оно иначе не могло и быть. А существо дѣла тутъ слѣдующее. Если я, на примѣръ, топлюсь сознательно, то этимъ удостоверяется во мнѣ свобода дѣйствія; а такъ-какъ дѣйствіе имѣетъ три степени: умыселъ, приготовленіе и совершеніе, то и слѣдуетъ, что она утопилась предумышленно.

2-й Могильщ. Да нѣтъ же, не такъ! Ты хоть самъ-то ужъ разсуди, почтеннѣйшій мой гробокопатель!...

1-й Могильщ. Дозвольте мнѣ продолжать-сь! Вотъ здѣсь, положимъ у насъ вода. Хорошо! А здѣсь — пострадавшая личность. И это хорошо. Если же теперь, самая эта личность пошла къ водѣ и утонула, то это и значить, что, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, а все-таки сама она утопилась; потому что именно она-то и подошла къ водѣ, — замѣтьте это. Вотъ если бы вода подошла къ ней, да ее утопила, ну, тогда это было бы дѣло другое, и она не была бы утопленникомъ. А принявъ все это къ соображенію, и выходить, что только тотъ не подлежитъ отвѣтственности въ своей собственной смерти, кто не сокращалъ самъ своей жизни!

2-й Могильщ. Это такой законъ?

1-й Могильщ. Ну да, чортъ возьми, законъ! Прямой положительный законъ слѣдственно-уголовнаго права

2-й Могильщ. А вотъ, хочешь-ли, я скажу тебѣ всю правду? Не будь она благородная, то и не стали бы по христіански хоронить ее!

1-й Могильщ. Вотъ-это говоришь ты настоящее дѣло. Тѣмъ-то оно и досаднѣй, что знатнымъ людямъ и топить-ся-то, и вѣшаться-то въ этомъ мірѣ способнѣе, чѣмъ намъ, такимъ же христіанамъ. — Подай-ка сюда лопату. — Нѣтъ никого изъ дворянъ родовитѣе садовника, землекопа да могильщика! Всѣ они — одного и того же Адамова цеха.

2-й Могильщ. Да развѣ Адамъ былъ дворянинъ?

1-й Могильщ. Еще бы нѣтъ! Никто раньше его у себя на гербу не носилъ лопаты.

2-й Могильщ. Что ты, что ты! Да у него и лопаты не было!

1-й Могильщ. Язычникъ что ли ты? Такъ ли долженъ ты разумѣть Писаніе? Въ Писаніи сказано — «Адамъ копалъ землю»: какъ же онъ могъ копать ее безъ лопатки? А нутка-вотъ: я загадаю тебѣ другой вопросъ: и если ты отвѣтишь на него не по настоящему, то и признавайся лучше, что ты...

2-й Могильщ. Ну-ну, задавай!

1-й Могильщ. Отвѣчай мнѣ: кто строитъ прочнѣе каменщика, корабельщика и плотника?

2-й Могильщ. Кто строитъ-то? А вотъ хоть-бы и тотъ, кто становитъ висѣлицы, потому что его постройка переживаетъ тысячи жильцовъ.

1-й Могильщ. За такой отвѣтъ слѣдовало бы тебя самого повѣсить, хоть бы и для того, чтобы ты впередъ не болталъ, что будто висѣлицы бываютъ прочнѣе церкви. Начинай, братъ, съ изнова!

2-й Могильщ. Вѣдь ты спрашиваешь: кто строитъ прочнѣе каменщика, корабельщика и плотника?

1-й Могильщ. Да, да, скажитка теперь — да и проваливай!

2-й Могильщ. Да ну-те къ шуту! теперь, пожалуйста, скажу.

1-й Могильщ. Къ дѣлу, къ дѣлу!

2-й Могильщ. Вотъ она, бѣда-то! Никакъ не могу, братъ, угадать!

Входятъ Гамлетъ съ Гораціо и останавливаются въ отдаленіи.

1-й Могильщ. Такъ и не ломай головы по пустому: потому что сколько лѣниваго осла ни колоти, а онъ

Гам. О немъ самомъ, сударь.

Оср. Я знаю, принцъ, что и вамъ не безъизвѣстно...

Гам. По крайней мѣрѣ я желалъ бы, чтобъ это было правда. А впрочемъ, если бы вы сказали мнѣ правду, то и это не принесло бы мнѣ особой чести. Далѣе, сударь?

Оср. Вамъ уже не безъизвѣстно, принцъ, съ какимъ превосходствомъ Лаэртъ...

Гам. Я даже и боюсь подтверждать это, чтобы не встрѣтиться съ необходимостью себя съ нимъ сравнивать; потому что знать хорошо человѣка было бы тоже, что самого себя.

Оср. Я только желалъ выразиться предъ вашимъ высочествомъ о превосходствѣ его владѣть оружіемъ: такъ-какъ о немъ идетъ молва, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ему равнаго.

Гам. А какое его оружіе?

Оср. Рапира и кинжалъ.

Гам. Стало быть, не одно оружіе, а два. Но, продолжайте.

Оср. Король держитъ противъ него, ваше высочество, шесть Варварійскихъ коней, — а Лаэртъ, съ своей стороны, также посотвѣтствовалъ его величеству, заложившись противъ васъ, какъ я слышалъ, шестью французскими рапирами и шестью кинжалами съ ихъ принадлежностями, какъ то: ремнями, пристежками, и прочимъ. Въ особенности части передвиженія, въ числѣ трехъ, необыкновенно у нихъ привлекательны, и какъ нельзя удачнѣе приспособлены къ ручкамъ; — необыкновенно тонкой работы и, говоря безъ преувеличенія, какъ нельзя больше широко задуманы.

Гам. Что называете вы «частями передвиженія?»

Гор. Я такъ и зналъ, что прежде чѣмъ вамъ дойти съ нимъ до конца, вамъ придется заглядывать къ нему въ тетрадку.

Оср. Части передвиженія — это пристежки, принцъ.

Гам. Выраженіе это больше бы подходило къ дѣлу, если бы мы носили у себя съ боку пушки: а до тѣхъ поръ будемъ ужъ лучше называть ихъ перевязями. И такъ: шесть Варварійскихъ коней — противъ шести французскихъ мечей съ ихъ принадлежностями и «широко задуманными частями передвиженія». Настоящій французскій закладъ, противу датскаго! А по какому случаю сдѣлалось это «посотвѣтствіе», какъ вы изволили выразиться?

Оср. Король побился, принцъ, что изъ двѣнадцати ударовъ вы отдадите Лаэрту не болѣе трехъ, — а Лаэртъ стоитъ на томъ, что онъ непре-

мѣнно возьметъ у васъ — девять; и закладъ этотъ могъ бы быть разыгранъ сейчасъ же, еслибы ваше высочество соблаговолили отвѣтить.

Гам. А что будетъ тогда, если я отвѣчу: нѣтъ?

Оср. Я предполагалъ, принцъ, что въ настоящемъ случаѣ вамъ будетъ угодно отвѣтить противупоставленіемъ Лаэрту собственной вашей персоны.

Гам. Теперь, сударь, часть моего отдыха, и я еще останусь здѣсь въ залѣ. Доложите же отъ меня королю, что ежели будетъ угодно его величеству, то пусть намъ сюда и принесутъ рапиры: и если достойный джентльменъ изъяснитъ на это свое согласіе и король не откажется отъ заклада, то я употреблю всѣ усилія, чтобы выиграть его для короля: въ противномъ случаѣ, для самого себя выиграю стыдъ и нѣсколько лишнихъ ударовъ.

Оср. Этими словами и прикажете доложить?

Гам. Именно въ этомъ смыслѣ, а затѣмъ уже все, что только ваше цвѣтистое воображеніе будетъ въ состояніи придумать.

Оср. Поручаю себя къ услугамъ вашей милости.

Гам. И я вашъ, и я вашъ. [*Осрикъ уходитъ*]. Онъ умно дѣлаетъ, что самъ себя рекомендуетъ, потому что никто другой не взялся бы за это.

Гор. Однакожъ эта пигалица побѣждала теперь со скорлупкою на головѣ.

Гам. О, да вѣдь онъ прежде чѣмъ началъ сосать, навѣрное присѣдалъ передъ грудью собственной своей матери. Вотъ этакой-то господинъ со множествомъ извѣстныхъ мнѣ другихъ одинакого съ нимъ помета, но которымъ все еще до полнѣйшаго самозабвенія продолжаетъ кадить наше выродившееся племя, больше ничему и не научились, кромѣ умѣнья подыгрывать въ тактъ времени и ослаблять глаза лоскомъ свѣтскости. И въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ есть какъ-будто бы отброски какихъ-то дрожжей, которыя, обращая ихъ въ пѣну, тѣмъ самымъ и сообщаютъ имъ способность держаться поверхъ дѣйствительно вѣскихъ и основательныхъ понятій. Но попробуйте на нихъ хорошенько дунуть, и вотъ пузыри ваши полопались.

Входитъ знатная особа.

Знатн. особа. Ваше высочество! Его величеству было угодно обратиться къ вамъ чрезъ посредство Осрика, который принесъ отъ васъ такого рода отвѣтъ, что вы будете ожидать ихъ въ залѣ. Теперь его величеству угодно знать: согласны ли вы сейчасъ же приступить къ состязанію съ Лаэр-

томъ, или прикажете отложить это до другаго времени.

Гам. Я не измѣняю моихъ рѣшеній, а они всегда согласуются съ волею короля. Угодно ему — и мнѣ угодно, сейчасъ, или когда онъ прикажетъ, — если только я буду тогда въ состоянii ему повиноваться, какъ въ эту минуту.

Знатн. особа. Въ такомъ случаѣ король, королева и весь дворъ придутъ сюда сейчасъ же.

Гам. Въ добрый часъ; добро пожаловать.

Знатн. особа. Королева желаетъ, съ своей стороны, чтобы ваше высочество, передъ началомъ состязанія, обратились къ Лаэрту съ нѣсколькими дружескими словами.

Гам. Это — прекрасный совѣтъ.

[Знатная особа уходитъ].

Гор. Проиграете вы, принцъ.

Гам. Не думаю. Пока Лаэртъ ѣздилъ во Францію, я постоянно упражнялся. Онъ слишкомъ много далъ впередъ, и я непремѣнно выиграю. А только ты не повѣришь, какъ тяжело у меня на сердцѣ! А впрочемъ, это вздоръ.

Гор. Чтѣ-жъ такое, любезнѣйшій принцъ?

Гам. Да такъ, глупость. Родъ какого-то предчувствія, которое непремѣнно взбудоражило — бы женщину.

Гор. Если наше внутреннее чувство отвращаетъ насъ отъ чего-нибудь, то его должно слушаться. Позвольте мнѣ предупредить ихъ приходъ и сказать имъ, что вы не расположены сегодня.

Гам. Ни подъ какимъ предлогомъ. Разъ испытавъ надъ собою, что безъ особой воли Провидѣнія и воробей не погибнетъ, я не хочу поддаваться никакимъ авгурамъ. Чему быть сегодня, тому не бывать завтра; чему не бывать завтра, тому быть сегодня; чему не придти въ настоящемъ, тѣ самое непремѣнно когда-нибудь случится съ тобою въ будущемъ. Все дѣло — въ готовности. Развѣ человѣкъ, котораго покидаетъ жизнь, можетъ напередъ знать, отъ чего онъ уходитъ? Чему быть — пусть оно и будетъ!

Входятъ Король, Королева, Дворъ, Свита и слуги съ рапирами.

Кор. Поди сюда, мой Гамлетъ, подойди сюда поближе и изъ нашихъ рукъ, Прійми вотъ-эту руку!

Соединяетъ руку Гамлета съ рукой Лаэрта.

Гамлетъ [къ Лаэрту]. Прошу, сударь, у васъ прощенья, зная

Что дерзко обошелся съ вами; вы же, Простите мнѣ, какъ дворянинъ. Всѣ знаютъ, И вы могли, конечно, сами слышать, Что одержимъ я умственнымъ разстройствомъ. Я подтверждаю вамъ,

Что все во мнѣ, что грубо возбудило Вашъ гнѣвъ, задѣло честь и оскорбило Въ васъ чувство, было лишь мое безумье. Нѣтъ, то не Гамлетъ оскорбилъ Лаэрта! Никакъ не Гамлетъ. Если онъ, Бывъ внѣ себя, ставъ не самимъ собою, Нанесъ и вамъ въ ту пору оскорбленье, Не Гамлетъ это былъ: онъ это самъ, Предъ вами, здѣсь, открыто утверждаетъ. Кто-жъ виноватъ? Одно его безумье!

А если такъ, то вѣдь и Гамлетъ Не меньше вашего имъ оскорбленъ: Оно ему, бѣднягѣ, первый врагъ! Здѣсь, сударь, въ самомъ этомъ мѣстѣ, Въ присутствii почтеннаго собранья, — Дозвольте вашимъ благороднымъ чувствамъ, Принять мое предъ вами отреченье Отъ умысла въ винѣ моей невольной: И оправдать меня, какъ всякаго другаго, Который, чрезъ домъ пустивши стрѣлу, Задѣлъ бы ею брата своего!

Лаэр. Въ душѣ хотъ у меня и есть причины Вамъ мстить, готовъ я съ вами помириться; Но въ смыслѣ чести, этого мнѣ мало. Не успокоюсь я, пока другими, Старѣйшими, чѣмъ съ вами мы судьями И опытными въ столкновеньяхъ чести, По сообщеніи имъ всѣхъ прецедентовъ, Не будетъ признано, что этотъ миръ, Не принесетъ собою мнѣ безчестья. До тѣхъ же поръ, я дружбу вашу встрѣчу Такою жъ дружбою и вашихъ чувствъ Не оскорблю.

Гам. Охотно соглашаюсь, И къ братскому турниру приступаю Съ свободной совѣстью. Рапиры намъ И къ дѣлу!

Лаэр. Хорошо, начнемте. Дайте-жъ И мнѣ одну.

Гам. Съ моимъ умѣньемъ, Противъ тебя, Лаэртъ, я не рапирой, А развѣ фольгой буду; и на ней Твое искусство ярко заблестаетъ, Какъ свѣтлый лучъ полуночной звѣзды.

Лаэр. Вы, принцъ, смѣтаетесь надо мной?

Гам. Нисколько!

Рука тебѣ порукой.

Кор. Дай имъ, Осрикъ,

Теперь рапиры. Ты вѣдь, Гамлетъ, знаешь

Въ чемъ нашъ закладъ?

Гам. Такъ точно, государь!

Закладъ вашъ за того, кто вамъ казался

Слабѣе. —

Кор. Мнѣ тутъ нечего бояться.

Я васъ видалъ обоихъ. Если онъ

И сталъ искуснѣе, за то у насъ

Есть лишніе удары.

Лаэр. Эта мнѣ

Рапира тяжела; другую дайте.

Гам. Мнѣ хороша и эта. А одной ли

Онъ длины?

Оср. Одной, дражайшій принцъ.

Кор. На столъ сюда съ виномъ поставьте кубки.

Коль Гамлетъ первый нанесетъ ударъ

Или второй, или отвѣтитъ третьимъ

За третій, пусть тогда орудья грянуть

Со всѣхъ бойницъ, — то будетъ пить король

Здоровье Гамлета, и въ кубокъ онъ

Опуститъ дивный перлъ, какого нѣтъ

Въ коронѣ Даніи, что украшала

Преемственно чело у четырехъ.

Ея властителей. Подайте-жъ вы

Мнѣ кубки: пусть тогда литавры

Разскажутъ трубачамъ, а трубы пушкамъ,

А пушки небесамъ, а небеса

Землѣ, что Гамлета здоровье пьетъ

Его король. Теперь — начинайте!

Вы-жъ, судьи, не теряйте глазъ.

Гам. Начнемте.

Лаэр. Начнемте, принцъ.

[Бьются].

Гам. Ударъ!

Лаэр. Ошиблись!

Гам. Судьи?

Оср. Ударъ, ударъ безспорно!

Лаэр. Продолжайте.

Кор. Остановитесь! Дайте мнѣ вино.

Перлъ этотъ, Гамлетъ, твой. Твое здоровье!

[Литавры, трубы и пушечные выстрѣлы].

Ему подайте кубокъ!

Гам. Нѣтъ, дозвольте

Мнѣ прежде кончить. Къ сторонѣ поставьте.

Начнемъ!

[Бьются].

Еще ударъ! Теперь что скажешь?

Лаэр. Да, да, ударъ, я сознаюсь.

Кор. [къ Королеву] Похоже

Что сынъ нашъ побѣдитъ?

Королева Онъ слишкомъ половъ,

И у него дыханье коротко.

Вотъ, Гамлетъ, мой платокъ, — возьми къ себѣ

И обтирай лицо. Смотри, и королева

За твой успѣхъ знакомится съ бокаломъ!

Гам. Благодарю и васъ.

[Королева беретъ за кубокъ]

Кор. Тебѣ, Гертруда,

Не надо пить.

Королева. Я очень пить хочу,

Такъ вы ужъ мнѣ дозвольте, государь.

[Пьетъ съ торопливостію].

Кор. [въ сторону] Га! кубокъ съ ядомъ и
теперь — ужъ поздно!

Гам. Я кубкомъ не могу еще отвѣтить.

Вотъ-вотъ сейчасъ.

Королева. Да поди же Гамлетъ,

Дай обтереть тебѣ лицо.

Лаэр. [къ Королю] Смотрите, государь! Вотъ-
непремѣнно

Ему ударъ!

Кор. Не думаю.

Лаэр. [въ сторону]. Однакожъ

Противъ него мнѣ совѣстно.

Гам. За третьимъ

Иду, Лаэртъ! Мнѣ кажется, ты шутишь.

Нельзя-ль тебѣ со мной употребить

Поболѣе искусства. Мнѣ сдается —

Ты школьника играешь изъ меня?

Лаэр. Э! такъ-то вы? Ну-такъ держитесь!

[Бьются].

Оср. Ни тотъ и ни другой!

Лаэр. [выпадая] Вотъ вамъ и третій!

[Лаэртъ ранитъ Гамлета и роняетъ рапиру. Гамлетъ бросаетъ свою, но увидя на себѣ кровь, схватываетъ по ошибкѣ рапиру Лаэрта а тотъ его. Они снова бьются, и Гамлетъ ранитъ Лаэрта его прежнею рапирою].

Кор. Да разнимите-жъ ихъ: они совсѣмъ
Съ ума сошли!

Гам. Нѣтъ — бьемся!

[Королева падаетъ].

Оср.

Стойте! стойте!

Что съ королевою?

Кор. Смотрите, оба
Они въ крови! Что съ вами, добрый принцъ.

Оср. Лаэртъ, что съ вами?

Лаэрт. Я попался, Осрикъ,
Какъ глупый тетеревъ, въ свои-жъ тенета;
За вѣроломство я свое убить,
И—справедливо.

Гам. Отъ чего, скажите,
Такъ дурно съ королевой?

Кор. Дурнота
При видѣ крови,—

Королева. Нѣтъ, то кубокъ, кубокъ!
Да, Гамлетъ мой! То кубокъ: имъ-то я
Отравлена!

[Умираетъ].

Гам. О подлость! Гей, заprite
Всѣ двери! Здѣсь измѣна; про нее
Сыскать намъ должно!

[Лаэртъ падаетъ].

Лаэрт. Этотъ трудъ напрасенъ:
Предатель на лицо. О Гамлетъ, Гамлетъ!
Ты вѣдь убить. Нѣтъ въ мѣрѣ средства
Тебя спасти; въ тебѣ на полчаса
Не хватить жизни. Посмотри, ты держишь
И самъ въ рукахъ орудіе коварства:
Конецъ его отточень и покрытъ
Смертельнымъ ядомъ, и моя погибель
Лишь плата мнѣ за гнусный мой поступокъ.
Вотъ-я, смотри, прилѣгъ теперь на землю,
И мнѣ съ нея ужъ больше не подняться.
И королева также
Отравлена... Я больше не могу...
Король, о да! Король всему причиной!

Гам. Такъ на рапирѣ ядъ? Ее и въ дѣло!

[Ранитъ Короля]

Всѣ. Измѣна здѣсь! Измѣна!

Король. Защитите-жъ
Меня, друзья мои! я только раненъ!

Гам. [заставляя короля допить кубокъ]
Такъ-вотъ же извергъ Даніи! Убийца!
Кровосмѣситель! Допивай
Свое же пойло!
Такъ этотъ-то твой перлъ?
Ступай за матерью!

[Король умираетъ]

Лаэрт. Онъ угощенъ
Достойно. Самъ же онъ отраву эту
И приготовилъ. Благородный Гамлетъ!
Не время ль намъ прощеньемъ размыяться,

Да не падеть и на тебя укоромъ
Прискорбный случай надъ моимъ отцомъ,
Ни также смерть моя: твоя же смерть,
Да не вмянется мнѣ...

[Умираетъ].

Гам. Прости ее
Тебѣ Господь! И я—вслѣдъ за тобою.
Я мертвъ уже, Гораціо. А вы,
Вы блѣдные, трепещущіе люди!
Вы, зрители всего, что совершилось,—
Отъ ужаса нѣмые! Еслибъ только
Мнѣ было время... Еслибъ грозный этотъ
Вербовщикъ, смерть, не влекъ меня къ аресту,—
О, я сказалъ бы вамъ... но такъ и быть!
Гораціо—я мертвъ. Ты остаешься
Въ живыхъ, такъ оправдай меня
Предъ недовольными.

Гор. И мнѣ не жить!
Я Римлянинъ скорѣе, чѣмъ Датчанинъ;
А въ кубкѣ вѣдь отравы!

[Схватываетъ кубокъ]

Гам. Если ты
Не женщина, сейчасъ отдай мнѣ кубокъ!
Оставь же, говорю! Клянуся Богомъ—
Онъ будетъ мой! [вырываетъ кубокъ у Гораціо].

О Боже, Боже!

Гораціо! Какой позоръ въ наслѣдство
Для моего ты имени готовилъ,
Когда-бъ, чему на свѣтѣ явиться должно,
Осталось неизвѣстнымъ? Если ты
Когда-нибудь считалъ себя мнѣ другомъ—
Побудь еще въ разлукѣ хоть немного
Съ обителю блаженного покоя!
Останься подышать еще страданьемъ
Средь этого безчувственного міра,
И будь предъ нимъ глашатаемъ правдивымъ
Моей судьбы!

[Вдали за сценой слышны выстрѣлы
и звуки военной музыки]

Откуда эти боевые звуки?

Оср. Прибыть это Фортинбраса съ войскомъ,
Съ побѣдою изъ Польши, и посламъ
Изъ Англіи обычное отданье
Военныхъ почестей.

Гам. [падая на руки окружающихъ]. Я умираю,
Гораціо! Могучая отравы
Во мнѣ уже сломила силу жизни.
Вѣстей изъ Англіи я не дождусь,
Но предрекаю
Избрание молодого Фортинбраса.

Даю ему и мой предсмертный голосъ.
Скажи ему о томъ и передай
О всѣхъ причинахъ, малыхъ и великихъ,
Чѣмъ вызваны прискорбныя событія...
И заключи молчаньемъ....

[Умираетъ].

Гор. О Боже! Въ этомъ благородномъ сердцѣ
Уже погасла жизнь!

Форт. Возможно ль это?

И никому, и никому пощады?
О смерть высокомерная! Какой же
Роскошный пиръ ты у себя справляешь
Въ темницахъ вѣчности, когда ужъ разомъ
По столько жертвъ въ семьѣ великихъ міра,
Погибели кровавой обрекаешь?

1-й Пос. Здѣсь царство ужасовъ: и наши вѣсти

Гамлетъ [заставляя короля допивать кубокъ].
Такъ вотъ же извергъ Даніи! Убійца!
Кровосмѣстель! Допивай свое же поило!

Дѣйст. V. Сцена II.

Спи сладко, доброй ночи,
Мой милый принцъ! Пусть пѣснями святыми,
Сонмъ ангеловъ лелѣетъ твой покой!

[За сценою слышны приближающіеся
барабанишки].

Зачѣмъ идуть къ намъ съ барабаннымъ боемъ?

Входятъ Фортинбрасъ, Англійское посольство и проч.

Форт. Гдѣ, гдѣ они?

Гор. Что видѣтъ вы хотите?

Хотите горя? дивъ? Такъ-заключите
Здѣсь ваши поиски!

Пришли изъ Англіи ужъ слишкомъ поздно.
Безжизненъ слухъ того, кому бы должно —
Отъ насъ узнать о точномъ исполненіи
Его приказа, и отъ насъ услышать,
Что Розенкранцъ и Гильденстернъ — ужъ мертвы.
И кто же намъ за то спасибо скажетъ?

Гор. Не онъ, не онъ, хотя-бъ имѣлъ возмож-
ность

Быть вамъ признательнымъ. Онъ никогда
Не требовалъ ихъ смерти. Но какъ вы
Нежданно, вдругъ, къ событіямъ кровавымъ.
Сошлись здѣсь, одни — съ войны изъ Польши

Другіе же—изъ Англіи, то прикажите
Тѣла ихъ выставить на катафалкѣ
Передъ толпой, чтобъ мнѣ удобнѣй было
Открыть передъ лицомъ невѣдущаго міра,
Причины совершившихся событій.
Услышите вы о дѣлахъ постыдныхъ,
Дѣяніяхъ кровавыхъ, несогласныхъ
Съ законами природы человѣка,
О неожиданныхъ рѣшеніяхъ, объ убійствахъ
Нечаянныхъ, о казняхъ, вѣроломно
Задуманныхъ, и—вынужденныхъ казняхъ,
И въ заключеніе, какъ вѣроломство
И тѣхъ сгубило, кто его замыслилъ.
О всемъ объ этомъ расскажу я вамъ
По сущей правдѣ.

Форт. Поспѣшимъ теперь же.
Мы это выслушать, и для того
Велимъ созвать сановниковъ мудрѣйшихъ.
Что-жъ до меня — то я, со скорбью сердца,
Встрѣчаю здѣсь себѣ подарокъ счастья,
На Датскую корону я имѣю

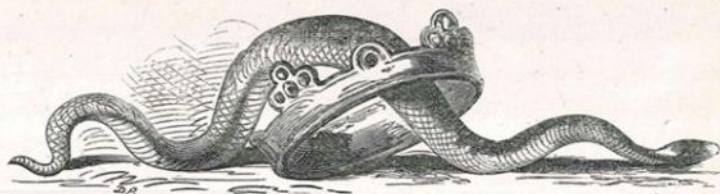
Давнишнія права, и въ этотъ разъ
Я вамъ о нихъ открыто предъявляю.

Гор. Объ этомъ же и я имѣю нѣчто
Вамъ передать изъ устъ того, чей голосъ,
Къ вамъ привлечетъ и множество другихъ;
Но только поспѣшите исполненіемъ,
Пока еще народъ въ недоумѣніи,
Не то онъ, по незнанію, иль коварству,
На ложный путь шаги направить можетъ,
И новыхъ бѣдъ тогда не миновать.

Форт. Пусть тѣло Гамлета четыре капитана,
Въ сопровожденіи всѣхъ почестей военныхъ
И громкой музыки, на катафалкѣ положить.
Когда-бъ судьба ему престолъ опредѣлила,
Навѣрное-бъ онъ былъ его достоинъ.
Примите трупы. Этотъ видъ приличенъ
На полѣ битвы, но никакъ не здѣсь.
Велите войску начинать салютъ.

[Похоронный маршъ; всѣ уходятъ за тру-
пами, и затѣмъ раздастся за сценою
звонъ изъ орудій].

Н. Макаковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ДРАМѢ В. ШЕКСПИРА „ГАМЛЕТЪ“.

1. Шекспиръ заимствовалъ содержаніе своей величайшей трагедіи *Гамлетъ* изъ разсказа Саксона Грамматика объ *Амлетѣ Ютландскомъ* *], но дѣйствіе изъ глубокой древности, изъ временъ владычества скандинавскихъ народовъ на сѣверѣ Европы, онъ перенесъ въ эпоху ближайшую ко времени, въ которомъ самъ жилъ. Люди, выведенные имъ въ піесѣ, — люди конца пятнадцатаго или начала шестнадцатаго столѣтія. Ихъ понятія, вѣрованія и степень умственного развитія, равно какъ ихъ образъ жизни, таковы, что не можетъ быть въ томъ сомнѣнія, еслибъ даже не упоминалось въ піесѣ объ университетахъ, не говорилось о пушкахъ, о часахъ съ боемъ, о чулкахъ и. т. п.

*] Вотъ что разсказываетъ Саксонъ Грамматикъ въ своей хроникѣ. «Король Даніи Рорикъ, послѣ смерти Гервендіа, бывшаго правителемъ Ютландіи, передалъ власть надъ этой страной его сыновьямъ, Фенго и Хорвендію. Последний своими подвигами на сушѣ и на морѣ снискалъ себѣ такую любовь короля, что тотъ отдалъ ему въ жены дочь свою, Геруту. Завистливый Фенго возненавидѣлъ брата; долго онъ выискивалъ случая погубить Хорвендіа и, наконецъ, воспользовавшись обстоятельствами, убилъ его, послѣ чего женился на его вдовѣ Герутѣ, увѣривъ ее, что причиной братоубійства была страстная любовь къ ней.

Амлетъ, сынъ Геруты отъ Хорвендіа, поставилъ себѣ задачей отмстить за смерть отца его убійцѣ. Для удобства выполненія своего намеренія, онъ прикидывается веселымъ дурачкомъ, ходитъ въ грязномъ рубищѣ и дѣлаетъ такіе поступки, которые дѣйствительно заставляютъ окружающихъ думать, что онъ помѣшался. Постояннымъ занятіемъ Амлета, казавшимся безсмысленнымъ для придворныхъ, было то, что онъ вырѣзывалъ изъ дерева кривыя палочки и сушилъ ихъ на горячихъ угляхъ, выгребая ихъ голыми руками изъ камина.

Но все же, самому Фенго и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ поведение Амлета внушало подозрѣніе и потому было рѣшено испытать Амлета, сначала устроивши ему свиданіе съ одной прекрасной дѣвушкой, потомъ заперевъ его наединѣ съ матерью, причемъ одинъ изъ придворныхъ долженъ былъ подслушать ихъ разговоръ. Но и то и другое испытаніе не удалось, а въ послѣднемъ еще придворный поплатился за свое подслушаніе жизнью; Амлетъ отыскалъ его за пологомъ ложа, закололъ, изрубилъ на части и, сваривъ его мясо и кости, выкинулъ все на сѣденіе свиньямъ; послѣ чего успѣлъ своими доводами убѣдить свою мать обратиться на путь добродѣтели.

Затѣмъ Амлета посылаютъ въ Британію и съ нимъ отправляютъ двухъ придворныхъ, въ качествѣ провожатыхъ. Въ морѣ, когда прово-

2. Въ рисункахъ нашихъ, принадлежащихъ болѣею частью карандашу знатока исторіи костюмовъ, Л. Л. Бьялкина, мы держались костюмовъ и обстановки конца пятнадцатаго столѣтія, основываясь на одномъ выраженіи Гамлета; именно, въ V актѣ, сцена I, онъ говоритъ между прочимъ Гораціо: «носокъ [обуви] мужика до того придвинулся къ пяткѣ придворнаго, что вередить ее» [...the toe of the peasant comes so near the heel of the courtier, he galls his kibel].

Это мѣсто объясняется модой второй половины XV столѣтія носить обувь съ очень острыми и длинными носками. Въ 1482 г. эта мода достигла до крайнихъ предѣловъ; съ началомъ XVI столѣтія такая обувь уже вывелась изъ употребленія.

жатые спали, Амлетъ нашелъ у нихъ дощечку съ рунами, въ которыхъ заключалась просьба къ британскому королю о томъ, чтобы онъ немедленно казнилъ Амлета. Стеревъ написанное, Амлетъ на той же дощечкѣ пишетъ совсѣмъ другое, именно, чтобы король казнилъ обоихъ придворныхъ, а его, Амлета, въ награду за оказанныя имъ доблести, женилъ на своей дочери. Такъ все и случилось.

Черезъ годъ Амлетъ возвращается на родину, вновь принимаетъ свой прежній видъ и однажды во время празднества, воспользовавшись омыніемъ придворныхъ Фенго [этому омынію онъ самъ способствовалъ, угощая ихъ] покрываетъ всѣхъ бывшихъ въ нирштвенной хранилѣ рыболовными сѣтями, которая закрѣпляетъ тѣми палочками, что были имъ ранѣе заготовлены, зажигаетъ хранилцу, а самъ сѣлится къ Фенго, котораго и убиваетъ. Послѣ этого, Амлетъ, убѣдивъ въ сочувствіи къ нему народа, дѣлается правителемъ Ютландіи, куда вызываетъ свою молодую жену».

Шекспиръ могъ знать хронику Саксона Грамматика по французскому пересказу Бельфоре; но еще неизвѣстно, не зналъ ли онъ объ Амлетѣ изъ какого нибудь другаго источника. Піесы, содержаніемъ для которыхъ служила месть сына за убійство отца, были въ большой модѣ въ Англіи, еще до появленія Шекспира въ Лондонѣ. Между прочимъ Пилъ написалъ такую. Въ его преисполненной всякихъ ужасовъ «Испанской трагедіи», какъ и въ Гамлетѣ, является сыну тѣнь убитаго отца и требуетъ отъ него возмездія убійцамъ. Конечно, между «Испанской трагедіей» Пила и «Гамлетомъ» только вѣншее сходство, но могли быть еще другія піесы, намъ неизвѣстныя, въ которыхъ предметъ трактовался болѣе близко. Самый «Гамлетъ» первоначально не былъ такимъ, какимъ мы его знаемъ: послѣ перваго изданія [1603 г.], Шекспиръ его обработалъ и дополнилъ нѣсколькими новыми сценами, такъ что сдѣлалъ его по объему почти вдвое болѣе прежняго.

3. Въ нашихъ рисункахъ Гамлетъ изображенъ довольно полнымъ, не очень молодымъ и съ бородой. Онъ и долженъ быть такимъ, если слѣдовать тому, что о немъ говорится въ драмѣ. Актъ V, сцена 2, во время боя, мы слышимъ отъ королевы, что Гамлетъ тученъ. Ранѣе въ томъ же дѣйствіи, 1-я сцена, могильщикъ говоритъ, что принялся за свое ремесло съ того самаго дня, когда родился Гамлетъ, и занимается этимъ ремесломъ 30 лѣтъ: „It was the very day that young Hamlet was born. I have been sexton here, man and boy, *thirty years*“. Следовательно, Гамлету 30 лѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, Гамлетъ не юноша: въ немъ виденъ мужъ, привыкшій подчинять свои поступки разсудку. Наконецъ, борода должна необходимо быть у Гамлета, иначе онъ не выразился бы такъ: «кто вырветъ мою бороду и броситъ мнѣ въ лицо?... Кто посмѣетъ это сдѣлать?» [plucks off my beard and blows it in my face?].

4. На рисункѣ «представленіе Гамлету актеровъ», помѣщенъ между актерами юноша съ цвѣткомъ въ волосахъ. Къ нему то относятся слова Гамлета: «ваша женственность съ той поры, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ, поднялась къ небу на высоту полуштофа [your ladyship⁶ is neager to heaven, than when I saw you last, by the altitude of a chopine]». Въ Англіи въ шекспировское время актрисъ не было; выходить на сцену женщинъ почиталось тогда оскорбленіемъ общественной нравственности, и женскія роли исполнялись постоянно *мальчиками*. Вотъ почему Розалинда въ пьесѣ

⁶] Въ настоящее время пишется по англійски chopin; прежде это слово писалось какъ и во французскомъ языкѣ — chopine [полуштофъ]. Г. Макаловъ въ предлагаемомъ нынѣ переводѣ «Гамлета», какъ и нѣкоторые комментаторы Шекспира, принимаютъ это слово за

«Какъ вамъ угодно», обращаясь къ публикѣ съ заключительнымъ словомъ [какъ эпилогъ], между прочимъ говоритъ: «будь я въ самомъ дѣлѣ женщина» [if I were a woman].

5. [Дѣйствіе II, сд. 2, стр. 33]. Намекъ на выѣску театра Глобуса. Говорится о хорѣ мальчиковъ елизаветинской капеллы, который получилъ въ 1569 г. позволеніе давать въ церкви Павла свѣтскія представленія.

6. «Мы за коверъ весь трогъ спрячемся». [Дѣйствіе II, сд. 2, стр. 30]. Ковры вѣшались вдоль стѣнъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, во избѣжаніе порчи отъ сырости. Они служили и украшеніемъ и средствомъ придать покоямъ возможную уютность. На коврахъ были различнаго рода изображенія, сцены изъ священнаго писанія [напр. коверъ изъ собранія Жубіала, на которомъ изображено поклоненіе волхвовъ], сцены празднествъ [въ этомъ же собраніи есть коверъ, на которомъ изображенъ бракъ Людовика XII съ Анной Бретанской], сцены охотъ и проч. Величайшіе живописцы среднихъ вѣковъ составляли рисунки для такихъ ковровъ; такъ напр. мы знаемъ нѣсколько ковровъ, исполненныхъ по рисункамъ Рафаэля.

7. «Вотъ для васъ рута, и для меня невозможно». [Дѣйствіе IV, сд. 5, стр. 58] Рута была эмблемою горя и кромѣ того, ей приписывали свойство побуждать къ раскаянію и исправлять пороки.

название венеціанскаго высокаго сапога; но мы не можемъ согласиться съ этимъ толкованіемъ, хотя бы ужъ потому, что Шекспиръ не могъ знать о существованіи такой обуви, которая явилась послѣ написанія «Гамлета».